

СЮЗАННА ЭНОК

СЛОВО
ДЖЕНТЛЬМЕНА

Сюзанна Энок
Слово джентльмена
Серия «Уроки любви», книга 3

OCR Roland; SpellCheck Аваричка
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157270
Слово джентльмена: АСТ, Транзиткнига; Москва; 2005
ISBN 5-17-028425-X, 5-9578-1608-6

Аннотация

Две лучшие подруги Люсинды Баррет уже исполнили условие веселого пари – очаровали и затащили под венец двух самых отъявленных повес лондонского света.

Люсинда тоже не намерена отступать... даже если придется просить о помощи самого непредсказуемого мужчину!

В самом деле – кто подыщет и поможет укротить убежденного холостяка лучше, чем неисправимый ловелас Роберт Карроуэй?!

Однако Люсинда даже не подозревает, КАКУЮ игру ведет с ней Роберт – и, главное, КОГО прочит он ей в супруги!..

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	27
Глава 3	44
Глава 4	65
Глава 5	83
Глава 6	101
Глава 7	120
Глава 8	136
Глава 9	153
Глава 10	171
Глава 11	187
Глава 12	201
Глава 13	222
Глава 14	243
Глава 15	260
Глава 16	274
Глава 17	298
Глава 18	311
Глава 19	331
Глава 20	349
Глава 21	362
Глава 22	377

Глава 23	387
Глава 24	398
Глава 25	413

Сюзанна Энок

Слово джентльмена

Пролог

Дождь еще сильнее начал барабанить по оконным стеклам, словно пытаясь заставить услышать себя на фоне громкого спора, происходившего в гостиной Люсинды Баррет.

– Мы должны все это записать! – Хозяйка дома старалась перекрыть шум летнего ливня и голоса споривших.

Она, как и все ее громогласные друзья, рассеявшиеся в мягких креслах гостиной, была твердо уверена, что большинство мужчин понятия не имеют, как должен вести себя настоящий джентльмен. Вот почему представители сильного пола не могут вызывать у пола слабого ничего, кроме разочарований и раздражения. А потому пришло время начать действовать.

Люсинда вынула из выдвижного ящика стола несколько листов бумаги и раздала по одному Джорджиане и Эвелин. Еще один она положила на стол перед собой.

– Мы трое, – объявила она, – обладаем способностью в немалой степени влиять на тех, с позволения сказать, джентльменов, для которых и предназначены эти правила.

– И тем самым окажем немалую услугу другим женщи-

нам, – откликнулась Джорджиана Халли, раздраженное выражение лица которой понемногу сменялось легкой задумчивостью.

– Но простой список не заинтересует никого, кроме нас. – Эви Раддик все же взяла карандаш, который протянула ей Люсинда. – Если только мы не...

– О да! – договорила за нее Люсинда. – Если только мы не осуществим все это на практике! Для начала каждая из нас должна выбрать себе джентльмена, чтобы обучить его всему тому, без чего он не сможет рассчитывать на успех у женщин.

Джорджиана и Эви одобритительно кивнули в знак полного согласия с предложенным планом.

– О Боже мой, да! – подтвердила и Люсинда, слегка стукнув кулачком по столу.

– Нам надо опубликовать разработанные правила поведения. И озаглавить публикацию: «Уроки любви, составленные тремя знатными дамами», – прокудахтала Джорджиана и громко расхохоталась. – Итак: Предложения Люсинды.

Во время своего разговора с дамой джентльмен должен быть к ней максимально внимателен и не стрелять глазами по сторонам, дабы собеседница не подумала, будто он хочет найти женщину, более для себя интересную и привлекательную.

На балу или танцевальном вечере джентльмен должен обязательно танцевать, развлекая при этом свою партнершу приятной беседой. Присутствие же на балу только из стрем-

ления показать себя в выгодном свете считается проявлением невоспитанности, особенно когда многие дамы остаются без кавалеров и партнеров по танцам.

Джентльмен должен проявлять интерес не только к модным и популярным в данный момент сферам жизни и развития общества. Острый ум для джентльмена гораздо важнее хорошо повязанного галстука.

Простое ухаживание джентльмена за дамой ни в коем случае не означает, что он согласен со всем, что говорят ее отец и мать, хотя, несомненно, обязан проявлять к последним должное уважение.

– Очень мило! – согласилась Эвелин, сдувая со своего листка порошок от сломавшегося карандаша.

– Но у меня есть вопрос. – Люсинда еще раз просмотрела все ею написанное. – Как вы думаете, воспитав совершенного мужчину, мы действительно сослужим добрую службу обществу или же, наоборот, навредим, создав проблемы каждому второму представителю сильного пола в выборе спутницы жизни?

– Послушайте, Люси! – ухмыльнулась Джорджиана. – Вопрос заключается в том, будем ли мы воспитывать того или иного джентльмена исключительно с целью сделать его достойным восхищения и уважения со стороны дам...

– Да-да. Если мы действительно станем обучать мужчин, то, согласитесь, нам не должно быть безразличным их будущее после окончания курса, – подхватила Люсинда. – Толь-

ко в этом случае мы, бесспорно, преуспеем в осуществлении нашего проекта.

– О, Люси! – усмехнулась Джорджиана. – Вопрос как раз в том и заключается, можно ли обучить того или иного мужчину вести себя так, чтобы заслужить восхищение и уважение женской половины общества.

– Да. Но если мы будем обучать этих предполагаемых мужчин светским манерам, то должны подумать и о том, что станет с ними после окончания нашего курса, – продолжала гнуть свою линию Люсинда. – В конце концов, я не сомневаюсь, что в обучении мы преуспеем.

– Вы уверены в этом даже в большей степени, нежели я, Люсинда! – заметила Эвелин. – Ибо у меня и Джорджи есть еще и братья. Я говорю об этом отнюдь не для того, чтобы похвастаться!

– Зато у меня есть отец в чине боевого генерала! – фыркнула Люсинда.

– Я полагаю, – объявила Джорджиана, – что каждая из нас достойна принять участие в осуществлении задуманного проекта!

– Итак, кто станет первой?

Они посмотрели друг на друга и расхохотались.

– Что ж, – сказала, отсмеявшись, Люсинда, – я знаю только одно: у нас не будет недостатка в желающих, из которых можно выбрать достойных учеников!

Глава 1

*Я никогда не видел мужчину в столь жалком
положении!*

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Несколько месяцев спустя

– Да нет же, Эвелин! Я не могу допустить даже мысли о том, будто ты могла смошенничать! Просто хочу, чтобы ты перестала говорить ерунду! – Люсинда Баррет бросила на Эвелин раздраженный взгляд и опустилась поглубже в мягкое кресло у окна.

– Знаю, – не замедлила ответить Эвелин. – И хочу тебе объяснить, что действительно без всякого мошенничества решила давать уроки джентльменского поведения одному желающему. Кончилось же все это тем, что я вышла за него замуж.

Эвелин нетерпеливо посмотрела на Люсинду, встала из-за стола и несколько раз прошлась по комнате.

– Неужели ты не понимаешь, что какие-то два месяца назад я была простой дурочкой Эвелин Раддик, а теперь стала маркизой Сент-Обин? Право, до сих пор не могу поверить в реальность подобного превращения!

– Ты никогда не была дурочкой, Эвелин! – раздался голос

Джорджианы, которая неслышно проскользнула в гостиную, знаком приказав слуге плотно закрыть за ней дверь. – Прошу меня извинить за опоздание, – продолжала она, – а также за то, что я, похоже, тоже вышла замуж за своего ученика. Я говорю «похоже», поскольку, подобно Эвелин, все еще не могу поверить в свое счастье!

– Право, ни вам, ни Эвелин совершенно незачем извиняться! – усмехнулась Люсинда.

Джорджиана улыбнулась и, усадив Эвелин на мягкую кушетку, опустилась рядом с ней.

– Возможно, чуть более года назад я бы застрелила любого предсказавшего мне брак с Тристаном Карроуэем, а теперь сижу перед вами, готовясь в скором времени подарить миру еще одного члена семейства Карроуэй!

– Может быть, родится девочка! – хмыкнула Эвелин.

– Это вызовет серьезное недовольство в нашей семье, – угрюмо проговорила Джорджиана. – Наверное, я никогда не смогу понять смелости матери Тристана, которая произвела на свет после него еще четырех сыновей! Думаю, что первый опыт должен был бы стать для нее назидательным!

– Кстати, коль скоро речь зашла о братьях Тристана, – сказала Люсинда, – я слышала, что лейтенант Карроуэй возвращается в Лондон. Это действительно так?

– Да, – подтвердила Джорджиана. – Корабль Брэдшоу должен прибыть в Брайтон уже к концу недели. Шоу надеется получить новое назначение, причем на сей раз в Вест-Ин-

дию или куда-нибудь еще в том же районе. А почему тебя так интересует Шоу? Или ты решила и ему давать уроки нравственности и светского поведения?

Люсинда слегка покраснела и воскликнула:

– Боже все милостивый! Кто-нибудь из вас может себе представить реакцию моего отца, если бы я вдруг стала оказывать повышенное внимание кому-то из военных моряков? Пусть даже уроки светского поведения и не означают непрерывной свободы в отношениях между преподавателем и учеником!

– Ха! Другие как раз только и думают о такой свободе! – ввернула Эвелин.

– Чего, кстати, нельзя исключать! – подхватила Джорджина, делая очередной глоток из фарфоровой чашечки с чаем, которую держала в руках. – Итак, вы, насколько я понимаю, остановились на учениках?

– О, я так и знала! – захлопала в ладоши Эвелин. – Ну, так кто же избран первой жертвой?

Люсинда неуверенно посмотрела сначала на одну преуспевшую преподавательницу норм джентльменского поведения, потом на другую. Интересно, что бы они сказали, узнав, как она наблюдала с растущей ревностью за всеми их маневрами в отношении своих учеников? Возможно, им бы стало ясно, что после того, как Эвелин женила на себе Обина, прослушавшего весь цикл ее уроков джентльменского поведения, Люсинда тайно тоже стала присматривать для себя

подходящего ученика не без прицела на матримониальное будущее. Причем такого, кто с самого начала не столько интересовался бы ее уроками, сколько мечтал бы жениться на своей преподавательнице...

Люсинда вздохнула, подумав, что обе ее собеседницы, верно, уже давно обо всем догадываются. Ведь как-никак, а они были ближайшими подругами Люсинды и уже успели хорошо изучить друг друга.

– Думаю, нам удалось значительно сузить поле для поисков, – заметила Люсинда, подумав, что сама-то она уже сузила его до минимума, остановившись на одной-единственной кандидатуре.

– Согласись, Люсинда, – фыркнула Джорджиана, – что вся эта затея с уроками была выдумана тобой! А потому именно ты, дорогуша, теперь должна сделать очередной шаг!

– Знаю, знаю! Просто сейчас мне...

– Никаких отговорок! – оборвала ее Эвелин.

Люсинда глубоко вздохнула.

– Ну ладно! Вы непременно желаете знать имя моего ученика? Что ж, я вам его открою. Это лорд Джеффри Ньюком.

Она замолчала, ожидая реакции подруг. Лорд Джеффри, четвертый сын герцога Фенли, был, возможно, самым красивым и представительным мужчиной из всех, кого Люсинда когда-либо встречала в своей жизни. Другие женщины также восхищались лордом Джеффри, называя его Адонисом за курчавые золотистые волосы, бездонные голубые глаза и ши-

рокие сильные плечи. При этом своей божественной улыбкой он, казалось, мог загипнотизировать приготовившуюся к прыжку кобру. Неудивительно, что женщины кидались ему на шею.

Однако как раз это и создавало проблему. Мало кто мог усомниться в том, что выбор Люсинды диктовался матримониальными соображениями, а уж никак не желанием заполучить просто завидного ученика, которому было бы приятно давать уроки джентльменского поведения. В конце концов, частенько куда менее галантные мужчины не без успеха восполняли пробелы в своем воспитании, посещая ежегодные майские ярмарки в Мейфэре, на которых непременно работали соответствующие образовательные курсы. Так, к примеру, поступил Джек Толботт...

– Лорд Джефффри? – переспросила Джорджиана. – Прекрасный выбор!

– Полностью согласна! – одобрительно кивнула Эвелин, многозначительно улыбнувшись. – Именно прекрасный выбор!

Плечи Люсинды опустились.

– Спасибо вам обеим! – проговорила она. – Я действительно долго раздумывала перед тем, как остановила свой выбор на этом молодом человеке, так что мне особенно важна ваша поддержка. К тому же лорд Джефффри – герой войны, а это значит, что мой отец, будучи сам ветераном, несомненно, правильно поймет меня. Я уж не говорю о прекрасной

внешности лорда Джеффри. И все же я уверена, что в кое-каких уроках мой избранник очень даже нуждается. Так, он чрезвычайно раздражителен, а порой бывает даже безрассуден. Это, возможно, и заставило меня выбрать себе в ученики именно его. Мне хочется быть по-настоящему полезной этому человеку. Но может быть, я ошибаюсь? – Люсинда обвела вопросительным взглядом подруг.

– Нет, ты не ошибаешься! – воскликнула Эвелин. – И ведешь себя безупречно, впрочем, как и всегда. Не скрою: я уверена, что в данном случае на твой выбор в немалой степени повлиял наш с Джорджианой пример – ведь мы первыми влюбились в своих учеников и стали их женами. Но ты никогда и ни в чем не старалась слепо подражать своим ближайшим подругам и теперь, не сомневаюсь, все серьезно обдумала, взвесила и приняла единственно верное для себя решение.

– Не стоит забывать и того, – добавила Джорджиана, – что ты всегда была очень близка со своим отцом. Всеми уважаемый генерал Баррет, несомненно, уже знает о твоём выборе и правильно оценил его...

– Ты совершенно права, Джорджиана! – Люсинда расплылась в благодарной улыбке. – К тому же мне известно, что генерал Баррет с большим уважением относится к лорду Джеффри и высоко оценивает его человеческие достоинства. Хотя его и очень беспокоит, как бы я вдруг не осталась одна, если наша с ним близость пострадает от моего замуже-

ства.

– Я не помню, чтобы ты когда-нибудь сделала ложный шаг, – возразила Джорджиана. – Но если такое вдруг случится, то не знаю, сможем ли мы чем-то помочь.

Тут она закашлялась, чашка в ее руке задрожала, и чай, перелившись через край, забрызгал подол шелкового платья.

– Ой, Джорджи! – словно ничего не заметив, воскликнула Люсинда, взглянув в окно. – Посмотрите-ка!

Джорджиана выглянула в окно и увидела Эдварда, десятилетнего брата ее мужа. Мальчик пытался влезть на облучок фаэтона. Ему помогал муж Эвелин – маркиз Сент-Обин.

– Боже все милостивый! – воскликнула она, бросаясь к двери. – Да ведь он сейчас сломает руки Эдварду!

За последний год Люсинда так хорошо изучила Карроуэй-Хаус, что ориентировалась в нем не хуже, чем в собственном доме. Поэтому, взглянув еще раз в окно и убедившись, что до членовредительства дело на улице скорее всего не дойдет, она вышла в коридор и спокойно поднялась по лестнице на второй этаж к спальным комнатам.

Люсинда не знала, чем закончился разговор Джорджианы с Дэрмом, его четырьмя младшими братьями и двумя тетушками, но, как ей показалось, подруга все-таки выиграла от начавшегося в доме содома, как ранее случилось с Эвелин, когда поведение ее молодого мужа стало совсем неприличным. Люсинда терпеть не могла ссор и ругани. Благо, что с того дня, как ей исполнилось пять лет и дом Барретов факти-

чески стал принадлежать отцу, здесь было тихо и спокойно. Это резко контрастировало с криками и скандалами на грани драк, которые были почти нормой в доме Джорджианы.

Намочив тряпку, Люсинда принялась оттирать пятно.

В этот момент раздался стук в дверь, и на пороге появился Роберт Карроуэй.

– Боже, примите мои извинения! – воскликнул он, заметив Люсинду.

Роберт сделал шаг назад, в коридор, но тут же снова переступил порог и, опустившись на стоявший у двери стул, раскрыл книгу, которую до этого держал в руках.

Роберт... Средний по возрасту из братьев Карроуэй. Тот самый, раненный в битве при Ватерлоо. Местные злые языки считали его «непутевым». Люсинда уже несколько раз встречалась с ним на светских раутах, но не обменялась с Робертом ни единым словом, даже на свадьбе Джорджианы и Тристана. Сейчас она недоуменно смотрела на него. Роберт, видимо, чувствуя себя не совсем удобно, поднялся со стула и закрыл книгу.

– Виноват! – несколько растерянно пробормотал он. – Пожалуйста, извините!

– Ничего! – смущенно ответила Люсинда. – Я просто занималась домашними делами. – Заметив, что Роберт намерен ретироваться, она насмешливо посмотрела на него: – Нет, не уходите...

Роберт снова опустился на стул, но книгу на сей раз от-

крывать не стал. Люсинда же, помолчав несколько секунд, сказала:

– Боюсь, ваш брат Эдвард твердо решил научиться управлять спортивным фаэтоном, несмотря на все возражения Джорджианы.

– Это он облил вас чаем? – неожиданно спросил Роберт.

– Да что вы, вовсе нет! Это Джорджиана, увидев его через окно, вдруг ужасно разволновалась и наклонила чашку, которую держала в руках.

«Как он догадался, что пятно на платье – от чая? – подумала Люсинда. – Впрочем, про него говорят, будто бы его голубые глаза обладают способностью видеть любого человека насквозь и, уж конечно, не пропустит ни одной мелочи даже в одежде. Ах нет, ерунда все это! Просто Роберт почувствовал запах чая...»

Рыцарское выражение, которое было свойственно лицу Роберта в юношеском возрасте, с годами постепенно поблекло, а затем и вовсе исчезло после трех лет, проведенных дома, однако и теперь Роберт оставался стройным молодым человеком с мягкими и осторожными движениями, напоминающими волчьи. Так или иначе, Люсинду взгляд Роберта приводил в состояние, близкое к шоку.

Роберт распрямил плечи:

– Вы уже сделали свой выбор?

– Выбор? Какой?

Он вздрогнул и поспешно отвел взгляд:

– Так... Ничего. Желаю удачного дня, мисс Баррет!

Роберт круто повернулся и вышел, оставив книгу на подоконнике. Люсинда посмотрела на нее через раскрытую дверь и прочитала: «Мэри Шелли, «Современный Прометей»».

Края страниц книги были смяты и даже местами порваны.

– Люси?

Люсинда оторвала взгляд от книги и, обернувшись, увидела входившую в комнату Джорджиану.

– Я тебя расстроила? – спросила та. – Чем?

– Чайным пятном, которое ненароком посадила на платье.

– Вовсе нет, тем более что пятно очень легко отмылось.

Что с Эдвардом?

– Катается вместе с Обином по городу, сидя на облучке.

Причем сам держит в руках вожжи.

– Ну, это не вредно! Скажи, Джорджи, ты кому-нибудь говорила о наших уроках?

Виконтесса нахмурилась:

– Только Тристану и исключительно о своих занятиях. А почему это тебя беспокоит?

«Действительно, почему?» – подумала Люсинда.

Тут она вспомнила, что о том же спрашивал ее и Роберт.

– Почему интересуется? – улыбнулась она. – Просто так. Без всяких причин.

Люсинда проводила Джорджиану в холл, где они постояли несколько минут, разговаривая о том о сем. Когда же Люсин-

да на секунду бросила взгляд через плечо подруги, то вдруг увидела чью-то широкоплечую фигуру, тут же исчезнувшую за дверью одной из спален.

– Джорджиана! – шепнула Люсинда на ухо подруге. – Давно хотела тебя спросить: как сейчас чувствует себя брат Тристана? Я имею в виду Роберта.

– Роберт? – Джорджиана пожала плечами: – По-моему, прекрасно. Он почти не хромает...

– Видишь ли, я случайно столкнулась с ним на лестнице. Он...

– Он действительно производит впечатление. – Джорджиана рассмеялась. – Для меня это никакой не секрет. Надеюсь, он тебя не испугал?

– Конечно, нет! Просто он меня удивил.

Люсинда не могла удержаться, чтобы снова не взглянуть на лестницу, где только что стоял Роберт. Кстати, о чем он спросил ее? Если о том, о чем она сама только начинала смутно догадываться, то как мог об этом догадаться он?

Роберт был уже на верхней площадке лестницы, когда Люсинда с Джорджианой вернулись в гостиную, где их уже давно ожидала Эвелин. Джорджиана извинилась перед ней за отсутствие Роберта. Все – Тристан, Джорджиана, Шоу, Эндрю и обе тетушки – очень интересовались этим молодым человеком, а потому непременно хотели знать причину его отсутствия.

Получив извинение Джорджианы, они успокоились, по-

сколько теперь имели готовый ответ на этот вопрос, кто бы его ни задал.

Тристан поинтересовался у супруги, не собирается ли Роберт этим утром на «Таттерсоллз». Но на этот вопрос мог ответить лишь сам Роберт, который еще не дошел до гостиной. Здесь же знали только о том, что обычно Роберт Карроуэй присоединяется к подобным поездкам. К тому же семейство Роберта могло бы и не понять его сегодняшнего отказа от поездки, хотя обычно ему позволяли сидеть целый вечер, не произнося ни слова. Он мог свободно уйти, если стены гостиной начинали его стеснять, при этом гости получали полную возможность говорить о погоде, последних модах или еще о какой-нибудь ерунде, дабы просто провести время.

Сжимая в руке книгу, Роберт, заметно прихрамывая, вернулся в гостиную, хотя собственная комната, несомненно, устроила бы его куда больше. Но он любил сидеть у окна и наслаждаться залетавшим в гостиную прохладным ветерком. Кроме того, он мог слышать смех трех дам и особенно Люсинды и при этом гадать, что бы она подумала, заметив, что он приходит к Джорджиане именно тогда, когда в гостиной сидит она.

«Что, черт побери, все это значит? – ворчал про себя Роберт, окидывая взглядом гостиную и всех, кто там в этот момент находился.

– Прекрати же, наконец! Ведь ты у себя на родине, в Англии, в Лондоне... Тебя не собираются лишать еды и питья

или избивать в кровь за то, что ты осмеливаешься говорить! И вообще, за последние три года никто не позволил себе ни одного враждебного шага по отношению к тебе! Ты был совершенно свободным и чувствовал себя в полнейшей безопасности! Брось думать об этом!» – повторил Роберт про себя, против воли стараясь вновь углубиться в книгу. Но, подняв на мгновение голову, он увидел мисс Баррет, стоявшую в дверях...

Прежде Роберту казалось, что ее роскошные пышные волосы были каштанового цвета, однако сейчас они казались медно-рыжими! Один локон упал ей на щеку, на которой играл нежный румянец.

– Извините меня! – сказала Люсинда, – Я не хотела вас смущать, тем более что была предупреждена о вашем приезде.

Роберт еще несколько мгновений оторопело смотрел на Люсинду, пока не понял, что она ждет ответа именно от него.

Глаза Люсинды продолжали с интересом изучать его. Роберт ждал, что вот-вот начнутся дежурные комментарии по поводу прогноза погоды на следующий день: обычно как раз это становилось чуть ли не главным предметом разговора буквально во всех аристократических гостиных и светских салонах. Однако на сей раз все обстояло не так. Люсинда смотрела на Роберта и молчала, а он поочередно читал в ее глазах то неудовольствие, то страх, то – это было хуже всего – жалость! Люсинда при этом не переставала улыбаться.

Наконец она заговорила:

– Всю прошлую неделю генерал Баррет внимательно изучал стратегию и тактику американских индейцев, в первую очередь ирокезов. Он всегда особенно восхищался их умению незаметно подползти к врагу и неожиданно наброситься из засады. Я еще с детства постоянно слушала его рассказы об этом. Постепенно я сама научилась бесшумно подползать к нему, чтобы затем накинуться с оглушительным визгом. Генерала это не на шутку пугало.

Огастус Баррет был еще одной причиной, из-за которой Роберт крайне редко присутствовал на всякого рода светских раутах. Если он и посещал некоторые из них, то держался крайне замкнуто и неприветливо. Сегодня, появившись в гостиной, Роберт, казалось, не замечал никого, кроме молодой стройной девушки, стоявшей в дверях. К несчастью, ею оказалась как раз дочь генерала Баррета...

Роберт не мог понять, зачем Люсинда рассказывает ему об индейцах, о своем умении им подражать и все такое прочее.

«Надо и мне ей что-нибудь сказать», – подумал он и тут же, не поднимая головы, выпалил первое, что пришло на ум:

– Готов стать вашим учеником!

– Извините? – непонимающе захлопала глазами Люсинда.

– Я хотел спросить: вы уже выбрали себе ученика?

Люсинда побледнела.

– Откуда вы об этом знаете?

Появившееся на лице Люсинды испуганное выражение

повергло Роберта в шок. Подобное уже произошло с ним во время их первой встречи три с лишним года назад. Тогда Роберт сразу понял, что сказал нечто очень грубое, а потому круто повернулся и исчез. Сейчас так поступить было невозможно хотя бы потому, что Люсинда стояла прямо в дверях и проскользнуть мимо нее представлялось совершенно невыполнимой задачей. Где-то в глубине души Роберт неожиданно для себя подумал, что вовсе не желает исчезать и предпочел бы оставаться в гостинной ровно столько времени, сколько захочет Люсинда.

– Я обратил внимание на то, – неловко постарался он объяснить свое смущение, – что Джорджиана уже выбрала в ученики Тристана, а ваша общая подруга мисс Эвелин Раддик предпочла Сент-Обина. Последнее весьма обеспокоило мою кузину, которая не очень жалуется только что испеченного мужа своей...

– Но я... я, кажется, не давала никакого повода для подобных заключений в свой адрес, не так ли? Ведь речь идет всего лишь об уроках!

Роберту понравилось, что Люсинда не стала категорически отвергать его предложение, поэтому он, осмелев, позволил себе с ней не согласиться:

– Нет, не так!

Он отвел взгляд в сторону, а Люсинда, вдруг стушевавшись, неуверенно спросила:

– Вы... вы больше никому этого не говорили?

Роберт слегка скривил губы:

– Я никогда не был распространителем слухов и сплетен, мисс Баррет!

Лицо Люсинды стало еще более очаровательным.

– Приятно это слышать! – она. – Нам было бы очень жаль, если бы по городу распространились ненужные слухи – ведь мы только начали составлять списки наших возможных учеников...

Списки... Роберт ничего не знал о списках, поэтому фраза, оброненная Люсиндой, его немало удивила, но хмуриться или резко реагировать на сказанное он не стал. Впрочем, Роберт всегда умел скрывать свои чувства, а чтобы разговаривать, ему требовался интересный собеседник, способный связать вместе не только два слова. Люсинда, несомненно, принадлежала именно к таковым.

– Будьте спокойны, мисс Баррет, – сказал он. – Я сохраню ваш секрет. Ну а теперь признайтесь: вы сами-то уже сделали выбор?

– Выбор? Какой? Ах да! Вы имеете в виду ученика?

– Совершенно верно!

– Сделала!

Роберт снова почувствовал себя неловко. Выдержав довольно долгую паузу, он спросил:

– Могу я поинтересоваться, кто стал этим счастливецем?

– Лорд Джеффри Ньюком.

– Что? Вы решили выйти замуж за этого человека? Да вы,

извините, с ума не сошли? Почему вы сделали этот выбор? Скажите мне, Бога ради! Люсинда снова густо покраснела.

– Не понимаю, о каком замужестве вы говорите. Мы с подругами решили давать уроки джентльменского поведения мужчинам для превращения каждого из них в настоящего аристократа. Кроме того, я лично хочу убедиться в своей способности воспитать ученика так, чтобы он полностью соответствовал облику настоящего джентльмена, приведенному в предисловии к нашему списку. Вот и все!

– Другими словами, целью этих уроков отнюдь не является стремление выйти замуж, и...

– Не является! – резко оборвала его Люсинда. – Надеюсь, вы не думаете, будто я таким образом хочу заманить кого-то в ловушку и женить на себе?

– Я...

– Как вы могли решить, что я готова пасть столь низко, сэр?! – вновь прервала она Роберта. – Я ни в коем случае не хотела бы, чтобы у кого-нибудь в голове возникали подобные мысли! – Люсинда круто повернулась.

В следующий момент ее каблуки застучали по лестнице – очевидно, она решила не продолжать неприятный для себя разговор.

Роберт некоторое время стоял неподвижно, потом наклонился, чтобы поднять выпавшую из рук книгу. Черт побери! Похоже, он еще не был готов возвратиться в высший свет, что не представляло для него никакой проблемы каких-ни-

будь три года назад!

Роберт снова открыл книгу, машинально пробежал глазами страницу и неожиданно почувствовал волнение, вспомнив, как Люсинда только что улыбнулась ему.

Опустившись на стоявший рядом стул, он задумчиво посмотрел в окно. Роберт понимал, что нагрубил Люсинде, и теперь, чтобы снова получить от нее улыбку, ему непременно следует извиниться перед ней, причем сделать это он должен как можно скорее!

Глава 2

В свои лучшие годы он был вполне благородным существом, да и сейчас, оказавшись далеко не в благоприятной ситуации, он остался вполне привлекательным и даже милым.

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкенштейн»)

На вечеринку в Уэллкрест Люсинда приехала вместе с отцом. Год назад генерал Баррет признался, что празднества ему уже до смерти надоели, и потому он решил записаться в один из местных клубов, дабы иметь возможность проводить там время со своими друзьями. А его дочь примерно в то же время нашла себе новую компанию для участия в ежегодных светских сезонах.

С тех пор Люсинда, Джорджиана и Эвелин стали неразлучны. В светских кругах их даже прозвали «три сестры». Но теперь, хотя все трое и продолжали симпатизировать друг другу, Джорджиана и Эвелин успели влюбиться и устроить свою судьбу. Это означало, что, помимо приверженности общей цели по воспитанию мужчин, обе они обрели и некоторые другие обязанности, связанные с семейной жизнью.

Генерал Баррет понял это чуть раньше Люсинды и, будучи опытным военным стратегом, постарался учесть новую ситуацию в своих отношениях с дочерью, ибо отнюдь не хо-

тел, чтобы та чувствовала себя ущемленной перед подругами, уже сделавшими самый важный для любой женщины шаг в жизни.

Люсинда знала, что отец о ней беспокоится, очередным подтверждением чего стало его присутствие на сегодняшней вечеринке. Однако его беспокойство тревожило и ее.

Что касается Джеффри Ньюкома – уроки джентльменского поведения стали для Люсинды неплохим предлогом для сближения с этим человеком, тем более что она уже твердо знала, почему выбрала именно его. Генерал, наблюдая за Люсиндой, мечтал лишь о том, чтобы увидеть дочь счастливой и окруженной заботой. Она со своей стороны продолжала потихоньку следить за отцом, замечая, как постепенно слабеет его рассудок. Эту обязанность Люсинда добровольно возложила на себя еще с детского возраста с перерывом на то время, когда Баррет отправился на войну. Теперь же ей приходилось как-то совмещать заботу об отце со своими матримониальными планами.

После тщательного и долгого обдумывания Люсинда пришла к выводу, что брак с Джеффри – четвертым, младшим сыном герцога Фенли – стал бы наилучшим решением всех ее проблем. Он ей нравился, равно как и ее отцу, и был довольно богат, а это с учетом солидного приданого Люсинды и приличного военного жалованья отца гарантировало молодой семье обеспеченную и очень даже комфортную жизнь. К тому же Джеффри не былотягощен какими-либо дурными

привычками или картежными долгами и, несомненно, чувствовал себя защищенным от всякого рода финансовых и прочих потрясений.

Все это вселяло в Люсинду уверенность, что на ее плечи не ляжет никакой дополнительный груз и замужество не помешает исполнению обязанностей по отношению к отцу.

– А вот и сам адмирал Хант вместе с выскочкой Карроуэем! – провозгласил Баррет. – Что ж, насколько я понимаю, наступило время топить корабли!

Морской офицер Брэдшоу Карроуэй только что вернулся в Лондон. Это был стройный мужественный молодой человек, остроумный, изобретательный и к тому же очень богатый. Откровенно говоря, не столько богатство, сколько блестящая военная карьера вместе с очарованием и неотразимой внешностью лейтенанта Британского флота привлекали Люсинду. Как знать, может быть, он и оказался бы во главе тайного списка ее учеников с видами на будущего мужа, если бы... Если бы не был морским офицером!

Сама мысль о том, что его дочь может привести в семью Барретов моряка, могла стоить генералу инфаркта со смертельным исходом.

Люсинда с тревогой посмотрела на отца и шепнула ему на ухо:

– Будь приветливым и милым с адмиралом, папа! И никаких споров, тем более ссор!

– Конечно, конечно, милая! Самое большое, что я могу се-

бе позволить, так это легкое подшучивание. Ну, и пару шпилек в бок старику!

Люсинда безнадежно махнула рукой, давая этим понять отцу, что не намерена стоять рядом с ним на протяжении всей вечеринки. Она была отнюдь не уверена в том, что генерал не выкинет какой-нибудь непристойный номер.

– Можешь идти к своим друзьям! – покровительственно хмыкнула она.

Приложившись губами к щеке дочери, Баррет отошел к своим стоявшим кружком и о чем-то яростно спорившим самым близким друзьям и соперникам. Он встал так, что несчастный Брэдшоу невольно оказался сразу между двух огней...

Люсинда посмотрела в сторону стола с напитками и вдруг почувствовала острый приступ зубной боли. Схватившись за щеку, она поспешила к двери навстречу входившей в гостиную Эвелин, рядом с которой тут же возник лорд Сент-Обин с двумя бокалами мадеры в руках. Заметив это, Люсинда сокрушенно вздохнула: ведь бокалов должно было быть три!

– Мисс Баррет! – услышала она мужской голос за своей спиной.

Люсинда вздрогнула и обернулась. Перед ней стоял один из самых настойчивых искателей ее руки.

– Здравствуйте, мистер Хеннинг, – равнодушно произнесла она.

– Прошу вас называть меня просто Френсис! – добродуш-

но улыбнулся тот. – Мне кажется, что между нами не должно быть формальностей!

Он сумел бросить взгляд на карточку танцев Люсинды, которую та держала в руках и не успела спрятать.

– Вижу, что на вальс у вас пока нет партнера. Окажите мне честь – я хотел бы протанцевать его с вами. Кстати, здесь присутствует моя бабушка. Будьте любезны, подойдите к ней и поздоровайтесь – ей это будет очень приятно! Старушка весьма гордится мной и будет безмерно рада видеть своего любимого внука танцующим с такой красивой женщиной!

Меньше всего Люсинде хотелось сейчас разговаривать с таким тираном в юбке, каким слыла в высшем свете престарелая миссис Хеннинг, но все же она утвердительно кивнула:

– Хорошо! Только позвольте мне сначала немного прийти в себя. А потом я с радостью сделаю то, о чем вы просите. – Люсинда подарила Френсису обворожительную улыбку и тут же постаралась ускользнуть от него, смешавшись с толпой гостей, пока Френсис не напомнил ей об обещанном туре вальса. Но не успела она сделать и пары шагов, как услышала за спиной мужской голос:

– А, вот и вы, мисс Люсинда Баррет!

– Лорд Джеффри!

– Да, он самый! Я хотел бы по возможности спасти вас от мистера Хеннинга прежде, чем его имя окажется вписанным в вашу карточку танцев.

Люсинда покраснела. У нее не было никакого желания

танцевать с Хеннингом, но и обижать его ей не хотелось.

– О, я вовсе не... – начала было она, но Джефффри не дал ей закончить фразу:

– Если не ошибаюсь, на вальс у вас нет кавалера? – Он любезно улыбнулся. – Значит, им буду я! – Он мягко взял из рук Люсинды карточку, вынул из кармана карандаш и вписал свое имя напротив слова «вальс». – Теперь мы можем чувствовать себя спокойно. Вам, наверное, неизвестно, что молодой Хеннинг становится чрезвычайно опасным на танцевальном кругу.

– Чем именно?

– Тем, что постоянно наступает своей партнерше на пальцы. Итак – до вальса!

С этими словами Джефффри растворился в толпе. В тот же момент перед Люсиндой возникла Джорджиана, державшая за руку своего мужа лорда Дэра.

– Неплохое начало, не правда ли? – шепнула она на ухо Люсинде, целуя ее в щеку.

– Тише! – также шепотом ответила та, сделав страшную мину.

– Чудесно! – громко сказала Джорджиана. – Если мне не изменяет зрение, то генерал уже разговаривает с адмиралом Хантом. Может, нам имеет смысл вмешаться в их милую беседу?

– Не говори ерунды! – оборвал супругу лорд Дэра. – Посмотри каким каменным сразу же стало лицо Шоу! Впрочем,

легкий страх полезен моему братцу!

– Папа обещал обойтись без кровопролития, – буркнула Люсинда, внимательно посмотрев на Джорджиану и отметив яркий румянец на щеках подруги. – Я думала, что ты останешься здесь на всю ночь – ведь на улице сильно похолодало!

– Я говорил ей то же самое, – проворчал Дэр, поднося к губам руку жены и нежно целуя ее. – Но она настаивает на том, что должна проводить каждый свободный миг, танцуя со мной.

– Мой бедный, наивный Дэр! – с обворожительной улыбкой произнесла Джорджиана, беря мужа под руку. – Лично я пришла сюда только ради десерта!

Лицо лорда приняло умильное и даже слащавое выражение.

– Значит, ты говоришь, что пришла, только чтобы отвезти десерт?

– Да, только за этим!

– Видишь ли, дорогая, я доподлинно знаю, что самый вкусный... – Дэр не закончил фразу, устремив взгляд через плечо супруги в дальний конец зала, и вдруг довольно громко воскликнул: – Черт побери! А что здесь делает этот тип?

Люсинда обернулась, проследила за взглядом Дэра и увидела стоявшего в дверях зала Роберта Карроуэя, который рассеянно осматривал зал.

– Господи! – прошептала Джорджиана. – Ты думаешь, дома что-то неладно?

– Сейчас выясню!

Но Роберт уже заметил их и смешался с толпой гостей, причем сделал это с такой поспешностью, что Люсинда невольно почувствовала недоброе. Ее удивило, почему средний из братьев Карроуэй, завидев их, тут же поспешил исчезнуть, не сказав никому ни слова.

Однако уже минуту спустя Роберт, протиснувшись между солидным лордом Нортрамом и его пышнотелой супругой, подошел к ним.

– Ну? – тихо спросил у него Дэр. – Надеюсь, ничего не случилось?

– Ничего. Просто я получил приглашение на эту вечеринку.

– Понимаю.

– Черт побери! – раздался голос пробравшегося через толпу Брэдшоу. – Что вы здесь делаете, Роберт?

– Хочу перекинуться парой слов с мисс Баррет, – недовольно буркнул в ответ Роберт.

Люсинда заметила, как левая бровь Дэра удивленно выгнулась, а на лицах Брэдшоу и Джорджианы появилось крайне изумленное выражение. В то же время во взгляде Роберта было что-то близкое к отчаянию, поэтому Люсинда поспешно произнесла:

– Я не возражаю, мистер Карроуэй, но нельзя ли отложить разговор на более поздний час?..

– Хорошо, давайте поговорим чуть позже, – согласился

Роберт. – Но не могу ли я сказать вам всего несколько слов наедине прямо сейчас?

Люсинда молча кивнула.

Когда они вышли в соседнюю комнату, Роберт плотно прикрыл за собой дверь и некоторое время смущенно смотрел в пол. Потом он тихо произнес:

– Я пришел, чтобы извиниться перед вами за вчерашнее.

– Что ж, благодарю! – просто ответила Люсинда. – По крайней мере вы были откровенны. А поскольку знали о наших планах организовать обучение мужчин правилам джентльменского поведения, то ваши выводы, хотя и сделанные в недопустимо грубой форме, вполне логичны.

– Да, я действительно был груб.

Глядя на этого человека, признающегося женщине в своем некрасивом поведении по отношению к ней, Люсинда не могла сдержать улыбки.

– Вы застали меня врасплох! – сказала она. – Впрочем, именно так и должен поступать хороший солдат!

Роберт вздрогнул.

– Я вовсе не хороший солдат, – угрюмо возразил он и, приоткрыв дверь в зал, оглядел с порога танцующих.

Люсинда вынула из сумочки карточку с программой танцев:

– У меня нет кавалера на кадрили. Если не возражаете, я впишу на этот танец вас.

– Зачем же? Уж лучше пригласите Хеннинга, – пробурчал

Роберт через плечо. – Разве не видите, что его все игнорируют?

– Вижу! Я как раз собиралась пригласить его на кадрили, но подумала, что, может быть, вы...

Люсинда не закончила фразу, ибо Роберт неожиданно куда-то исчез. Предположив, что он просто скрылся за дверью, она выглянула в зал и огляделась. Но его нигде не было...

– Гм-м...

Пять лет назад, во время лондонского дебюта Люсинды, Роберт танцевал кадрили именно с ней, но она сильно сомневалась, что он это помнил, поскольку тогда молодой лорд совершенно случайно очутился в Лондоне, приехав из Кембриджской школы. Люсинда же запомнила его как великолепного танцора, головокружительно красивого, что сразу же произвело незабываемое впечатление на всех молодых дам. К тому же Роберт был в высшей степени остроумным собеседником и, несомненно, подавал большие надежды на будущее.

Однако очень скоро он поступил на военную службу и отправился воевать против Бонапарта.

– Люсинда! – Джорджиана тронула ее за руку. – У тебя что-то случилось?

– Нет, все, слава Богу, в порядке! – Люсинда отрицательно покачала головой. – Роберт подумал, что был груб со мной вчера, и попросил прощения.

– Неужели он действительно позволил себе обидеть тебя?

– Боже мой, конечно, нет! – фыркнула Люсинда. – Просто мы разошлись во взглядах.

– Во взглядах?

– Да. Но все это ерунда! А сейчас мне хотелось бы выпить бокал мадеры. Должна тебе признаться, на прошлой неделе мы дважды очень бурно спорили с Робертом, причем оба старались сохранить предмет наших расхождений в строжайшей тайне. Порой наш спор носил просто-таки мистический характер.

Люсинда тихо засмеялась, делая вид, будто не замечает страшного шума, царившего в танцевальном зале. В этот момент ей как раз очень хотелось спокойствия и тишины. Она не сомневалась, что два разговора с Робертом в течение одной недели были всеми замечены. Может быть, кое у кого они даже вызвали ревность...

Тем временем златокудрый Адонис, как прозвали в местных светских кругах лорда Джеффри, отделился от толпы гостей и вновь предстал перед Люсиндой, загородив от нее Джорджиану.

– Сейчас начнется наш вальс! – напомнил он.

– О, извините меня! – всполошилась Люсинда. – Я чуть было об этом не забыла!

– Понимаю вашу забывчивость!

– Что вы имеете в виду?

Вместо ответа лорд Джеффри обнял Люсинду за талию и вывел в центр танцевального зала. Она была рада этому, ибо

всего лишь шутила с Джорджианой о возможной ревности к Карроуэю. Хотя Роберт действительно притягивал к себе взгляды чуть ли не всех женщин в зале, вполне можно было предположить, что у молодого лорда просто не хватило бы времени начать ревновать Люсинду к кому бы то ни было.

– Так что же все-таки вы имели в виду? – повторила свой вопрос Люсинда.

Лорд Джеффри не без ехидства улыбнулся:

– Я имел в виду, во-первых, молчаливое появление кое-кого в зале, а во-вторых, то, что этот кто-то разговаривал только с вами! Откровенно говоря, я был уверен, что этот молодой человек уже давно умер и Дэр похоронил его в каком-нибудь подвале или еще где-нибудь, в не очень почетном месте.

– Что за ерунда! – Люсинда скривилась, выражая свое неодобрение недовольной гримасой.

Ее раздражало хорошо известное ей мнение о Роберте, которое только что высказал златокудрый Адонис, а потому желание давать уроки поведения молодому лорду в ней только еще больше укрепилось.

– Поймите же, – сказала она Джеффри, – ведь лорд Карроуэй всего лишь раненый солдат!

– Я тоже получил пулю в плечо под Ватерлоо! – насмешливо возразил тот. – Это было чертовски больно! Но это отнюдь не означает, что я должен бахвалиться перед вами своими ранами и подвигами!

Люсинда знала, что лорд Джеффри был ранен при Ватерлоо. Впрочем, об этом знали все. Но, глядя на его насмешливую улыбку, она решила, что вынудит этого юнца рассказать ей о некоторых своих героических подвигах. Это в какой-то степени помогло бы ей избрать для себя достойную линию поведения с ним и одновременно отвлечься от плотоядных взглядов другого бывшего солдата...

– Ну что ж, рассказывайте, – улыбнулась она Джеффри...

Роберт сделал крюк по пути в Карроуэй-Хаус, после чего застрял на довольно продолжительное время у входа в Гайд-парк. В эту полночь ни один уважающий себя житель Лондона не решился бы оказаться на улице под открытым небом; Роберту же мокрый снег и свежий морозный ветер только поднимали настроение.

Он ослабил узду своего коня и ободряюще похлопал его ладонью по крупу. Мускулы животного напряглись, и конь резво побежал по аллее парка. Светила луна. Холодный ветер обжигал лицо Роберта, заставляя его пригибаться и шуриться. Кругом было тихо – слышались только мерный стук копыт, поскрипывание кожаного седла и шумное дыхание Толли – такую кличку дал коню его хозяин.

В подобные ночи, выезжая из дома, в котором уже были погашены огни, Роберт позволял себе немного забыться. Он чувствовал себя единственным во всем мире всадником, скачущим навстречу ветру. Ему казалось, что этот мир с готовностью открывается ему. Никаких барьеров и стен, ника-

ких тревожащих слух истошных криков о помощи и рыданий – ничего подобного в этом мире не существовало. Ничто не сдерживало бега верного коня, и никто в эту темную ночь не смог бы найти его!

Наконец, когда дыхание коня участилось, а шаг стал короче, Роберт, проехав еще с десяток метров, повернул к дому. Конюхи еще спали, и Роберт, спрыгнув с коня, угостил его яблоком, а затем отвел в конюшню.

Парадная дверь оказалась незапертой – очевидно, в доме ждали возвращения Джорджианы, Тристана и Шоу. Это позволило Роберту бесшумно войти. Однако уже в следующий момент он услышал раздраженный детский голос:

– Где, черт побери, тебя носило?

– А почему, черт побери, ты все еще не в кровати? – шутливо ответил Роберт и взглянул в сторону лестницы, ведущей на второй этаж.

На верхней площадке он увидел худенькую фигурку Эдварда, присевшего на ступеньку.

– Сначала отвечай ты, – потребовал Эдвард, – я первым задал вопрос. К тому же я вот уже целый час сижу здесь, пока ты носишься неведомо где и неизвестно чем занимаешься!

Если бы подобный допрос учинил Роберту, скажем, Тристан, Брэдшоу или даже Эндрю, то он сразу же взлетел бы по лестнице на второй этаж, захлопнул за собой дверь спальни и запер ее на ключ. Но с Эдвардом, дрожавшим от холода в своей тоненькой ночной рубашонке и сжимавшим в зако-

ченевшей ручке оловянного солдатика, он не мог поступить подобным образом.

– Понимаешь, малыш, мне надо было кое-куда съездить по важным делам... – Роберт поднялся по лестнице и слегка шлепнул мальчонку ладонью по мягкому месту.

– Я за тебя беспокоился, – обиженно сказал Эдвард. – Хотя, конечно, еще не дорос до того, чтобы иметь право следить за порядком в доме. Но сегодня утром здесь не было не только тебя. Шоу протанцевал на балу всю ночь и вернулся только с восходом солнца.

– А ты почему так рано поднялся?

– Мне приснилось, будто корабль Шоу утонул.

– Ого!

– Ты сегодня больше не собираешься никуда уходить?

– Нет. Сегодня я больше отсюда ни шагу.

Роберт поднял Эдварда на руки, отнес его в детскую комнату и посадил на край кровати.

– Спи спокойно, малыш! – ласково сказал он, укрывая Эдварда одеялом.

Роберт вышел, плотно закрыл дверь детской и направился к себе. Попутно он размышлял о том, почему Эдвард из всех домочадцев именно его избрал ответственным за порядок в доме. Конечно, Роберт и впрямь проводил дома больше времени, чем остальные, но сам-то он никогда не считал себя человеком сколько-нибудь надежным! Правда, даже младшие братья постоянно дразнили его за постоянное стремление к

домашнему уединению, но мог ли он сам считать себя одиноким в доме, полном не только слуг, но и теток с их челядью, когда те приезжали в город?

Пять лет назад Роберт отнюдь не был уверен в том, что может ответить на этот вопрос, но тогда он даже не слышал о существовании Шато-Паньон или генерала Жан-Поля Баррере...

Повесив сюртук в шкаф, Роберт подошел к окну и открыл его. Почти погасший огонь в камине вновь ярко вспыхнул, когда свежий морозный воздух наполнил комнату.

Роберт поежился и снова прикрыл окно. В следующую минуту он уже лежал на софе и думал о Люсинде.

Итак, мисс Баррет совершенно серьезно решила положить глаз на Джеффри Ньюкома! Оставшись на несколько минут в зале, Роберт получил возможность понаблюдать за этой парой, когда они вальсировали: Люсинда при этом великолепно выглядела, улыбалась своим многочисленным друзьям, на фоне которых она казалась драгоценным алмазом.

Роберт в очередной раз вздохнул. Он подумал о том, что не должен был ее высмеивать за выбор ученика – ведь Люсинда милостиво приняла его извинения за грубость и даже попросила остаться, когда он вознамерился уйти!

Он повернулся на другой бок, лицом к окну, и подумал о том, что даже днем раньше не позволил бы себе такой праздной траты времени, как появление на этой вечеринке. Правда, все же он сумел, как ни трудно это ему было, вытерпеть

шумное, говорливое и полное суеты собрание так называемой местной аристократии – просто Роберт тогда не думал в тесных стенах дома о духоте и шумной толпе гостей – одним словом, о всяких пустяках...

А сейчас его мысли целиком занимали мисс Баррет и то, о чем он станет с ней говорить во время следующей встречи. Пусть и на расстоянии, но на протяжении последних трех лет Роберт не упускал Люсинду из виду. Но встретиться им за эти годы так и не пришлось...

Впервые Роберт заснул, вспоминая спокойную женскую улыбку, не думая об ужасах смерти или о том, что ожидает его на следующий день...

Глава 3

У вас есть надежда и открытый, безбрежный мир, и нет никаких причин для отчаяния. Ну а я... я потерял все и не могу начать жизнь сначала...

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Люсинда, проскользнув в дверь кабинета отца, огорошила его совершенно неожиданным вопросом:

– Почему ты постоянно называешь лорда Милберна анархистом? Честное слово, мне он таковым не кажется!

Генерал Огастус Баррет посмотрел через плечо на дочь. Хотя выражение лица генерала было довольно суровым, в его серых глазах светилась радость – и ни намек на громы и молнии, которые обычно наводили ужас не только на домохозяев, но и на молодых офицеров.

– Нет, Люсинда, – возразил он, – ты только взгляни на него! Красный пиджак, белая длинная куртка и зеленые брюки! Ей-богу, он либо законченный анархист, либо оживший национальный флаг Испании!

– Ну и что ж из того? – Люсинда хихикнула. – Или испанцы уже перестали быть нашими союзниками?

– Они перестанут ими быть, увидев, как некий англичанин издевается над главным символом их суверенного государства! – Лицо генерала приняло почти зверское выраже-

ние. – Помилуй Бог! Ты только посмотри: он уже начал махать нам рукой! Каков наглец! Насколько мне известно, он еще не твой жених и не мой зять! Имей в виду: если он посмеет хотя бы приблизиться к нашему дому, я прикажу его пристрелить!

Люсинда отошла от окна и покачала головой:

– Никакой он мне не жених! У меня совсем нет желания выходить замуж за чей-либо государственный флаг! И вообще, папа, у тебя ко мне есть еще какое-то дело? – Она бросила выразительный взгляд на беспорядочную груду страниц с записями, сделанными чернильным карандашом, возвышавшуюся на столе из красного дерева.

– Успокойся, пока для тебя ничего нет. Записи, которые я сделал в Саламанке, вряд ли могут на что-либо пригодиться. И не уводи разговор в сторону!

– Какой разговор?

– Как это какой? Естественно, о женихе.

– Папа, не вздумай снова начать приглашать к нам в дом своих друзей-офицеров, ибо в таком случае ты, я и еще человек тридцать твоих дружков непременно облачатся в красно-бело-синие мундиры, отображающие цвета французского флага, а мне придется изображать из себя национальное знамя Франции, развевающееся на башне в блокированном городе, который готовятся захватить англичане!

Генерал еще глубже утонул в мягком кресле, в то время как Люсинда продолжала забрасывать его вопросами:

– Видишь ли, папа, насколько мне известно, лорд Джеффри Ньюком участвовал в военных действиях при Саламанке. Сегодня вечером он должен быть в «Олмаке». Как ты думаешь, не стоит ли мне подойти к нему и спросить, не может ли он задержаться в Лондоне и помочь нам расшифровать некоторые публикации в твоём журнале? То, что там написано, известно далеко не всем, так как мало кто участвовал в событиях под Саламанкой или оказался их свидетелем.

– О ком это ты? Не о том ли, кто получил пулю в плечо во время битвы при Ватерлоо? Если я не ошибаюсь, вчера ты танцевала с ним вальс, не так ли?

– Вчера, впрочем, как и всегда, я танцевала по меньшей мере с дюжиной молодых людей. Просто во время вальса лорд Джеффри сказал мне несколько слов о минувшей войне, вот я и подумала, не может ли он быть тебе в чем-то полезным.

– Что ж, надо подумать!

Генерал, казалось, только сейчас заметил муслиновое платье дочери и кокетливо сдвинутую набок соломенную шляпку с прикрепленной к ней искусственной розой. Он окинул Люсинду с головы до ног насмешливым взглядом и хмыкнул:

– Как тебе известно, у нас есть хороший садовник!

– Да. Ты знаешь, что я очень люблю розы и всегда ношу с собой перчатки на случай, если мне доведется поработать в цветнике.

– Точно так же делала твоя покойная матушка! – грустно

произнес генерал. – Да... Где ты сейчас, моя дорогая Мэри со своими волшебными розами?

– Я могла бы составить прекрасный букет для твоего кабинета, папа. – Люсинда улыбнулась и, надев плотные перчатки, спустилась в сад, небрежно бросив слуге: – Если что, ты найдешь меня в розарии, Боллоу!

– Да, мисс Люсинда, – кивнул в ответ старый слуга.

Тем временем садовник Уэрли уже успел собрать для молодой хозяйки букет полевых цветов. Люсинда, продолжая вспоминать вальс, который танцевала накануне с Джефффри, спустилась в глубь сада, где ее покойная матушка в каждый день рождения дочери сажала по одной новой розе.

После ее смерти Люсинда старалась по возможности продолжать эту традицию, высаживая ежегодно по розе, но уже в память о матери. Неделю назад она получила двадцать четвертую розу, на этот раз из Турции, и сейчас собиралась ее посадить...

Присев возле клумбы, Люсинда разрыхлила землю и, осторожно взяв в руки роскошный цветок, наклонилась над ним и прошептала:

– Ну, как ты себя чувствуешь? Наверное, хочешь пить?

И тут же у ее ног появился кувшин с водой.

– Спасибо, Уэрли! – поблагодарила Люсинда, полагая, что это садовник. – Вы прочитали мои мысли!

Но тут ее взгляд упал на его ботинки. Странно, Уэрли никогда не носил подобной обуви. Люсинда подняла взгляд и, к

своему удивлению, увидела сначала охотничьи брюки из дорогой оленьей кожи, каких никогда не позволил бы себе купить ни один садовник, зеленую куртку и яркий галстук, над которым выступал волевой подбородок. Взглянув еще выше, она увидела тонкие губы. Сверху на нее смотрели знакомые голубые глаза...

– Мистер Карроуэй! – воскликнула Люсинда и поспешно вскочила, наступив при этом на подол своей длинной юбки и чуть было не упав на клумбу.

Роберт сделал шаг вперед и схватил девушку за обе руки. Убедившись, что она удержала равновесие, он отпустил Люсинду и покорно отступил, восстановив расстояние между ними, после чего заложил руки за спину.

– Ну и чего вы испугались? – поинтересовалась Люсинда. – Можно подумать, я кусаюсь!

– Этого я не говорил, – хмыкнул Роберт.

«Будь с ним мила и приветлива! – сказала себе Люсинда. – Ведь если он пришел, значит, имел для этого причины!»

Обе подруги Люсинды, отмечая постоянное отсутствие Роберта на публике в течение последних трех лет, были убеждены, что лорду Карроуэю очень нелегко чувствовать себя оторванным от общества.

– Я не хотела вас обидеть! – смущенно промолвила Люсинда. – Хотя это вы первый вывели меня из себя.

– Я должен научиться быть осторожным и скрытным, – тихо ответил Роберт. – И мне казалось, вы надлежащим об-

разом оцениваете искусство, с которым я это делаю.

Люсинда внимательно посмотрела на Роберта. Его лицо оставалось совершенно спокойным, однако небесно-голубые глаза вдруг повеселели и часто замигали. Люсинда с удовольствием отметила, что Роберт, видимо, не лишен чувства юмора.

– В смысле осторожности мне явно далеко до вас! – Люсинда усмехнулась. – Но, думаю, нам следует заключить своего рода договор: не допускать никаких тайных действий друг против друга, прежде чем мы станем откровенными врагами.

– Принято! – кивнул Роберт и посмотрел через плечо Люсинды на дом. – Вчера вечером мне в голову пришла довольно любопытная мысль.

– И какая же?

– Вы напрасно тратите время с Джеффри Ньюкомом.

– Это еще почему?

– Потому что Ньюком – самоуверенный и донельзя испорченный человек.

Люсинда не могла решить, воспринимать эти слова с раздражением или же, наоборот, признаться, что они ее заинтриговали.

– Тем более он нуждается в уроках, – возразила она, но затем прибавила: – Конечно, я не могу безошибочно выбрать себе ученика только потому, что его окружение полагает, будто он особо нуждается в подобных занятиях. Однако я

уверена, что джентльмены во всех случаях не должны говорить дурно друг о друге в присутствии женщины.

Роберт кивнул в знак согласия:

– Разумеется, вы правы, хотя лично я не отношу себя к категории джентльменов. Вы ближайшая подруга Джорджианы и, думаю, должны понимать, что если Тристана и Сент-Обина можно считать раздражительными и в какой-то степени сбившимися с пути, то оба они отнюдь не окончательно испорчены. И все же, какие бы уроки вы ни стали им преподавать, они не будут к ним прислушиваться, пока не поймут, что могут извлечь из них практическую пользу. При этом оба уверены, что весь мир должен склониться перед их сиюминутными желаниями.

– Тем, кто сторонится своих друзей, вы кажетесь человеком, знающим о них буквально все, – резко ответила Люсинда. – Скажите, а что вы думаете обо мне?

– О вас?

– Да, обо мне. Уверена, если вы столь аккуратно разложили по полочкам Джеффри, Сент-Обина и собственного брата, то что мешает вам с такой же легкостью повторить этот опыт и со мной?

Люсинда с удивлением почувствовала, что ее не на шутку заинтересовало мнение о ней Роберта. Возможно, она была слишком откровенна с ним. Но ведь она не просила его высказывать вслух мнение о ее возможном будущем муже!

– Вы заслуживаете куда большего, нежели этот Ньюком, –

негромко произнес Роберт. – Я говорю так, потому что хорошо знаю его.

– Спасибо за заботу! – Люсинда резко выпрямилась. – Но согласитесь, что... – Она не закончила фразу, ибо Роберт, как и в прошлый раз, неожиданно куда-то исчез.

Люсинда удивленно осмотрелась по сторонам, но увидела лишь прогуливавшихся по садовым аллеям гостей. У нее было такое чувство, словно она минуту назад разговаривала не с живым человеком, а с каким-то нереальным существом, родившимся в ее разгоряченном воображении.

«Боже мой! – прошептала она с раздражением. – Ведь и я могла бы сказать тебе немало обидного, грубиян!»

– Разговариваешь сама с собой? – услышала Люсинда над самым ухом голос отца.

Генерал Баррет уже успел не один раз обойти вокруг дома, разыскивая дочь среди цветочных клумб и кустов.

Люсинда посмотрела на его слегка обиженное лицо и поняла, что хитрить с отцом было бы недостойно.

– Я... я разговаривала с новым кустом роз! – призналась она.

– Ах вот как! Разговаривала с цветами? Ну, и что же они тебе ответили?

– Они застеснялись и промолчали.

– Если все-таки они соблаговолят ответить, то передай мне все до последнего слова!

– Очень остроумно!

Генерал протянул Люсинде руку, в которой было зажато какое-то письмо.

– Возьми. Недавно принесли, – строгим тоном сказал он, передавая дочери смятый конверт.

Взяв конверт, Люсинда с упреком заметила:

– Полагаю ты решил передать это мне лично и с таким опозданием только потому, что все слуги в доме буквально валяются с ног от усталости! И уж конечно, не потому, что, как всегда, откладываешь все на потом! Скорее всего ты просто не знаешь, как закончить очередную главу своего опуса, а поскольку стесняешься прямо попросить меня о помощи, то делаешь это в письменной форме. Ведь так?

– Откровенно говоря, я и впрямь никак не могу добраться до середины главы. Так что твоя помощь действительно потребуется и будет принята с большой благодарностью. Поистине, воевать легко, а вот писать, особенно о войне и политике, невероятно трудно!

Люсинда захихикала, постаравшись выбросить из головы волнения, которые принес с собой приезд Роберта Карроуэя. Удалось это или нет, она и сама толком не знала. Может быть, на какой-то короткий момент Люсинда и впрямь перестала о нем думать... но, очевидно, ненадолго. Ведь после трехлетнего отсутствия Роберта им потребовалось всего три дня, чтобы обоих вновь стало тянуть друг к другу.

– Не прибедряйся, отец, – сказала она. – Ты отлично умеешь не только воевать, но и писать.

– Да, но без твоей тщательной редакции ничего путного из всей этой писанины никогда бы не получилось! Так что позволь мне выразить восхищение твоим несравненным искусством редактора и удалиться к себе в кабинет, дабы продолжить собственные жалкие писательские потуги.

Когда отец ушел, Люсинда оглянулась по сторонам, желая убедиться, что больше никто ее не потревожит, и только тогда вскрыла конверт.

Почерк Эвелин она узнала сразу и отнюдь не удивилась приглашению вместе с отцом отужинать у лорда Сент-Обина в ближайшую субботу в обществе друзей семьи. С улыбкой Люсинда прочитала и приписку Эвелин о том, что приглашение направлено также лорду Джеффри Ньюкому...

Она положила письмо в карман юбки, подумав, что подружки, видимо, решили помочь ей. Однако сама Люсинда пока еще не могла составить для себя план предстоящего занятия главным образом потому, что этот первый урок должен был содержать в себе и некий потайной смысл откровенно матримониального характера. Ведь Джорджиана и Эвелин, выбирая себе учеников, уже доподлинно знали, как и чему будут учить их на первом же уроке. Теперь наступила ее очередь. На сей раз ни та, ни другая уже не намеревались скрывать, что уроки джентльменского поведения задумывались ими лишь как предлог для встреч с молодыми людьми.

«Проклятие!» – выругалась про себя Люсинда, повторив тем самым едва ли не самую расхожую грубость, бытующую

в лексиконе друзей отца, и принялась старательно поливать розы из кувшина, который принес ей Роберт...

Подъезжая к Карроуэй-Хаус, Роберт пустил коня медленным шагом. Эдвард и Брэдшоу стояли у ворот конюшни, осматривая новое седло, которое младший брат хотел получить в подарок к своему дню рождения.

Роберт подъехал к ним и спешил.

– Шоу уже сказал тебе? – обратился к нему Эдвард.

– Шоу? Ничего он мне не говорил! А что?

– А то, что он получает корабль в полную собственность и становится его капитаном.

– То есть почти капитаном, – поправил его Брэдшоу. – Это произойдет примерно через месяц, если Бонапарт снова потерпит поражение.

– Поздравляю! – одобрительно покачал головой Роберт.

– Куда ты ездил? – спросил его Брэдшоу.

– Никуда. Просто так, по делам, – небрежно ответил Роберт.

Никаких особенных дел у Роберта не было. Он и сам толком не знал, почему так резко повернулся и, не говоря ни слова, отошел от Люсинды, даже не дослушав до конца того, что она ему говорила. Он намеревался помочь ей кое в чем, но, по сути, и себе-то мало чем мог помочь!

– Ты пришел, чтобы покататься верхом со мной и Шоу? – поинтересовался Эдвард.

– Нет, мне надо разобрать корреспонденцию. За послед-

ние дни пришло много писем – может быть, в них есть нечто важное.

Честно говоря, Роберт, помимо разбора пришедших писем, хотел как можно скорее скрыться от переполнявшей в это время дня Гайд-парк шумной толпы, а потому, кивнув Эдварду с Шоу, он круто повернулся на каблуках и направился в сторону своего дома.

– Подержи лошадь, – сказал Брэдшоу груму и, бросив ему поводья, быстрым шагом направился вслед за Робертом. Заметив это, тот чуть сбавил шаг, давая Шоу возможность догнать его.

Некоторое время они молча шли рядом. Роберт мог слово в слово повторить все, о чем говорил с каждым членом своей семьи всякий раз после долгой отлучки. Чтобы хоть как-то разрядить ставшее уже гнетущим взаимное молчание, он сказал:

– Со мной все в порядке, Шоу. Я спокойно дойду один.

– Я только хотел сказать тебе, Роберт, что на моем корабле имеется вакантное место третьего помощника капитана, которое должен занимать офицер, – ответил Шоу, наблюдая за тем, как слуга, увидевший через окно приближающегося Роберта, открывал перед ним двери дома. – И если ты захочешь, то...

– Нет, спасибо! – прервал его Роберт.

– Мне кажется, что уход из армии отнюдь не означает, что ты не сможешь больше сделать ничего полезного в этой жиз-

ни! – не сдавался Шоу.

Роберт на мгновение остановился и посмотрел в лицо старшему брату:

– Ты серьезно считаешь, что скитание по волнам всех морей и океанов может быть отнесено к каким-то мало-мальски полезным занятиям?

– У тебя нет... – начал было Шоу, опустив взгляд.

– Оставь меня! – раздраженно перебил его Роберт, слегка повысив голос. – И пойми, что я ни в коем случае не хотел бы повторить твою жизнь!

– Почему? Только потому, что у тебя больше нет своей?

Роберт быстрым шагом вошел в дом и поднялся на второй этаж. Уже стоя у двери своей спальни, он услышал брошенные ему вслед слова Брэдшоу:

– Это не должно оставаться так!

– Должно! – буркнул себе под нос Роберт и скрылся за дверью.

Сейчас ему требовалось хотя бы на несколько минут остаться в тишине и одиночестве. Он не мог более подвергать себя мучительным мыслям в этом огромном, ограниченном четырьмя стенами пространстве, из которого не видел для себя никакого выхода.

Однако в закрытой, хотя и не запертой на ключ спальне ему показалось еще теснее. Роберт постоял немного посредине комнаты и принялся, как тигр в клетке, ходить от двери к окну и обратно, сжав ладони в кулаки и стиснув зубы.

Он уже знал, что с ним происходит: это была паника без всякой, казалось, на то причины. Такое случилось с ним и прежде, причем отделаться от подобного ощущения Роберт не мог очень долго.

Чертов Брэдшоу!

Роберт закрыл глаза, перегнулся через подоконник и долго стоял в такой позе. Итак, за эти три дня он сделал все, что мог: дважды торжественно появился на публике, постоянно стараясь привыкнуть к созерцанию ведущей на второй этаж лестницы и выслушиванию бесконечных сплетен. Кроме того, он участвовал в светских беседах, вполне удачно их поддерживая. Это после трех-то лет одиночества и почти полного молчания!

«Спокойно! Надо постараться воспринимать все как во-все тебя не касающееся! Ведь ты не собираешься никуда уезжать! И здесь вроде бы тоже не должно что-то случиться. Разве ты не чувствуешь себя в полной безопасности?»

Пока Роберт повторял все это себе снова и снова, в дверь постучали.

– Роберт? – донеслось из коридора.

Узнав голос Тристана, Роберт открыл глаза и погрузился в полную тьму. Видимо, пока он смотрел в окно, наступила ночь.

Постояв неподвижно пару минут, Роберт пошел открывать дверь.

– У тебя все в порядке? – спросил Тристан, смерив брата

с головы до пят тревожным взглядом.

– Ну да, все в порядке, – удивленно ответил Роберт.

– Разреши войти?

– Нет.

– Ты выглядишь так, будто только что вернулся из ада...

– Знаю!

Тристан сжал губы:

– Шоу рассказал мне о предложении, которое он тебе сделал.

Роберт почувствовал, как нервная дрожь охватывает все его тело. Неужели ему предстоит снова и снова проходить через все это? Да он просто не в состоянии сделать нечто подобное, во всяком случае сейчас.

– И ты думаешь, что я должен согласиться? – спросил он Тристана, не скрывая растущего раздражения.

– Нет. Я считаю, что Шоу – просто идиот, и уже сказал ему это.

– Вот и прекрасно!

Некоторое время виконт молчал, потом тихо произнес.

– Я уверен, что сначала ты должен поговорить со мной. Пойми, мне очень бы хотелось тебе помочь...

Роберт отступил на шаг и сжал ручку двери.

– Ты ведь знаешь, я стараюсь... – прошептал он, опасаясь, что его голос сорвется, если эти слова будут произнесены вслух.

– Знаю... Знаю все, что тебе нужно и кого ты хотел бы

видеть. Тебе стоит только сказать, и я устрою любую встречу и постараюсь исполнить любое твоё желание.

– Мне не нужно... – начал было Роберт, но Тристан оборвал его:

– Знаешь, о чем я сейчас подумал?

– О чем?

– Тебе надо найти какое-нибудь занятие, другими словами – хобби. Да-да, ты много читаешь и постоянно поддерживаешь спортивную форму с помощью Толли. Речь идет о другом – более серьезном и глубоком. Откровенно говоря, я и сам пока плохо себе представляю, о чем именно... Хотя думаю, что начать следовало бы с чего-то малого, из которого впоследствии вырастет нечто очень большое и важное. Что сможет...

– Целиком занять меня – ты это хочешь сказать?

– Не сердись! Я ведь...

– С чего ты взял, что я сержусь? Тем более что ты, возможно, прав.

– Я... Я прав? Никогда ни от кого не слышал ничего подобного! Я прав! С ума сойти! Умоляю, скажи об этом Джорджиане – вот она удивится!

Неподдельное облегчение, отобразившееся на лице Тристана, вызвало у Роберта чувство вины перед братом. Он улыбнулся, открыл дверь и, пропустив Тристана вперед, вышел вместе с ним в коридор.

Спустившись в холл, они остановились и некоторое время

молча смотрели друг на друга.

Наконец Роберт улыбнулся и произнес:

– Надеюсь, ты не пропустил из-за меня обед?

– Пока еще нет, и хочу, чтобы ты разделил его со мной и Эдвардом. Кстати, он уже до того проголодался, что готов съесть собственные внутренности.

– Боже, неужели мы заставили его голодать?

– Именно! Но это не так важно.

Они прошли в столовую, расположенную на первом этаже.

Пока Роберт садился за стол, он чувствовал, что Тристан и Эдвард внимательно смотрят на него, стараясь поймать его взгляд. Он поспешно опустил голову и принялся сосредоточенно смотреть в пол. Братья были явно обеспокоены видом Роберта и хотели хоть как-то поддержать его. При этом Шоу был на него откровенно зол за отказ занять место помощника капитана на корабле, которое он предложил от чистого сердца, чтобы дать брату возможность сделать карьеру морского офицера.

Затянувшееся молчание первой нарушила Джорджиана:

– Эвелин и Сент пригласили всех нас к себе на ужин в ближайшую субботу.

– Всех или только взрослых? – спросил Эдвард.

– Всех, независимо от возраста. В том числе Люсинду, генерала Баррета и лорда Джеффри Ньюкома.

– Чудесно! – обрадовался Эдвард. – Мне очень нравится лорд Джеффри – он всегда рассказывает массу интересного

и, кроме того, лично знаком с самим лордом Веллингтоном – победителем битвы при Ватерлоо...

– Так же, как и Сент, – же заметил Брэдшоу.

Роберт все еще чувствовал устремленные на него взгляды сидевших за столом. Очевидно, каждый из них ждал, что он включится в общий разговор. Но разве он был обязан непременно что-то говорить? Вот если речь за столом коснется лично его...

К подобному поведению Роберта все здесь давно привыкли, а потому оставили его в покое и переменили тему разговора.

Тем не менее Эдвард все же не выдержал и спросил:

– Скажи, Роберт, ты лично знаком с лордом Веллингтоном?

Все отлично знали, что Роберт только видел героя Ватерлоо, не больше, а потому были уверены, что ответа на вопрос Эдварда не будет. Но Роберт, посмотрев на Эдварда, сказал:

– Я не то чтобы знаком с лордом Веллингтоном, а просто однажды видел его во время объезда войск. Кроме того, как-то раз я имел честь пить с ним виски. Вот и все!

– А как получилось, что ты пил с ним виски? – не унимался Эдвард.

– У меня была бутылка, шел снег, дул холодный ветер, и Веллингтон попросил дать ему глоток виски, чтобы согреться. Иначе, как грубовато пошутил тогда генерал, он может отморозить себе кое-что.

– Разве Веллингтон сказал «кое-что»? – переспросил Эдвард.

– Эдвард! – прикрикнула на него Джорджиана. – Веди себя прилично, хотя бы за столом!

– Но ведь Роберт нарочно скрыл правильное слово! – стал оправдываться Эдвард.

Шоу демонстративно закашлялся в платок, а стоявший в дверях дворецкий Доукинс очень неловко притворился, будто бы что-то рассматривает через открытое окно. Тристан и Джорджиана тщетно пытались скрыть улыбки.

Роберту же после трех часов почти нечеловеческого напряжения очень хотелось закрыть глаза. Он чувствовал себя таким усталым, как будто пробежал без отдыха до самого Ньюкасла и назад. Очень короткий и беспокойный сон никак не помог ему. И вообще, подобное состояние показалось Роберту странным, ибо еще никогда в жизни он не уставал до такой степени. А может быть, Тристан был прав и ему просто требовалась некоторая встряска?

– Сад... – пробормотал Роберт, даже не осознавая, что говорит вслух.

Он понял это только по удивленному выражению, появившемуся на лице брата.

– Извини? – переспросил его Тристан.

Цветы, посадки, выращивание... Даже если вся эта деятельность оканчивалась неудачами, то все же она не могла вконец разбередить душу Роберта. Он действительно любил

покопаться в саду, поэтому, вздохнув, посмотрел на Тристана и признался:

– Что ж, я люблю работать в саду.

– В каком? – спросил его Брэдшоу, выдержав короткую паузу.

«Не следовало нарушать молчание!» – подумал Роберт, стараясь не реагировать на пытливые взгляды братьев и мертвую тишину, воцарившуюся в комнате. Он вспомнил, что и у Люсинды был сад. Интересно, о чем она размышляла, сидя на корточках перед черной, только что вскопанной клумбой? Неужели и тогда в душе спорила с ним? Или думала еще о чем-то еще?

– В розарии... – ответил он скорее себе, чем Шоу.

– В розарии? – переспросила Джорджиана, задумчиво взглянув на Роберта. – Я чуть было не забыла, что для мужчин из семейства Карроуэй наступило время заботиться еще о чем-то, помимо сохранения своей вконец испорченной репутации!

– Моя репутация пока еще не запятнана, хотя и я принадлежу к этой семье, – возразил Эдвард и, бросив взгляд на Роберта, спросил: – Роберт, почему бы вместо того, чтобы раздумывать о каких-то розах, нам с тобой не прокатиться куда-нибудь верхом?

«Боже, неужели я не пригоден ни для чего сколько-нибудь серьезного? – подумал Роберт. – Цветы... Верховые прогулки... И это все?»

– Извините, – сказал он, поднимаясь во весь рост, – я должен идти!

– Только пообещайте мне посадить белые розы, – напутствовала его Джорджиана. – Я их особенно люблю!

Роберт молча кивнул и вышел из комнаты...

Глава 4

Ты можешь назвать меня романтической, милая сестрица, но я безумно хочу иметь настоящего друга!

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкенштейн»)

– Джорджиана! – воскликнула Люсинда, сбегая вниз по лестнице, чтобы встретить подругу. – Я что, была совсем идиоткой? Помнится, за покупками мы решили пойти завтра...

– Ты не ошиблась, мы действительно именно так и договаривались. – Джорджиана взяла Люсинду за руки.

– Успокойся, виконтесса, это не светский визит!

Джорджиана не выглядела встревоженной, но Люсинда не могла отогнать от себя воспоминания о ее вчерашнем, довольно резком разговоре с Робертом. Что ж, ну и прекрасно! Все, что ей было нужно, так это отказ дражайшей подруги от обвинений, высказанных ею в адрес инвалида, ее двоюродного брата.

– Чем я могу помочь тебе? – спросила Люсинда, проводя подругу в гостиную. – Пойми, я не знаю, как мне себя вести, если ты будешь упрямо настаивать на своих ни на чем не основанных обвинениях!

– Возможно, для тебя это прозвучит несколько странно, –

ответила Джорджиана, – но я очень прошу не портить со мной отношений...

– Конечно, я бы тоже этого не хотела.

– Тристан пытался найти возможность помочь Роберту успокоиться. Знаю, тебе это кажется непонятным, но...

– Вовсе нет! – оборвала ее Люсинда, стараясь скрыть волнение, охватившее ее при одном упоминании имени Роберта.

– Спасибо! Вчера он упомянул о том, что собирается разводить розы, и я...

В голове Люсинды мелькнуло подозрение, заставившее ее часто заморгать.

– Розы? – переспросила она.

– Именно так! Правда, я не могу даже догадаться, откуда у него могла появиться подобная идея, но он не стал бы об этом говорить без причины. Я бы хотела помочь ему, но боюсь все испортить. Поэтому я не стану обсуждать это ни с кем, кроме своей семьи и самой близкой подруги.

Люсинда кивнула:

– Кстати, у меня есть несколько редких саженцев и книг по разведению роз. Может быть, мне стоит подъехать к нему и передать их?..

– О нет, лучше не нарушать уединение Роберта. Он, как мне показалось, очень этого не любит и тут же начинает злиться.

– Пожалуй, ты права, не стоит его тревожить... С другой

стороны, – продолжала размышлять вслух Люсинда, – после такого визита ему будет трудно отказаться от нашей помощи. Или же придется выбросить из головы всю эту затею с разведением роз... – Она помолчала несколько секунд и решительно тряхнула головой. – Ладно... Я все же рискну съездить к Роберту, пусть даже он на меня разозлится. Мне хочется помочь ему успокоиться, а заодно услышать наконец его голос и смех! – Люсинда улыбнулась и, подойдя, обняла подругу. – Только подумай, Джорджиана, он получил рану в битве под Ватерлоо и своими глазами видел весь тот ужас! Это не могло пройти бесследно для его психики...

– Конечно, ты права, – вздохнула Джорджиана. – Тем более надо сделать все возможное, чтобы ему помочь!

Реакция подруги показалась Люсинде не совсем искренней. У нее не было времени, иначе она непременно попыталась бы выведать у Джорджианы все, что та сейчас недосказала.

– Я заеду к тебе перед обедом, – вздохнула Джорджиана, направляясь к выходу.

Через несколько минут после отъезда Джорджианы в гостиную вошел генерал Баррет.

– Кажется, твоя идея может спасти главу о Саламанке в моем журнале, – с довольным видом заявил он, вынимая из кармана какой-то листок. – Это письмо от лорда Джеффри. Он пишет, что хотел бы вместе с нами перелистать мой журнал и выяснить, куда можно поместить его статью о... розах.

Джеффри непременно собирается написать таковую!

– Так это же великолепно!

– Он намерен заехать сегодня сразу же после обеда. Я просил бы тебя тоже присутствовать при нашем разговоре и сделать кое-какие записи.

– Буду очень рада помочь, – согласилась Люсинда. – К тому времени я надеюсь вернуться.

– Ты куда-то уезжаешь?

– Это опять же касается планов Роберта разводить розы. Мне надо приготовить для него несколько саженцев.

Генерал удивленно посмотрел на дочь:

– Ты имеешь в виду Роберта Карроуэя? Сдается мне, пока он не числится в списке твоих возможных женихов, не так ли?

– Нет, не числится! Роберт просто мой хороший друг. – Заметив недовольное выражение на лице отца, Люсинда наммурилась: – А почему ты задаешь такой вопрос?

– Потому что Роберт никак не укладывается в мои представления о солдате. Так же, впрочем, как и о человеке...

– Папа!

– Я знаю, что теперь он стал зятем Джорджианы, но все же советую тебе держаться от него подальше, и не надо слишком афишировать вашу дружбу, ибо его репутация может лечь темным пятном на тебя, да и на меня тоже.

– Боже мой, отец, о каком пятне ты говоришь? Роберта в столице не видели уже почти три года! Кроме того, он был

ранен в битве при Ватерлоо. Роберт Карроуэй – герой!

Генерал замолчал и долго смотрел на дочь с крайним неодобрением, а потом сказал сдержанным тоном:

– Так говорят в столице. Может быть, все это и не соответствует действительности, но будь осторожна! Не забывай, что многие другие участники той страшной битвы тоже получили тяжелые ранения; однако разве ты видела кого-нибудь из них скрывающимся ото всех в четырех стенах своего дома и не желающим высунуть носа за дверь? К примеру, лорд Джеффри. Ведь он тоже герой Ватерлоо и тоже был ранен, но это не мешает ему регулярно появляться на всех светских приемах и всякого рода раутах. Причем держится он там с высоко поднятой головой, потому что кристально чист перед обществом. А репутация Роберта Карроуэя порядком подмочена, не забывай об этом!

Люсинда даже не думала, что исполнять подобные наказания отца для нее станет проблемой; но все же она утвердительно кивнула:

– Я буду в высшей степени осторожной, папа.

– Спасибо, – Баррет удовлетворенно улыбнулся, – этим ты поможешь старику чувствовать себя уверенно и спокойно отдыхать на склоне лет.

Люсинда насмешливо улыбнулась и взяла отца под руку:

– Это какого же старика ты имеешь в виду? Я не помню, чтобы ты знакомил меня с каким-нибудь почтенным старцем...

Семейство Карроуэй редко завтракало вместе. Каждый в доме жил по собственному расписанию, назначая свои деловые встречи, и заранее планировал поездки и экскурсии. К тому же у Эдварда были еще и уроки.

У Роберта ничего из этого списка не было, зато он пользовался правом на уединение, поэтому в то утро, когда он вошел в гостиную, его удивило не столько то, что за столом на сей раз сидело все семейство, а то, что его самого торжественно сопровождали двое слуг. Подобного парада Роберт никак не ожидал.

Роберт любил утренние часы – лучи восходящего солнца всегда казались ему чудесами нового дня. На столе дожидались свежие копии газеты «Лондон таймс», хотя Тристан редко утруждал себя их чтением. Его нисколько не интересовало то, что происходило в мире и даже в Лондоне. Обычно он отодвигал газеты в сторону, наваливал себе в тарелку гору ветчины, сыра, тостов и прочей вкуснятины и присаживался в конце стола.

Итак, когда Роберт в сопровождении двух слуг вошел в гостиную, к нему тут же подбежал Доукинс и скороговоркой выпалил:

– Мастер Роберт, к вам пришли!

Роберт спокойно сел за стол, отломил кусок сэндвича и только после этого ответил:

– Скажи, что меня нет дома!

– Слушаюсь, сэр!

Доукинс пошел выполнять приказ, а Роберт принялся за еду, надеясь, что больше его никто не побеспокоит. Однако уже через минуту Доукинс снова появился в гостиной и доложил:

– Сэр, мисс Баррет желает знать, может ли она оставить свою коробку здесь и вернуться за ней попозже.

– Мисс Баррет? – переспросил Роберт. – А что за коробка?

– Не знаю, сэр. Прикажете спро...

– Я сейчас сам узнаю! – прервал он.

Люсинда дожидалась его в холле; у ног ее стоял небольшой деревянный ящичек. Роберт бросил на него беглый взгляд, после чего посмотрел на Люсинду. Она была в длинном желтом платье, голову ее украшала летняя шляпка. То и другое ей очень шло.

Роберт слегка вздрогнул, но тут же решил, что должен первым заговорить с гостьей независимо от того, была ли она приглашена на завтрак или нет.

– Что вы здесь делаете? – не слишком вежливо спросил он.

Люсинда стянула с рук рабочие перчатки и небрежно бросила Роберту, который их ловко подхватил.

– Поднимите это! – приказала она, указав на стоявший у ее ног ящичек. – И следуйте за мной!

Роберт в первый момент повиновался, но тут же остановился и решительно ответил:

– Нет!

Люсинда скрестила руки на груди:

– Вы не считаете, что нагрубили мне в прошлый раз? Или для вас хамство стало нормой поведения?

– А вы как думаете?

– Я думаю, что нагрубили, причем самым хамским образом! И я намерена хорошенько проучить вас за это.

С очаровательной улыбкой Люсинда тронула ящичек большим пальцем ноги и подвинула его к Роберту:

– Поднимите! Как видите, он совсем небольшой и вполне вам по силам. Обещаю, что внутри нет никого, кто мог бы вас укусить! – Она нахмурилась и добавила с усмешкой: – Конечно, если вы будете осторожно с ним обращаться!

Из гостиной в холл вернулся Доукинс вместе с двумя слугами, которые сопровождали Роберта во время его первого появления к завтраку. С балкона донеслось бурчание одной из молоденьких горничных. Ее перебил низкий женский голос. Стало очевидно, что там назревает ссора. Снизу раздавались голоса Эдварда и его наставника – эти двое ожесточенно спорили по поводу погоды на Мадагаскаре.

Роберт бросил на пол перчатки Люсинды, наклонился и поднял ящичек.

Опередив Доукинса, Люсинда распахнула входную дверь и, сбежав по ступенькам крыльца, посмотрела сначала на дорожку, а потом в сторону конюшни. Затем она пересекла зеленую лужайку и остановилась у дверей конюшни. Роберт опустил ящичек у ее ног и отступил на шаг.

– Желаю вам успеха! – с издевкой произнес он. – Но в следующий раз я попросил бы вас доверить слугам свой багаж и прочие вещи, которые вы собираетесь взять в дорогу! А сейчас желаю вам доброго утра и удачного дня!

Роберт уже повернулся, намереваясь уйти, но Люсинда его удержала:

– Мистер Карроуэй, если кто-то кому-то преподносит подарок, то последний непременно должен хотя бы поблагодарить его за внимание!

– Я у вас ничего не просил и даже не намекал ни на какие подарки, – парировал Роберт.

– Извините за то, что я употребила, возможно, некстати, это слово. Ну, пусть не в полном смысле подарок, а книги по садоводству, которые я принесла в помощь вашим планам по разведению роз. Уж не говоря о том, что я была готова прочесть вам не одну лекцию на эту тему!

Роберт подошел к Люсинде вплотную и твердо произнес:

– Я не хочу от вас никакой литературы, лекций или инструкций. И тем более этой чертовой благотворительности!

Люсинда часто заморгала, глядя на Роберта, и он понял, что не на шутку испугал ее. Это ему не понравилось. Она же отступила на полшага и прошептала:

– Вы вчера приходили ко мне, и, когда сегодня утром Джорджиана упомянула о розах, я подумала, что вам, возможно, потребуются саженцы. А потому я бы не расценила это как благотворительность, как вы сейчас изволили выра-

зиться. Скорее я бы посчитала подобный жест утвердительным ответом на ваш вопрос, который вы хотели, но не успели задать.

«Боже! – подумал Роберт. – Неужели она надеется чего-то добиться столь идиотским образом? Или же полагает, что у меня не найдется других поводов для того, чтобы приходиться к ней, хотя бы для простого разговора о чем-нибудь?»

В то же время этот ящичек с книгами оставлял Роберту пусть очень скользкий, но все же очевидный путь к отступлению. Сейчас ему требовалось выработать совершенно новую тактику поведения, дабы не выглядеть в глазах Люсинды обыкновенным хромоногим инвалидом. Было совершенно очевидно, что сама мысль об этом начинала не на шутку его пугать.

– Если говорить по существу, то я хотел бы предложить вам своего рода сделку, – солгал он, спешно перебрал в голове все возможные варианты.

– Сделку? – удивленно приподняв брови, спросила Люсинда. – И какую же?

Роберт глубоко вздохнул. Это было как раз то, что он хотел предложить Люсинде накануне. Сейчас он проклинал себя за то, что так поспешно ретировался тогда, услышав шаги ее отца. Но даже после своего позорного бегства Роберт не мог не понимать, что появление генерала Баррета было для него лишь предлогом, причем очень даже неуклюжим! Он не стал ничего говорить Люсинде просто потому, что не был

уверен, сумеет ли толком разъяснить ей суть своего предложения...

«Сейчас или никогда!» – сказал себе Роберт.

Он подумал, что если серьезно намерен пробраться в столичный высший свет, то сделать это невозможно, используя поддержку лишь собственной семьи, ибо в таком случае никто и никогда ему не поверит.

– Надеюсь, вы поможете мне в создании розария, – сказал Роберт, стараясь говорить как можно мягче. – А я со своей стороны мог бы постараться наладить ваши отношения с лордом Джефффри Ньюкомом.

– С Джефффри? Интересно, как вы намерены это сделать?

«Проклятие!» – подумал Роберт. Теперь ему придется представить ей конкретный план переговоров с Джефффри!

– Если вы собираетесь давать ему уроки, имея в виду в перспективе нечто большее, – сказал он вслух, – то добьетесь успехов гораздо скорее, если занятия будут проходить в моем присутствии.

– Но я...

– Подождите, я еще не закончил. Вы, разумеется, понимаете, что Джорджиана и миссис Сент-Обин вряд ли смогут быть вам чем-либо полезны, коль скоро обе уже вышли замуж. Я же, будучи холостяком, могу оказать кое-какое влияние на Джефффри. Это даст вам некоторые преимущества в отношениях с ним.

Люсинда слегка склонила набок голову, словно стараясь

получше рассмотреть Роберта.

– Другими словами, вы будете давать мне советы, а при необходимости согласны сопровождать в поездках и всякого рода экскурсиях, когда их подлинной целью будут встречи и любые возможные контакты с лордом Джеффри.

– Именно так!

Люсинда не спеша подошла к стоявшему у ног Роберта ящичку, сняла с крышки лежавшие там рабочие перчатки и очень серьезно произнесла:

– Что ж, давайте начнем! Вы согласны?

Тристан никак не мог отыскать свою жену, которая ушла по каким-то домашним делам рано утром и уже должна была вернуться. Но ее не было ни в спальне, ни в комнате отдыха на втором этаже, ни у тетюшек, ни в гостиной для завтраков.

«Проклятие! – выругался про себя Тристан. – Ведь она на восьмом месяце беременности!»

Он решил, что если жена не станет вести себя более осторожно, то, хочется ей этого или нет, ему придется перевезти будущую маму в Дэр-Парк.

– Джорджиана! – громко позвал Тристан.

– Тсс! – донеслось из полуоткрытой двери библиотеки. – Я здесь. Не шуми, ради Бога!

Виконт не без удивления перешагнул через порог библиотеки и увидел супругу, стоявшую у дальней стены около окна. В руке у нее был стакан.

– Черт побери, – зашипел Тристан на жену, – что ты здесь

де...

Джорджиана не дала мужу договорить, прижав свою ладонь к его губам, и прошептала:

– Посмотри!

Она кивнула в сторону конюшни. Тристан посмотрел в указанном направлении и застыл на месте.

Посреди небрежно постриженной зеленой лужайки стояла Люсинда с книгой в руках. В двух шагах от нее отчаянно размахивал над своей головой пучком листьев на колючей ветке Роберт. Он что-то кричал, но издалека трудно было услышать, что именно.

Пока Тристан пытался понять эту явно скандальную сцену, Роберт сделал несколько шагов в сторону, после чего вновь вернулся к Люсинде.

– Что там у них стряслось? – негромко проговорил Тристан, не отрывая взгляда от разбушевавшегося брата.

– Ничего! – пояснила Джорджиана. – Просто они спорят о чем-то связанном с разведением роз. Я предложила Люсинде принести ему немного саженцев для посадок, вот он ими и размахивает.

– Но он почему-то кричит на Люсинду!

– Да, это несколько странно...

Тристан продолжал наблюдать. Роберт стоял в двух шагах от Люсинды и продолжал с ней о чем-то раздраженно спорить. Тристан еще некоторое время смотрел на эту сцену, потом обернулся к жене и спросил готовым сорваться голосом:

– Скажи, Джорджи, как может Люсинда любить этого человека?

– Люсинда ведь всех любит, – усмехнулась Джорджиана. – Равно как и ее все любят!

– Но...

– Никаких «но»! Больше ничего не могу тебе сказать, но уверена, что она совершенно определенно о ком-то вздыхает, причем подозреваю, что этот «кто-то» отнюдь не Роберт!

– Слушай, давай поговорим обо всем этом позже. А сейчас надо срочно прекратить эту ссору, пока дело не зашло слишком далеко!

Тристан уже готов был сорваться и бежать вниз, но Джорджиана удержала его:

– Нет. – Покачав головой, она схватила супруга за руку: – Пусть сами разбираются между собой! Пойми, если ты вмешаешься, Роберт взорвется, и тогда нельзя будет даже представить, что может произойти. Тем более пока они, похоже, просто разговаривают, хотя и на повышенных тонах, и ты даже не знаешь, о чем они спорят.

Тристан тяжело вздохнул. Всеми фибрами души желал он сейчас удержать своего брата от какого-нибудь необдуманного поступка. Впрочем, он также не сомневался, что Джорджиана, как всегда, права.

– Честно говоря, я об этом и впрямь ничего не знаю. – Тристан поцеловал супругу в щеку. – Уверен, что и тебе ничего не известно. Но я оставляю за собой право быть посвя-

ценным во все их секреты! – Тристан решительно отстранил Джорджиану от окна и прошептал ей в ухо: – Любовь моя, пять минут назад я ничего не знал. Не знаю и сейчас, равно как и ты, но что-то заставляет меня отнестись ко всему только что увиденному с крайним сомнением.

Рассеянно слушая инструкции Люсинды о том, какой рыбный бульон лучше подошел бы для удобрения роз, Роберт снова и снова оглядывался на окна второго этажа, за которыми располагалась библиотека. Он подумал, что за портьерами могли прятаться Джорджиана и Тристан, ставшие невольными свидетелями его ссоры с Люсиндой. Роберт знал, что Джорджиана сегодня утром пригласила к себе мисс Баррет, но надеялся, что та согласилась приехать не для того, чтобы поймать его в свои сети. Он внушал себе, что это не должно случиться ни при каких обстоятельствах.

Если бы он оставался таким, каким был до войны, то уже давно догадался бы, что Джорджиана поставила себе целью поскорее выйти замуж. Что же касается его отношения к Люсинде, то в начале их знакомства он в первую очередь обратил внимание на ее внешность. Сейчас же в ней появилось и еще кое-что, а именно – невозмутимость, спокойствие и уверенность в себе. Все это привлекало Роберта, подобно теплему летнему бризу на берегу моря в летний день. И хотя ему нравилось находиться рядом с Люсиндой, но эти новые качества в ее характере постепенно начинали его слегка раздражать.

Конечно, было бы глупым утверждать, что Роберта больше не привлекала красота мисс Баррет; наоборот, его с еще большей силой притягивали к себе густые волосы, голубые лучистые глаза, благородная бледность лица, шеи и рук. Волосы Люсинды пахли розами, и поэтому Роберту постоянно хотелось утонуть в них с головой, как в бассейне, наполненном свежими листьями этого божественного цветка. При этом не следовало забывать, что на протяжении уже почти четырех лет рядом с ним не было ни одной женщины.

– Мистер Карроуэй, – продолжила Люсинда. – Должна заметить, что слишком крепкий рыбный бульон портит почву, делая ее совершенно непригодной для выращивания цветов, особенно таких нежных, как розы.

– Я это отлично знаю, – сухо произнес Роберт, задумчиво вертя в руках пучок колючих веток с набухающими почками.

Ему очень не хотелось, чтобы они прижились в подготовленной почве, скорее всего потому, что в его руках эти колючие ростки отнюдь не выглядели живыми. Или они просто спали? Интересно, чувствуют ли эти безжизненные веточки что-нибудь? Вдруг они уже умерли? А если это так, то не он ли убил их ненароком? – Не думаю, чтобы это было правильным, – буркнул Роберт, возвращая черенки в деревянный ящик. – Ведь совершенно очевидно, что рыбный бульон слишком крепок, а у меня просто нет времени на подготовку качественных рыбных удобрений и земли для клумб. – Он сокрушенно вздохнул.

– Понятно! – саркастически отозвалась Люсинда. – Все это мне давно знакомо, ибо генерал также не любит возиться в саду.

При упоминании имени отца Люсинды Роберт стиснул зубы и процедил:

– Почему вы решили, что мне не нравится работать в саду?

– Не лукавьте! – с раздражением ответила Люсинда. – Это действительно так. Но учтите, что в таком случае наше с вами соглашение теряет всякий смысл... – Люсинда стянула с рук перчатки и насмешливо добавила: – Не думаю, что от этого кто-то пострадает! – Она повернулась и направилась к калитке.

Роберт некоторое время провожал ее взглядом, а когда Люсинда уже была у выхода из сада, крикнул ей вслед:

– Как мне быть с черенками?

Люсинда небрежно махнула рукой в сторону ящика:

– У меня в доме и так не хватает места, чтобы устраивать там огород. Выкиньте их!

Роберт растерянно наблюдал, как Люсинда вышла из сада и вскарабкалась на сиденье стоявшего на обочине дороги кеба. В следующую секунду кеб двинулся вперед и исчез за поворотом.

Все это выглядело довольно странно. Люсинда, несомненно, гордилась розами. К тому же, по ее собственным словам, некоторые из разновидностей этих цветов были весьма ред-

кими. Неужели ей и впрямь было безразлично то, что Роберт с ними сделает?

Вздыхнув, Роберт передвинул ящик в тень конюшни и направился к дому, чтобы переодеться. К тому же он вспомнил, что на завтрак съел только половину тощего бутерброда, а обед и вовсе пропустил.

Нехотя он остановился на несколько мгновений, потом повернулся и побрел обратно к конюшне...

Глава 5

*Расширение кругозора всего лишь помогло
мне более отчетливо увидеть, каким я был
несчастливым!*

Чудовище

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Когда кеб остановился у парадного крыльца дома Барретов, Люсинда спрыгнула на землю, подбежала к двери и нетерпеливо постучала. Открывший дверь слуга учтиво поклонился и знаком пригласила ее в холл, однако Люсинда, не останавливаясь, проскользнула дальше и взлетела по лестнице на второй этаж. Закрыв за собой дверь в комнату, она быстро переоделась в платье, предназначенное для приема гостей, после чего спустилась в гостиную, где ее уже ждал генерал Баррет.

– Лорд Джеффри обещал прийти после обеда, – сказал он вместо приветствия.

Однако Люсинда задержалась у Карроуэев значительно дольше, чем рассчитывала, и теперь у нее осталось время лишь на то, чтобы положить в вазу персики, которые она только что нарвала в саду.

Неприятный разговор с Робертом не очень огорчил Люсинду, а потому она твердо решила пустить дальнейшее развитие их отношений на самотек, отнюдь не намереваясь при-

творяться обиженной и избегать встреч с Робертом или чувствовать за собой какую-то вину перед ним. Люсинда уверяла себя, что теперь уже сам Роберт должен решить, создавать ли ему розарий или нет. А все же любопытно, продиктована ли столь неожиданно вспыхнувшая в Роберте любовь к розам лишь интересом к садоводству или же чем-то более серьезным и глубоким? Во всяком случае, раньше подобного увлечения за ним она никогда не замечала.

Короче, что именно побудило Роберта с таким рвением заняться розарием, пока оставалось для Люсинды секретом. Однако, проведя некоторое время в его обществе и поминутно читая в его бездонных глазах немой вопрос, она начала надеяться, что ее нехитрый подарок не остался незамеченным. Наверное, именно поэтому она постоянно украдкой смотрелась в зеркало, стоявшее на туалетном столике у ее кровати.

Как только горничная Элен застегнула на шее Люсинды жемчужное кольцо, снизу донесся стук входной двери и низкий голос лорда Джеффри, отвечавшего на приветствие Боллоу. Сердце Люсинды учащенно забилося. Он уже пришел! Наступило время урока!

Люсинда задержалась еще на несколько минут у себя в комнате, чтобы расчесать локоны и уже в который раз продумать линию поведения со своим первым учеником. Она бы посвятила этому куда больше времени, но все ее мысли были заняты предстоящей встречей с Робертом, и это мешало ей

сосредоточиться на чем-либо другом. Удивительно, но всего несколько минут назад Люсинде казалось, что разговоры с человеком, из которого можно с трудом выжать хотя бы слово, для нее не должны стать особенно обременительными, тем более что Роберт уже соблаговолил поговорить с ней...

Кто-то осторожно постучал в дверь.

– Мисс Баррет! – донесся из коридора голос дворецкого. – Отец просит вас зайти к нему в кабинет.

– Сейчас зайду! – задумчиво ответила Люсинда, чуть приоткрыв дверь.

Она понимала, что ей предстоит непростой разговор с генералом. Отец явно намерен обсудить ее будущее замужество.

Стараясь выбросить из головы подобные мысли, Люсинда последовала за Боллоу к двери отцовского кабинета. Проскользнув внутрь, она лучезарно улыбнулась сначала генералу, а затем лорду Джеффри, сидевшему вместе с ним за столом:

– Добрый день, папа! Лорд Джеффри!

Генерал поднял голову и кивнул в ответ. Джеффри сделал шаг навстречу Люсинде и, взяв ее за обе руки, крепко сжал пальцы.

– Мисс Баррет, – начал он, – ваш отец сообщил мне, что вы согласились протоколировать наши беседы.

– Да, согласилась, – ответила Люсинда и, подойдя к отцу, поцеловала его в щеку – Если не возражаете, я расположусь

у подоконника, чтобы не мешать вашей беседе. Будьте уверены, я запишу каждое ваше слово.

– Что за ерунда! – Генерал сморщился, выдвинул стул и указал на него дочери. – Я всегда говорю особенно свободно и интересно в присутствии слушателей, прежде всего тех, кто старательно записывает мои слова. Так что садись и начнем!

Пока Люсинда вынимала карандаш и открывала блокнот, Баррет вытащил из шкафа обтрепанный и подпаленный снизу журнал со своими записями, сделанными в Саламанке.

– Будьте прокляты, парусники, обстрелявшие корабль, на котором я возвращался в Англию после того, как Бонн отплыл на Эльбу! – проворчал генерал, перелистывая страницы журнала. – К сожалению, мой журнал с записками, сделанными в Памплоне, оказался почти полностью уничтожен, и все благодаря этому мерзкому полковнику, пожелавшему получить ломтик поджаренного хлеба, дабы преодолеть морскую болезнь!

– Надеюсь, вы понизили его в чине. – Лорд Джеффри презрительно фыркнул. – Должен заметить, нечто подобное действительно имело место в Памплоне, так что, возможно, ваше описание в наивысшей степени совершенно и крайне интересно! Я тоже был бы счастлив позволить себе своеобразную пробу пера в связи с событиями в Памплоне, коих оказался свидетелем. Как знать, глядишь, кому-нибудь это покажется интересным!

– Было бы очень мило с вашей стороны, милорд, – склонил голову генерал.

– Пожалуйста, без «милордов» – для вас я просто Джефффри, тем более что при трех живых старших братьях возможность наследования мною титула выглядит полной бессмыслицей.

– Что ж, тогда просто Джефффри. – Генерал улыбнулся. – Значит, Саламанка была первым местом вашей службы, не так ли?

– Да, именно так! И заодно прелюдией первого сражения, в котором я участвовал. Пуля, выпущенная французским мушкетером, сорвала с меня шляпу, как только я сделал всего один шаг по полю битвы.

Люсинда, внимательно слушая их разговор, старалась занести в блокнот каждое произнесенное слово, дату, описание погоды, передвижения войск, отражение чувств рассказчика...

Ей казалось, что она ощущает накал битвы, видит дым оружейных залпов и шеренгу союзных войск, которой маршал Веллингтон пытался прикрыть арьергард корпуса Огастуса Мармона от атак французской конницы.

Все это так ярко вставало перед мысленным взором Люсинды, как будто она сама присутствовала на поле сражения при Ватерлоо. Ее охватила нервная дрожь, когда лорд Джефффри рассказывал о том, как весь его полк почти полностью утонул во время переправы через реку Тормес в самом кон-

це битвы.

– Извините! – Люсинда слегка покраснела, заметив, что отец и лорд Джеффри с удивлением на нее смотрят. – Вы, Джеффри, нарисовали настолько яркую картину великой битвы, что я просто не могла не разволноваться! Мне показалось, будто я сама присутствовала при всем этом!

Джеффри улыбнулся и покачал головой:

– Я надеюсь, все эти ужасы не скажутся на психике столь тонкой и благовоспитанной девушки, как вы.

– Понимаете ли, милорд, я никогда своими глазами не видела сражений, а только читала о них в записках отца и его письмах домой из действующей армии. Кроме того, сразу же после окончания этой ужасной войны я работала в военных госпиталях, ухаживая за ранеными и стараясь по возможности облегчить их страдания. И еще. Дочь генерала Баррета не могла бы вырасти, не зная хоть что-нибудь о войнах и сражениях, в которых ее отец принимал участие.

– Причем она черпала свои знания из его самых достоверных и детальных рассказов, – с гордостью добавил генерал Баррет, – и никто не смеет что-либо в них оспаривать!

– Позволю себе добавить, – отозвался Джеффри, – что при всей открытости и честности вашего отца, Люсинда, он не сможет включить в свои воспоминания некоторые частные аспекты описываемых им батальных событий просто потому, что о них не принято говорить с женщиной или писать.

– Я... – хотела было возразить Люсинда, но Джеффри пе-

ребил ее:

– В конце концов, за что еще могут сражаться солдаты, если не за сохранение мира и спокойствия в своих домах? Поэтому каждая фраза воспоминаний должна освещать именно этот вопрос. Остальное не стоит изведенных чернил!

– Очень ценное уточнение, Джеффри, – одобрительно кивнул генерал. – Вы не станете возражать, если я попрошу Люсинду непременно записать это в блокнот?

– Ни в коем случае! Наоборот, буду очень признателен мисс Баррет, если она сделает это... – Джеффри вынул из кармана жилета маленькие часики и сверил их с большими старинными, висевшими на стене. – Извините, но на четыре часа у меня назначена очень важная встреча. Вы позволите мне на время прервать нашу в высшей степени интересную работу?

– Разумеется, Джеффри, вы не должны опаздывать. Идите и помните: мы сегодня положили начало очень полезному делу... – Генерал бросил взгляд на раскрытый настольный календарь: – Вы согласны продолжить наш разговор во вторник за обедом? Кстати, мой повар чудесно готовит жареных цыплят...

– С огромным удовольствием! – Джеффри с нежностью посмотрел на Люсинду.

– Итак, в полдень? – переспросила она, вставая со стула.

– Да, пусть это будет полдень, – согласился Джеффри.

Он протянул Люсинде руку, и их рукопожатие продолжа-

лось значительно дольше, чем того требовал этикет. Люсинда не могла этого не заметить.

«Боже мой! – подумала она. – А ведь дело пошло очень даже быстро! Обед во вторник, несомненно, еще больше подтолкнет его!»

– Очень милый и достойный парень, – заметил генерал, когда Джеффри вышел из кабинета.

– Думаю, ты прав, – согласилась Люсинда.

– А все еще в чине капитана! Нельзя сказать, чтобы он с особым усердием выполнял свой воинский долг, но если бы полк Бони отличился под Ватерлоо, то он был бы уже майором, а может быть, и полковником. По своим способностям он вполне этого заслуживает. Просто война как-то обошла его стороной...

– Думаю, с нас уже довольно войн, – подытожила Люсинда. – Я просто счастлива, что ты оставил армейскую службу и занялся мемуарами! Спасибо тебе за это!

– Да-да, моя девочка! – Генерал рассмеялся и вновь повернулся к столу, на котором были разложены его записи.

Люсинда не сомневалась, что в недалеком будущем эти исписанные мелким почерком листки бумаги непременно превратятся в объемистую книгу.

Баррет еще раз посмотрел на дочь и хитро улыбнулся:

– Очень рад, что ты предложила мне с ним проконсультироваться!

– Я тоже! – откликнулась Люсинда, на этот раз без особого

энтузиазма.

Выйдя из отцовского кабинета, она направилась в библиотеку, чтобы взять карту Италии и отдельно Саламанки. Люсинда предположила, что Роберт мог воевать именно там, и хотела, вызвав его на разговор о войне, сравнить услышанное с воспоминаниями, содержащимися в дневнике генерала Баррета. Но предварительно ей надо было самой детально разобраться в том, что происходило тогда, а напрямую спросить обо всем Роберта она не решалась.

Надев куртку и натянув перчатки для верховой езды, Роберт уже спускался по лестнице, когда услышал за собой скрип ступенек. Обернувшись, он увидел Эдварда. Черт побери! Вот поэтому-то он и предпочитал кататься верхом по ночам, а не при дневном свете!

Действительно, ему пришлось некоторое время отвечать на вопросы младшего брата.

– Ты куда это собрался? – бесцеремонно спросил тот.

– По делам, – буркнул в ответ Роберт.

– Ну вот, ты всегда так отвечаешь! – обиженно вздохнул Эдвард. – А мне, признаться, очень хотелось бы поехать с тобой!

– Тебе будет скучно.

– И все же я бы очень хотел тебя сопровождать, а не сидеть в одиночестве дома! Посуди сам: Шоу с друзьями едет на пикник, Тристан будет заседать в парламенте, а Джорджиана с Люсиндой пойдут по магазинам.

– А мистер Трост? – возразил Роберт, забыв, что у учителя Эдварда сегодня выходной день.

– Мистер Трост поехал навестить свою матушку! – Эдвард надул губы.

Роберт еще раз посмотрел на младшего брата и вздохнул.

– Ну ладно, одевайся.

– Ура! – закричал Эдвард.

Он бросился обратно вверх по лестнице, но вдруг остановился и, недоверчиво посмотрев на брата, спросил с мольбой в голосе:

– А ты не уедешь без меня?

– Нет. Я буду ждать тебя у конюшни, – рассмеялся Роберт. – А пока оседлаю Толли и Вихря.

– Тогда я мигом! – воскликнул Эдвард и помчался переодеваться.

Выйдя из дома, Роберт задержался на несколько минут в саду, проверяя сделанные накануне посадки. Затем он направился к конюшне.

Через несколько минут обе лошади уже стояли во дворе, поджидая хозяев.

– Куда мы поедем? – спросил Эдвард.

– К реке, разумеется.

Они выехали с территории поместья и направились вниз, к берегу.

Несмотря на ранний час, улицы Мейфэра были полны народа. Позвякивая большими бидонами, катились тележки

продавцов молока, ползли подводы с мясными тушами, овощами и арбузами. Между ними сновали молочницы, угольщики, мелкие розничные торговцы, девицы в разноцветных платках. На тротуарах тут и там можно было наблюдать степенных, как правило, спиравшихся на трости джентльменов, которые не спеша расходились по конторам государственных учреждений, банкам или страховым компаниям. Воздух оглашался громкими криками разносчиков газет, цоканьем конских копыт по вымощенной булыжником мостовой, скрипом экипажей и грохотом колес.

– Почему ты решил непременно ехать к реке? – спросил Эдвард.

– Потому что хочу наловить рыбы.

– К обеду?

– Нет, для удобрения клумб розария. В книгах по садоводству написано, что переработанная рыба очень полезна для корней алых роз, а их в нашем саду большинство.

– О-о! – протянул Эдвард.

– Что «О-о!»?

– Я просто не собирался спрашивать тебя о розарии и даже не намеревался произносить слово «розы».

– Это кто же тебя подговорил?

– Да все кругом! Сначала – Джорджиана, потом – Тристан, а в последний раз – Шоу. Он чуть ли не до смерти меня напугал, выскочив из комнаты с диким криком: «Не смей при мне говорить о розах!» После этого я действительно возне-

навидел все связанное с розами.

– Если нам сегодня повезет, то к полудню ты столь же люто возненавидишь рыбу...

– Но ты все же позволишь мне помогать тебе работать в саду?

– Почему бы нет?

– Потому что Джорджиана запретила мне просить тебя об этом.

Между тем они уже почти выехали из городка. Улицы на окраинах выглядели даже еще более многолюдными, нежели в центре, и Роберт неожиданно почувствовал, как нечто тяжелое стало давить ему на грудь. Он постарался дышать глубже.

– Ты действительно хочешь помогать в саду? – спросил Роберт брата. – Сдается мне, тебе было бы куда полезнее покататься на свежем воздухе вместе с Шоу или Тристаном.

– Мне интереснее кататься с тобой, Роберт! – обиженным тоном отозвался Эдвард; – Тем более что у тебя есть чему поучиться.

– Например?

– Например, тому, что ты, когда скачешь на Толли, порой отпускаешь узду и сидишь в седле с совершенно свободными руками. Я бы тоже хотел постичь это искусство на своем Вихре. – Эдвард помолчал несколько мгновений, а потом нахмурился. – Поскольку никто больше не желает говорить о розарии, то я помогу тебе. Ты не должен вкалывать в оди-

ночку!

– Спасибо, Эдвард.

Мальчик просто расцвел от счастья, и мир показался ему очень даже справедливо устроенным. Роберт бросил на него завистливый взгляд. Когда-то он тоже пережил все это, но затем неизвестно почему что-то потерял в своей жизни и до сих пор точно не знал, что именно. Так или иначе, но с тех пор все пошло у него не так, как хотелось бы, а весь мир вдруг стал скучным и неинтересным. Может быть, все произошло потому, что он совершил в жизни нечто такое, после чего возврат к прошлому оказался невозможным?

– Давай купим рыбу вон у того торговца, – предложил Эдвард.

– Пожалуй.

Роберт спрыгнул на землю и подошел к сгорбленному старику, все лицо которого изрезали глубокие морщины. Старик сидел на краю повозки, нагруженной рыбой, и выжидающе смотрел на подошедшего покупателя.

– Я хотел бы купить немного рыбы, – сказал Роберт.

– Прошу вас, милорд! У меня здесь полно любой рыбы, какую только изволите пожелать. Треска, макрель, корюшка и много другой, причем вся свежая, только что выловленная...

– Мне нужно две дюжины тушек любой рыбы, – перебил его Роберт.

– Пожалуйста, милорд! Какого размера желаете?

Роберт развел руки примерно на треть метра:

– Вот таких, если можно!

– Для стола подойдет треска, – посоветовал торговец.

– Мне нужно не для стола, а для удобрения.

– Что?

– Для удобрения цветочных клумб.

– Другими словами, вы намерены смешать мою чистую свежую рыбу с грязью? Извините, но это означает, что она пригодна только для погребения!

– Мы все годимся только для погребения! – буркнул Роберт. – Сколько это стоит?

– Десять шиллингов.

– Восемь! – Роберт выгреб из кармана несколько монет.

– Пусть так, милорд! Правда, в этом случае я не отвечаю за качество!

Рыбу завернули в старые газеты и опустили в глубокую сумку, приготовленную Робертом специально для этой цели.

– Едем! – сказал Роберт Эдварду и вскочил в седло.

Когда они проехали с полмили, Роберт вдруг обратил внимание на то, что Эдвард ведет себя необычно тихо.

– Да что это с тобой?

– Ты плохо разговаривал с тем торговцем, – буркнул Эдвард, – и он обиделся.

– Извини, – невольно смутившись, ответил Роберт. – Я просто неважно себя чувствую. Думаю, мне надо поскорее попасть домой и хорошенько выспаться.

– Помню, каким ты вернулся после битвы с Наполеоном. Шоу был уверен, что ты шел на войну, чтобы умереть, но я знал, что это не так!

– Откуда ты мог это знать?

– Потому что ты мне писал тогда, что собираешься научить меня прыгать через заборы, когда я вырасту. Значит, ты отнюдь не хотел умереть! Эндрю предложил мне то же самое в прошлом году, когда ты был в Шотландии, но я хотел, чтобы меня обучал этому только ты и никто другой!

Роберт совсем забыл о том письме. Это было последнее из всех писем, которые он когда-либо посылал, и он отправил его в ночь... в ночь, которая перевернула всю его жизнь!

Впереди показался знакомый дом.

– Ты должен поучиться у Эндрю, – буркнул Роберт, пуская Толли в галоп.

У ворот конюшни Роберт соскочил с лошади, взял сумку с рыбой и бросил ее рядом с ящичком, в котором лежали саженцы роз. Постояв молча с полминуты, он повернулся и пошел к дому.

В холле он наткнулся на Тристана, и тот неодобрительно посмотрел на него:

– Где тебя черти носили?

– Ездил по делам.

– С Эдвардом?

– Да.

– Ты не должен уезжать вместе с Эдвардом, не сказав

предварительно куда.

– Учту на будущее!

– Роберт! Наш разговор еще не окончен!

Но Роберт так не считал. Ему действительно нечего было больше сказать Тристану. Кроме того, его вновь охватила паника, от которой грудь сжало так, что прервалось дыхание.

«Проклятие! – выругался он про себя, ворвавшись в спальню и громко захлопнув дверь. – Ну перестань, перестань же!»

Итак, вера в него Эдварда основывалась на довольно глупом и наивном письме, которое Роберт написал, когда и сам ничего не понимал в жизни. Он вспомнил, какой пронизывающий до костей холод стоял в тот день, когда его отряд пересекал испанско-французскую границу. Вспомнил он и переполнивший его при известии об отречении Бонапарта оптимизм. Все тогда были уверены, что война закончена, но Роберт надеялся, что его полк еще не скоро вернется домой, так как останется в районе прошедших боев для поддержания и укрепления там мира. Полк действительно остался, по уже без Роберта – он был ранен и...

– Эй, Роберт! – донесся из-за двери голос Тристана, но никто не отреагировал на этот призыв. Возможно, он просто не слышал?

– Роберт! – вновь крикнул из коридора Тристан. – Сейчас же открой эту проклятую дверь! Имей в виду, я не шучу!

Прозвучавшие в голосе Тристана негодование и страх вер-

нули Роберта к действительности. Он подошел к двери и резким движением открыл ее.

– Я никогда не допущу, чтобы с Эдвардом случилось что-нибудь плохое! – с опозданием ответил он Тристану.

Тристан молчал, внимательно присматриваясь к Роберту, и вдруг воскликнул:

– Боже мой, тебе плохо? На тебе просто лица нет! Что случилось?

Роберт вытолкал Тристана в коридор и вновь закрыл за ним дверь, приперев ее на всякий случай плечом.

– Я всего лишь хочу тишины и спокойствия! – крикнул он через дверь.

– Хорошо-хорошо! – ответил Тристан, и Роберт услышал, как заскрипели ступеньки лестницы под его тяжелыми сапогами.

Отдышавшись, Роберт снова принялся ходить по комнате из угла в угол. Его взгляд упал на рабочую одежду, висевшую на спинке стула, и он вспомнил, что надо срочно поднять рыбу, которая так и осталась лежать в сумке у дверей конюшни. Малейшее промедление было чревато тем, что местные коты ее безжалостно разворуют. Кроме того, если он в ближайшие часы не обработает рыбным бульоном клумбу, Люсинда выполнит свою угрозу и выбросит всю рыбу в помойное ведро.

Роберт быстро переоделся и спустился в холл. Он постарался стряхнуть с себя усталость и забыть о боли в спине. Раньше подобное ему не удавалось, а сейчас...

Может быть, тут сыграли свою роль розы или... или мисс Баррет?

Глава 6

*Отныне новый дух времени оживлял
затухающие икры жизни незнакомца.*

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Люсинда невольно замедлила шаг, когда вместе с генералом подходила к первым ступенькам парадного крыльца Холборо-Хаус. До того как Эвелин и Сент-Обин поженились, она только раз переступала порог этого дома, и тогда ее пребывание там ограничилось лишь площадью прихожей.

Тем не менее теперь, проходя через бесчисленные коридоры и небольшие холлы, куда еще неделю назад гости боялись даже войти, чтобы не потеряться в этом нескончаемом лабиринте, она уверенно находила дорогу к гостиной, куда была приглашена вместе с отцом на семейный ужин молодой супружеской пары и самых близких друзей.

– Добро пожаловать, генерал и мисс Баррет! – приветствовал их дворецкий. – Лорд и леди Сент-Обин ждут вас в гостиной!

– Спасибо, Дженсон! – улыбнулась ему Люсинда.

Дверь в гостиную была трехстворчатой. Прежде чем открыть ее, Люсинда прокашлялась и только после этого взялась за ручку.

– Добрый вечер! – воскликнула Эвелин, бросаясь навстречу гостям и целуя Люсинду в обе щеки. – Вы у нас первые гости сегодня!

Сент-Обин вынырнул из-за спины супруги, успев покровительственно похлопать ее ладонью по спине.

– Рад видеть вас обоих! – широко улыбнулся он. – Предлагаю дамам поболтать немного, а мы с генералом Барретом пока позволим себе сгонять пару партий в бильярд!

Генерал недовольно выгнул бровь:

– Учитывая взаимоотношения Люсинды и Эвелин, было бы лучше, если бы вы называли меня просто Огастусом.

Маркиз удовлетворенно кивнул:

– Сдается, я стал членом гораздо большего семейства, чем мог ожидать, Огастус! Что ж, да будет так! Если я выиграю наш бильярдный поединок, то можете и меня называть просто по имени; если же проиграю, то называйте меня со всеми титулами: «Ваше несравненное превосходительство, господин лорд, маркиз Сент-Обин»!

Баррет громко рассмеялся:

– Не надейтесь, что это поможет вам выиграть!

Мужчины спустились в холл. Люсинда некоторое время смотрела на Эвелин, а потом сказала с легкой усмешкой:

– Никак не могу до конца понять тебя!

– Понять? – удивленно переспросила Эвелин.

– Я помню, как долго и красиво ухаживал за тобой Майкл Холборо, а ты вдруг взяла да и вышла замуж за маркиза

Сент-Обина!

– Моя матушка до сих пор отказывается в это поверить, а братец разговаривает с нами сквозь зубы.

– Я уже это заметила и очень жалею вас обоих!

– Ничего, в конце концов все войдет в свою колею! Главное – я безумно люблю Сента, и он меня не меньше! И ничего менять в наших отношениях мы не намерены, хотя переезд сюда стоил мне немалых усилий.

«Усилий!» – повторила Люсинда про себя вслед за подружкой.

– Ты думаешь, что я пыталась смошенничать? – спросила она вслух. – Говори откровенно!

– Изволь! Я отнюдь не подозреваю тебя в каком-то мошенничестве. Сама посуди, какое мошенничество возможно при принятии важнейшего в жизни решения и последующем его исполнении?

– Я имею в виду наши уроки – ведь фактически мы выдумали их не для того, чтобы превратить своих учеников в настоящих джентльменов, а всего лишь чтобы найти среди них женихов. Разве не так?

– И это ты называешь мошенничеством?

– В тот день, когда мы решили всем этим заняться, мы на самом деле выражали определенное неудовлетворение своей жизнью.

– Для моего счастья вовсе не нужен муж! – решительно заявила Люсинда.

– А вот мне живется гораздо лучше с Сентом. Я чувствую себя еще более счастливой оттого, что родительская семья не пытается контролировать мою жизнь и не вмешивается в наши отношения с мужем!

– Возможно, это как раз то, что меня угнетает, – задумчиво проговорила Люсинда. – Я не чувствую никаких позывов к тому, чтобы делать что-нибудь, кроме как заботиться об отце и пытаться свести к минимуму тот хаос, который сейчас царит у нас в доме.

– Хорошо еще, что ты не влюбилась в Дэра! – хмыкнула Эвелин.

Люсинда даже вздрогнула. Представив себе Роберта, она нахмурилась, но это продолжалось лишь какую-то долю мгновения, а потому Эвелин ничего не заметила.

– А еще я не влюбилась в твоего Сента, который в последнее время начинает мне все больше нравиться. – Заметив, как при этом сразу потемнело лицо подруги, она усмехнулась.

– Это означает лишь то, что твои желания не совпадают с моими и Джорджианы, – процедила сквозь зубы Эвелин.

Люсинда поняла, что Эвелин разозлилась, поэтому, бросив на подругу долгий и внимательный взгляд, примирительно сказала:

– Я хочу перед тобой извиниться.

– За что?

– Я всегда знала тебя как верного, доброго и великодуш-

ного друга, но никогда не замечала твоей мудрости. Только сейчас я поняла, насколько ты поумнела за эти годы!

– А вот я это проморгала, – раздался голос Джорджианы. – И все из-за Тристана. Он всегда настаивал на...

– Дорогая, умоляю, – прервал ее виконт, появляясь в дверях соседней комнаты, – не надо об этом! Лучше спроси их, где все мужчины, с которыми они пришли сюда.

– Тристан! – Джорджиана густо покраснела.

– Они в бильярдной! – рассмеялась Эвелин.

– Ура! – донесся голос Эдварда из глубины холла. – Сент обещает научить меня мошенничать!

– Великий Боже! – воскликнула Джорджиана. – Нет, Эдвард, ты никогда не будешь этого делать.

– Я определенно иногда не завидую Джорджиане! – произнесла Эвелин и неожиданно закашлялась.

Люсинда внимательно посмотрела на Эвелин и тихо спросила:

– Вы ждете еще кого-нибудь?

– Разумеется, ждем, и этот кто-то должен появиться с минуты на минуту.

Глаза Эвелин плутовато забегали, и в тот же момент зазвенел звонок над входной дверью. Люсинда оглянулась, ожидая увидеть лорда Джеффри... Но из полутьмы прихожей на нее смотрели совершенно другие глаза. Они могли принадлежать только одному человеку.

– Мистер Карроуэй, – произнесла Люсинда, стараясь

скрыть волнение и успокоить дыхание, ставшее в один миг почти лихорадочным.

Она никак не ожидала увидеть его здесь сегодня...

– Здравствуйте, миссис Обин и мисс Баррет, – негромко поприветствовал Роберт обеих дам.

На лице Эвелин отразился испуг.

– Мистер Карроуэй, – сказала она, – не желаете ли присоединиться к нам?

Роберт посмотрел сначала на Эвелин, а потом перевел взгляд на Люсинду:

– Если мисс Баррет не возражает, я бы хотел сначала поговорить с ней.

– Пожалуйста, – дрожащим голосом проговорила Люсинда.

Не обращая внимания на любопытный взгляд Эвелин, Люсинда встала и отошла вместе с Робертом в дальний, затемненный угол холла. По пути она заметила, что на нем был светло-серый сюртук, с которым прекрасно гармонировал яркий галстук.

– Я посадил ваши саженцы, – без всякого вступления заявил Роберт, – и удобрил клумбу рыбным бульоном. Считаю, что теперь мы пришли к соглашению.

– Господи! Мистер Карроуэй, вам вовсе не надо было...

– Называйте меня Робертом, – прервал ее Карроуэй.

– Пусть так! Роберт, я высоко ценю ваше предложение, но, поймите...

Люсинда замолчала, поскольку Роберт протянул руку и погладил ее по щеке, не сомневаясь, что в следующий момент его ждет взрыв негодования. Дабы предупредить это, он поспешно добавил полушепотом:

– Я ведь сказал, что помогу вам, и сделал это!

Люсинда почувствовала, как холодная дрожь пробежала по ее спине – она никак не ожидала, что он снова напомним ей об их соглашении... и что его прикосновение окажется таким волнующим.

Люсинда посмотрела в серьезные голубые глаза Роберта:

– Но, Роб...

Мягкий голос лорда Джеффри, донесшийся с верхней ступеньки лестницы, не дал ей договорить:

– Добрый вечер, Люсинда и лорд Карроуэй! Право, не ожидал вас здесь увидеть...

Роберт отдернул руку от щеки Люсинды. Она поняла, что Джеффри заметил этот жест, а Роберт намеренно дотронулся до нее, зная, что Джеффри за ними наблюдает.

Взглянув сначала на Джеффри, затем на Люсинду, Роберт круто повернулся и исчез за дверью бильярдной.

– Очень даже любопытно! – ухмыльнулся Джеффри, склонившись над рукой Люсинды в церемонном поцелуе.

– Да, – пробормотала Люсинда и неестественно закашлялась. – Роберт мой друг...

– Я понял. Не откроете ли вы мне строжайшую тайну: где можно найти хозяев дома?

– Конечно! Пойдемте.

Джеффри предложил Люсинде руку, и они направились в сторону гостиной. Сквозь шелковый рукав рубашки она чувствовала тепло его руки, но это ощущение не затмило сохранившуюся в ее душе память о прикосновении Роберта к ее щеке и о его робкой ласке...

Затаив дыхание, Роберт распахнул дверь и вошел в бильярдную. Первое, что его поразило, – это громкие голоса двоих мужчин, говоривших одновременно, не слушая друг друга. Затем к ним присоединился мягкий голос Джорджианы, пытавшейся прекратить спор.

Роберт посмотрел на Джорджиану, пытаясь поскорее освоиться в этой довольно странной ситуации, затем отвел глаза и только тогда заметил стоявшего в глубине комнаты мужчину. Весь день он старался внушить себе, что заключил сделку с мисс Баррет, но не смог выполнить свою часть соглашения, находясь за стенами дома Карроуэв; поэтому ему казалось не важным, кого он мог здесь встретить.

– Ты дал мне слово, Сент! – сказала Джорджиана.

– Да, я дал тебе слово и намерен не преступать границ приличного поведения в светском обществе.

Джорджиана повернулась к Тристану, поцеловала его в щеку и направилась к двери. Роберт посторонился, пропуская ее к выходу, и услужливо отворил перед ней дверь; она же, прежде чем выйти из комнаты, дружески похлопала его по плечу.

Из того, что произошло с Робертом, Джорджиана кое-что уже знала, так как Роберт сам поделился с ней некоторыми своими секретами. Джорджиана, в свою очередь, пересказала часть этих секретов Тристану, который обещал, что ничего из ставшего ему известным не выйдет за рамки семьи. И правда, какая семья согласилась бы вынести за порог то, что их бравый воин вовсе не был ранен при Ватерлоо, а просто, как гласили слухи, сбежал с поля битвы, за что и просидел семь месяцев в тюрьме. Естественно, при таких обстоятельствах он не мог иметь никакого отношения к победе над Бонапартом...

Роберт отлично понимал, что никакого оправдания у него нет. Он сокрушенно вздохнул. Что бы его собственная семья подумала, если бы знала все о тех семи месяцах тюрьмы? При одной мысли об этом Роберт вздрогнул и невольно поднял взгляд...

В этот момент дверь отворилась и в комнату вошел лорд Джеффри. Роберт тут же инстинктивно отступил в темную половину комнаты. Он ничуть не удивился, когда генерал Баррет первым поспешил приветствовать гостя:

– Джеффри, вы ведь знаете здесь всех, не так ли? Вот наш хозяин лорд Сент-Обин...

– Просто Сент, – поправил его маркиз.

– Спасибо, Сент! – улыбнулся в ответ Джеффри. – Также спасибо за приглашение, хотя и столь неожиданное.

– Я вообще люблю сюрпризы, – отозвался Сент.

Генерал вновь взял Джеффри под руку и продолжил представлять его всем находившимся в бильярдной:

– Познакомьтесь с остальными членами семьи Карроуэй. Это Тристан, лорд Дэр, и его братья – лейтенант Брэдшоу, состоящий, к моему сожалению, на службе в королевском военном флоте, и Эдвард...

– Зовите меня просто Рант. – Эдвард прервал генерала.

– Очень приятно, Рант, – промямлил Джеффри, пожимая руку Эдварду.

– А этот молодой человек – Роберт. – С некоторым пренебрежением в голосе генерал кивнул в сторону лорда Карроуэя.

Джеффри пожал Роберту руку и улыбнулся:

– Похоже, мы с вами уже встречались...

Роберт слегка наклонил голову, одновременно продолжая краем глаза следить за генералом, не без обиды думая о том, как неуважительно тот представил его.

– Спасибо вам, – услышал Роберт чей-то низкий голос рядом с собой. Обернувшись, он увидел Сента, стоявшего рядом и вертевшего в руке серебряный ключ.

– За что? – В голосе Роберта прозвучало неподдельное удивление.

– За то, что вы стали еще одним членом нашей компании. К тому же мне показалось, что именно из-за меня вы избегаете посещать наши регулярные встречи. Но ведь виноват не я, а Баррет.

– Не понимаю, о чем вы говорите! Сент утвердительно кивнул:

– Справедливо! В конце концов, мне самому интересно, почему в большинстве случаев я доверяю первому впечатлению, произведенному на меня тем или иным человеком. Итак, я почувствовал расположение к вам обоим с первой же нашей встречи. Или я ошибся? Если да, то скажите мне об этом прямо!

– Да, вы ошиблись! – без колебаний ответил Роберт. – Ошиблись в каждом из нас двоих.

– Даже так? Вот это интересно! Ладно, в таком случае, если вы не возражаете, я стану наблюдать за вами более внимательно.

Роберт хотел было предостеречь Сента, но в последний момент понял, что ничего говорить не стоит, ибо ни он сам, ни маркиз не хотели портить друг с другом отношения. Поэтому он просто сказал:

– Что ж, поступайте, как считаете нужным!

– Да, я всегда придерживаюсь именно этого правила! – улыбнулся в ответ Сент. – Пока же я позволю себе несколько изменить порядок пребывания гостей за столом. Думаю, что Эвелин не ошиблась, посадив вас рядом с Огастусом.

– Что ж, спасибо!

– Скажите, вы служили на дредноуте? – спросил лорд Джеффри у Брэдшоу.

– Да, служил, – ответил Шоу. – За время войны мы участ-

вовали или были свидетелями больше чем дюжины морских боев!

Генерал Баррет, инструктировавший в это время Эдварда, поднял голову и воскликнул:

– Ха! Вы сказали о дюжине боев? В скольких из них вы дрались против жалких французских шаланд, пытавшихся прорвать блокаду?

– Ну, я точно не считал, но... – Шоу замялся.

– Но этого оказалось достаточно, чтобы Шоу стал капитаном корабля! – вмешался в разговор Эдвард.

– Примите мои поздравления, Карроуэй! – вставил лорд Джеффри. – Возможно, мне тоже стоило бы поступить на военно-морскую службу – глядишь, я составил бы на этом недурное состояние!

– Глупости! В армии для этого куда больше возможностей!

– Зато Роберт видел самого Веллингтона, – с гордостью сказал Эдвард, бросив восхищенный взгляд на старшего брата.

Генерал остановил взгляд на Роберте.

– Нет никаких сомнений, что так оно и было! – подтвердил Баррет. – Его светлость всегда уделял внимание своим раненым офицерам.

– Это было еще до сражения при Ватерлоо! – уточнил Эдвард. – Роберт и мистер Веллингтон распили вместе бутылку виски!

Джеффри удивленно поднял бровь:

– Расскажите, Карроуэй! Почему бы вам не угостить нас всех подобным блюдом? Держу пари, это очень даже интересно!

– Ну уж нет, – буркнул Роберт, отведя взгляд в сторону.

В этот момент в комнату вошел дворецкий и объявил:

– Ужин подан!

Эдвард растерянно подошел к Роберту и шепотом спросил:

– Кого я должен сопровождать к столу?

Роберт был уверен, что из трех дам, находившихся в гостиной, Эдвард скорее всего выберет Люсинду, чего допустить никак не хотел. Он внимательно посмотрел на младшего брата и сказал совершенно серьезно:

– Ты можешь сопровождать меня.

– Хорошо! – воскликнул Эдвард. – Я очень рад, что ты явился, иначе мне пришлось бы сопровождать к столу самого себя!

«Что ж, – подумал Роберт, – приятно, что хоть кто-то рад моему приходу!»

Когда Роберт с Эдвардом направились вслед за остальными гостями в столовую, Джорджиана приветливо улыбнулась Роберту. Тристан же с Брэдшоу его как бы не заметили. Что ж, пусть будет так. Достаточно и того, что все члены семейства Карроуэй были явно довольны тем, что он остался, – за это он должен их поблагодарить!

Роберт бросил беглый взгляд на Люсинду, украдкой изучавшую профиль Джеффри, и невольно подумал, что на месте этого лорда не стал бы тратить столько времени на бильярд. Но эти мысли тут же рассеялись, как только Роберт увидел, какое соседство ожидает его за столом. Мысленно он поблагодарил за это Сента Обина.

– Вы позволите, мисс Баррет? – спросил Роберт, садясь на стул рядом с ней.

Люсинда лишь молча улыбнулась и утвердительно кивнула. Она выглядела очень элегантной и держалась вполне непринужденно. Именно такой он запомнил Люсинду с первой встречи и не желал видеть ее другой. Тогда Роберта удивило, что, несмотря на ее очевидное желание обменяться с ним хотя бы парой фраз, она пробежала мимо и скрылась в своей спальне. Однако же у нее перехватило дыхание при одном лишь его прикосновении!

Роберт неожиданно почувствовал, как его сердце замерло. Неужели в его душе еще не все умерло, или же им просто завладело плотское желание обладать Люсиндой Баррет?

Он обещал ей помогать. Ей или себе самому? Как бы то ни было, но Роберт чувствовал, что должен как-то покончить с мрачным периодом своей жизни и возродиться! Он уже сделал первый шаг на этом пути, но одного прикосновения, пусть даже мягкого и волнующего, было недостаточно.

– Мне кажется, – тихо сказал он Люсинде, – что я мог бы стать куда более полезным, если бы точно знал все подроб-

ности вашего списка.

– Моего списка? О чем это вы? – притворно удивилась Люсинда.

– Если вы не желаете сказать, то... то я сам постараюсь догадаться! – не без самоуверенности ответил Роберт.

Люсинда подняла бокал с мадерой и отпила глоток.

– Я высоко ценю ваше предложение, мистер Карроуэй, то есть, извините, Роберт, но, откровенно говоря, в вашей помощи не нуждаюсь.

– А если я скажу вам, что Джефффри считает себя героем и сумел уверить в этом всех?

Люсинда бросила взгляд на Роберта и тут же перевела его на Джефффри, занятого каким-то очень жарким спором с генералом Барретом. Ага, не зря Эвелин смотрела на своего мужа с почти не скрываемым раздражением! Она рассчитывала посадить лорда Джефффри рядом с Люсиндой, но Сент, не посоветовавшись с ней, усадил около нее молчаливого Карроуэя, спутав тем самым все карты. Эвелин уже заметила, что Роберт с благодарностью посматривает на Сента, – очевидно, как раз за это...

Постепенно между Робертом и Люсиндой завязался оживленный разговор.

– Лорд Джефффри помогает моему отцу восполнить недостающие страницы в большом очерке о недавней войне, которые Баррет намерен опубликовать в своем журнале, – сообщила Люсинда. – И я должна еще раз вас поблагодарить,

милорд! Я сама внимательно слежу за их работой и получаю от этого большое удовольствие.

– Прекрасно! А теперь назовите мне первое имя из списка, и я перестану вам надоедать!

– Я не... – начала Люсинда, но вдруг замолчала и недоверчиво посмотрела на Роберта.

– Ну? – хмыкнул он.

– Хорошо! – решила Люсинда и, вытерев салфеткой губы, положила ее себе на колени. – Я скажу вам кое-что, если вы со своей стороны ответите мне тем же.

– И что вы хотите узнать?

Роберт почувствовал, как холод начинает наполнять его грудь. Что, если Люсинда спросит о чем-то таком, на что он не сможет ответить? Что, если ему придется вновь погрузиться в мир молчания, в котором он сам не сможет ничего сказать? Больше года он старался выбраться из той пропасти, в которой очутился, и теперь у него нет никакого желания туда возвращаться!

– Что же вы молчите? – настаивала Люсинда. – Мы заключили сделку или нет?

«Спокойно!» – Роберт вновь произнес про себя свое ставшее привычным заклинание.

Он подумал о том, что Люсинда, по сути, сделала ему очень простое предложение и теперь ждет, примет он его или нет...

– Да, мы заключили сделку!

– Вы говорите серьезно?

– Совершенно серьезно! Вы не ожидали, что я соглашусь?

В этот момент Люсинда заметила, что за ними внимательно наблюдает Джеффри. Боже, как это глупо! Ведь, заигрывая с Робертом, она хотела только по возможности отодвинуть свои планы в отношении Джеффри, а не создать угрозу их осуществлению... И все же Роберт Карроуэй заинтриговал Люсинду.

– Нет, я не ожидала! – ответила она на его прямой вопрос и вдруг подумала, что этот разговор может стать ее первым уроком Роберту. – Хорошо! Вот вам первый мой урок: разговаривая с дамой, не отвлекайтесь. Не ведите себя так, будто бы просто проводите с ней время в ожидании чего-то более интересного.

Роберт удивленно посмотрел на Люсинду:

– И это все?

Она почувствовала, что ее щеки зарделись.

– Это всего лишь первый урок, – объяснила она. – И я полагаю, что он очень даже полезен не только при разговоре со мной, но и с любой другой женщиной. Ну а теперь, Роберт, ваша очередь что-то сказать мне!

– А что бы вы желали услышать?

Люсинда уловила напряженные нотки в голосе Роберта и тут же отказалась от уже вертевшегося на языке вопроса о том, что именно сейчас особенно тревожит лорда Карроуэя. Она не желала причинять ему боль.

– Коль скоро у вас теперь есть розы, вам следует вспомнить, кому принадлежат слова: «Сейчас весна, и корни цветов лежат не очень глубоко под почвой. Сохраните их, и тогда прекрасные цветы заполнят собой весь ваш сад!»

– Что-что? – переспросил ее Роберт.

– Вы меня слышали!

Некоторое время Роберт удивленно смотрел на Люсинду, которая ждала ответа, не очень, впрочем, надеясь его получить – цитата, которую она произнесла, была знакома немногим.

Однако Роберт улыбнулся и уверенно ответил:

– Это из трагедии Шекспира «Генрих V». Но там нет упоминания о посадках...

– Знаю. Но ведь это нечто само собой разумеющееся!

Люсинда облегченно вздохнула. Она была довольна тем, что удивила Роберта знанием столь мало известного произведения великого драматурга, а также тем, что он совершенно для нее неожиданно точно процитировал текст.

– Bravo! – улыбнулась Люсинда. – Вы, оказывается, знаете Шекспира лучше Франкенштейна!

– Видите ли, я читаю гораз... – Но закончить фразу ему не довелось.

– Люси! – раздался из-за спины Роберта голос Эвелин. – Лорд Джеффри сейчас рассказывает о том, как переправлялся через реку Тормес в Испании.

– Охота вам слушать всякие байки! – скривился Роберт.

– Не будьте таким букой! Мне кажется, нет ничего дурного в желании быть героем.

– Настоящие герои никогда не хвастаются. Я уверен, что он рассказывает все это только для того, чтобы привлечь к себе ваше внимание...

Глава 7

Их чувства оставались спокойными и миролюбивыми, в то время как я с каждым днем становился все более возбужденным.

Чудовище

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Позавтракав, Роберт вышел из столовой и остановился. Сегодня он встал раньше обычного. Во-первых, его разбудил дождь, громко барабанивший по стеклам окон, а до этого чуть ли не всю ночь преследовали кошмарные сны.

– Не знаю, почему ты считаешь, будто я вечно что-нибудь выдумываю! – донесся до Роберта из гостиной голос Джорджианы.

– Потому что так оно и есть! – прозвучал ответ Тристана. – Как тебе известно, я вовсе не слепой. Вы вместе со своими единомышленницами наметили очередную жертву для так называемых уроков джентльменского поведения.

– Не понимаю, о чем ты...

– Послушай, мне ничего не стоило в свое время вычислить, что Эвелин положила глаз на Сент-Обина. Теперь из вас троих непристроенной осталась только Люсинда, и поэтому...

– Замолчи! – оборвала его Джорджиана. – Полагаю, ты мало что знаешь о наших уроках.

– Каждая из вас троих оказалась весьма последовательной в своей стратегии, – заметил виконт. – Причем постороннему глазу порой просто невозможно было уследить за всеми тонкостями. Например, почему пригласили на ужин лорда Джеффри Ньюкома? По крайней мере я надеюсь, это не стало столь же очевидным для Люсинды, как для всех нас.

– Боже всемилостивый, – прокудахтала Джорджиана, – тебя наконец-то осенило! Слава Богу, ты понял-таки, что симпатизируешь Люсинде.

– Я никому не симпатизирую, – возразил Тристан. – И не втягивай меня, пожалуйста, во все это! – Выдержав короткую паузу, он спросил: – Одного не могу понять: какое это все имеет отношение к Роберту?

Роберт вжался в стену и продолжал внимательно слушать. Как общественное мнение расценивает подслушивание, он знал уже давно, а потому понимал все выгоды, которые можно из этого извлечь.

– Разумеется, Роберт здесь ни при чем, – покачала головой Джорджиана. – Я очень не хотела втягивать его во всю эту круговерть, равно как и Люсинду. Он должен найти себе хобби. Ну а Люсинда стала экспертом по разведению роз и поэтому не опасна.

«Не опасна», – повторил про себя Роберт.

Если имеется в виду, скажем, проницательность или сострадание, то это еще куда ни шло – в таком случае Джорджиана, возможно, права. На протяжении трех с лишним лет

Роберт мечтал увидеть Люсинду, хотя бы издали. Когда же он оказался рядом и получил возможность с ней разговаривать, то почувствовал себя как бы неожиданно попавшим на яркий солнечный свет из темной пещеры и вдруг испугавшимся дневного светила...

Наконец Роберт нашел в себе силы отделиться от стены и переступить порог столовой.

– Доброе утро! – сказал он каким-то неестественным голосом, обращаясь сразу ко всем находившимся в комнате.

Джорджиана и Тристан, сидя за столом, переглянулись.

– Доброе утро! – ответила Джорджиана сразу за себя и Тристана. – Как вы себя чувствуете?

– Я голоден! – буркнул Роберт и, взглянув на Тристана, спросил: – Вы собираетесь сегодня обедать в клубе?

– Да, собираюсь, – ответил Тристан.

– Можно мне пойти с вами?

– Конечно!

– Благодарю!

Роберт сел за стол, и с аппетитом принялся за фрукты. В этот момент в гостиную вошел Брэдшоу. Эдвард тут же повис на нем и восторженно воскликнул:

– Вот видишь, я стал теперь тяжелее любого вещевого мешка!

– И уже оттянул мне все плечо! – ухмыльнулся Брэдшоу, опуская младшего брата на пол. – Тристан, я только что слышал, что ты намерен вместе с Робертом отобедать в клубе.

– Совершенно верно.

– Вы оба не станете возражать, если и я к вам присоединюсь?

– Ради Бога. Будем только рады.

– А мы с Люсиндой и Эвелин пойдем в музей – там выставка мумий, – хихикнула Джорджиана.

– Можно и мне с вами? – загорелся Эдвард.

– Можно.

– Ура! – прокричал Эдвард, как будто речь шла не о мумиях, а о чем-то необыкновенно заманчивом.

– Я очень устала и присяду на несколько минут. – Джорджиана опустилась на мягкую скамейку посередине Египетского зала Британского музея.

Эвелин и Эдвард сели рядом, причем Эдвард тут же принялся объяснять обеим дамам способы бальзамирования. Через несколько минут вокруг них собралась большая группа детей, которые слушали лекцию с раскрытыми ртами.

– Пока мы отдыхаем, – сказала Джорджиана, – я хотела бы попросить Тристана отнести к сапожнику мои башмаки, чтобы их почистили. Это займет немного времени.

– Наверное, Тристану не стоит беспокоиться, – пожала плечами Люсинда. – Мне кажется, что твои башмаки вовсе не требуют чистки.

– Боже мой, тебя еще только не хватало! Все жалеют несчастного Тристана, как будто я его совсем заездила! Да пойми же, что через какие-нибудь три недели он спровадит

меня подальше!

– Куда?

– Тристан намерен заточить меня в Дэр-Парке! Именно заточить, так как пребывание там в одиночестве станет для меня равносильно тюремному заключению!

– Значит, у тебя осталось всего три недели? – уточнила Люсинда.

– Я так подсчитала. Это будет не очень веселое время. Сама посуди, ведь вы здесь по горло заняты какими-то делами, где-то бываете, с кем-то встречаетесь. Ты даешь уроки джентльменского поведения, Брэдшоу вот-вот станет владельцем и капитаном собственного корабля, и сегодня он отправляется с Тристаном и Робертом на ленч в светский клуб... А я? Что остается делать мне?

Значит, Роберт умышленно пошел в клуб, подумала Люсинда. Наверное, это имело какое-то отношение к их сделке. Господи, если он чувствует себя обиженным, то это ее вина! Ей непременно следовало сразу же объясниться с ним, ведь его внимание делало ее жизнь полнее, красочнее, интереснее! А она, вместо того чтобы как-то уладить ссору, стала дуться на Роберта, и все потому, что он нарушил давно заведенный порядок ее жизни. Однако этот факт отнюдь не объяснял причин, заставивших Люсинду избегать встреч с Робертом и одновременно постоянно думать о нем.

– Люсинда! – как бы издалека донесся до нее голос Джорджианы.

– Да? Извини, мои мысли в последнее время часто оказываются где-то очень далеко...

– И в каком же направлении они блуждают?

– Я все думаю о Роберте, – честно призналась Люсинда.

Такой ответ вряд ли понравился бы Роберту, но Джорджиана была самой близкой ее подругой и, несомненно, переживала за нее.

– Прошу тебя, Джорджи, пусть это останется между нами! – попросила Люсинда.

– Обещаю!

– Об этом никто не должен знать, кроме нас с тобой...

Джорджиана на мгновение опустила глаза, видимо, раздумывая, но затем твердо сказала:

– Все останется между нами!

– Я обещала Роберту помочь создать розарий в саду, – тихо объяснила подруге Люсинда, – но он отказался. Мне показалось, будто он подумал, что я хочу сделать это из чувства сострадания. Вместо этого Роберт предложил, мне заключить с ним сделку.

– Сделку?

– Ну, что-то вроде этого. В обмен на черенки роз и инструкции, которые я ему подарила, он предложил мне содействие в привлечении к нашему списку лорда Джеффри.

Джорджиана чуть не подскочила, что оказалось не так-то легко при ее большом животе – ведь она была уже на последних неделях беременности...

– Так ты по доброй воле все ему рассказала о наших уроках? – воскликнула она, побледнев.

– Ну конечно, нет, Роберт сам завел разговор об этом. Он уже знает об уроках, равно как и о Дэре и Сент-Обине!

Джорджиана нахмурилась:

– Проклятие! Пора бы мне понять, что этот человек всегда знает детально обо всем происходящем.

– Еще одно из преимуществ оставаться практически постоянно невидимым...

– Но он не... Черт побери, зачем я говорю с тобой обо всем этом – ведь ты же не шпионка той чудовищной змеи!

– Вряд ли он задумал против нас троих что-то дурное – скорее здесь простое любопытство. Я пыталась объяснить ему, что те черенки роз были всего лишь подарком, но Роберт уцепился за них и стал настаивать, обещая со своей стороны помочь мне сблизиться с лордом Джеффри.

– Другими словами, вся кутерьма направлена именно на это. Кстати, он знает о твоём интересе к лорду?

Фраза Джорджианы только по форме была вопросом. Люсинда поняла, что подруга уже давно обо всем догадалась, а потому не стала темнить:

– Конечно, знает. Роберт почти уверен, что мы затеяли игру, чтобы поочередно поймать себе женихов.

– И он решил сказать тебе об этом?

– Ну да...

Джорджиана не дала ей договорить и, увидев, что дети вы-

бежали из Египетского зала, резко поднялась со скамейки:

– Сегодня вечером мы намеревались слегка посплетничать с Робертом.

Люсинда предостерегающе схватила подругу за руку:

– Умоляю, ни слова о том, что я. – себе сейчас сказала!

– Не беспокойся, все останется между нами.

В конце зала появился Эдвард; за ним выстроились в затылок его братья. Люсинда прыснула со смеху, не понимая, что означает подобный парад, и тут вслед за ними в зал неожиданно вошел Роберт.

Неизвестно, что произошло с ним и что он видел, но так или иначе его трудно было узнать. В силу каких-то причин он решил, что связан какими-то взаимными предложениями и договоренностями с Люсиндой.

– Мисс Люсинда! – раздался голос за ее спиной.

Она обернулась и увидела перед собой Эдварда.

– Я должен был вручить вам вот это, – смущенно сказал мальчик, – но чуть было не забыл! – Он вынул из кармана сильно смятую записку и протянул Люсинде.

– Спасибо! – Быстро схватив записку, Люсинда развернула ее и с первого же взгляда узнала почерк Роберта, который на этот раз отличался удивительной аккуратностью.

Могло показаться, что Роберт старательно выводит не только каждое слово, но и букву. Под текстом стояли инициалы «Р. К.».

Роберт приглашал Люсинду на утреннюю верховую про-

гулку. Но в полдень на обед к генералу был приглашен Джеффри, а после лорд с Барретом намеревались продолжить обсуждение воспоминаний генерала. Протоколировать их беседу, как и в прошлый раз, должна была Люсинда. Это давало ей возможность затем ненадолго прокатиться верхом вместе с Джеффри, якобы для обсуждения деталей будущих уроков.

Немного подумав, Люсинда решила отказаться от приглашения. Она вытащила из ридикюля карандаш и написала несколько слов под текстом Роберта. Снова свернув записку, Люсинду вернула ее Эдварду:

– Передай это, пожалуйста, Карроуэю...

Когда Роберт спустился вниз, Тристан и Брэдшоу уже давно ждали в фойе. Оба они отлично знали, что Роберт ни разу не был ни в одном лондонском аристократическом клубе с тех пор, как пять лет назад уехал в Испанию, где присоединился к своему полку.

– Я приказал подать экипаж, – сказал Тристан Роберту. – Или ты предпочитаешь ехать верхом?

Это был нелегкий выбор. Роберт представил себе, как он забьется в темный пыльный экипаж, вместо того чтобы наслаждаться свежим воздухом и быстрой опьяняющей скачкой на Толли. И все же он решил согласиться с Тристаном.

– Экипаж – это прекрасно!

– Особенно тот, на котором мы поедem, – с гордостью добавил Тристан. – Итак, вперед?

Роберт утвердительно кивнул, при этом ни один мускул не дрогнул на его мрачном лице; дворецкий с беспокойством посмотрел на него, отворяя дверцы экипажа.

Роберт влез последним, вслед за Брэдшоу и Тристаном. Он чувствовал, что в любую минуту может повернуться и уйти и при этом ни тот ни другой не попытаются его остановить. Невольно Роберт вспомнил слова Брэдшоу, что он так и не сумел устроить свою жизнь.

Тяжело вздохнув, Роберт поудобнее уселся на заднем сиденье. Его устраивало, что оба его спутника заметили, с какой неохотой он согласился ехать в экипаже, а главное, что ни тот ни другой не прочли страха в его глазах. Нет, не перед темнотой экипажа или перспективой войти в ненавистный аристократический клуб. Он с содроганием думал о том, как увидит, выйдя из клуба, пугающую своей трагической чернотой глубокую заводь у высокого берега реки.

– Мне в голову пришла мысль, – прервал Брэдшоу становившееся тягостным молчание.

– Тебе в голову пришла мысль? – усмехнулся Тристан. – Неужели такое с тобой бывает?

– Представь себе – бывает. Я просто хотел сказать, что Сент-Обин теперь стал частью нашего союза. Мы можем привлечь его и герцога Уиклиффа, чтобы восстановить членство в клубе «Уайте».

Тристан удивленно выгнул брови:

– Насколько я помню, только я один выбыл из этого клуба,

причем случилось это по твоей вине.

– Потому-то я и намерен добиться твоего восстановления там.

– Не беспокойся, Шоу, мне даже нравится быть откуда-то изгнанным. Это всегда напоминает Джорджиане, как сильно я ее люблю!

Подобный мрачный юмор тронул Роберта; он невольно вспомнил собственное поражение и с сарказмом добавил:

– А также то, как сама она нередко злилась на тебя!

– Согласен, – кивнул Шоу, – у меня тоже есть немало тому примеров.

– Не сочиняй, это слова Роберта, но мне это вовсе не интересно. К вашему сведению, друзья мои, я собираюсь поехать недели на три к отцу, и это меня сейчас занимает куда больше, нежели все остальное.

Роберт заметил появившееся на лице Тристана удовлетворенное выражение, которое, совершенно очевидно, отражало растущее чувство приближающегося отцовства. Самому же Роберту столь уверенное ожидание близкого счастливого будущего казалось непонятным, ибо сам он, ложась вечерами спать, не был уверен даже в том, что проснется на следующее утро.

Когда экипаж остановился у входа в клуб, слуга в ливрее открыл дверцы и помог приехавшим выйти.

– Прошу вас! – С учтивым поклоном слуга провел их в большую столовую клуба.

– Уотсон, – попросил его Тристан, – будьте добры, проводите нас вон к тому свободному столику у окна.

– Я предвидел вашу просьбу, – ответил Уотсон.

Все трое сели за стол и сделали заказ. Роберт был очень голоден, а потому с нетерпением ждал появления хоть какой-нибудь еды. Но тут от гастрономических размышлений его отвлек мужской голос, раздавшийся за спиной:

– Капитан нового корабля, не так ли?

Прямо через плечо Роберта протянулась чья-то рука, указательный палец которой был направлен на Брэдшоу.

– Пока еще неофициальный, – ответил Шоу. – Позвольте вам представить моих братьев – Дэра и Роберта. Господа, прошу вас познакомиться с моим другом лордом Хеджи!

Хеджи отвесил общий поклон, затем, сев, неожиданно обратился к Роберту:

– Я слышал, что вы потеряли ногу под Ватерлоо, или это только слухи и рана была не столь серьезной?

– К счастью, с ногой у меня особых проблем нет, но я вас помню – кажется, мы встречались несколько лет назад на балу в Девоншире, не так ли? Помните, тогда вы просто-таки повисли на шее леди Уэрджертон? Надеюсь, у вас позже не было проблем с ее мужем?

Хеджи на мгновение застыл с открытым от изумления ртом, потом густо покраснел и прошипел:

– Не понимаю, о чем вы говорите.

– Вот и я не совсем понял ваши рассуждения о моей яко-

бы потерянной ноге. Как видите, у нас с вами есть кое-что общее!

– Не вижу повода для той грубости, которую вы себе позволяете, сэр! – повысил голос Хеджи. – Когда я упомянул о вашей ноге, то сделал это лишь с целью выразить вам свое сочувствие! И потом...

– Вы даже не представляете, – перебил его Роберт, – какое сочувствие я проявляю по отношению к вам сейчас. Даже не спрашиваю, как у вас дела с карточными долгами на сегодняшний день...

Хеджи вскочил со стула и крикнул на весь зал:

– Дэр! Я не могу сидеть за одним столом с этим человеком! Вы должны одернуть его или же отправить домой, а еще лучше посадить в клетку как опасного зверя!

Тристан спокойно вытащил из кармана сигару.

– Ваш спор доставляет мне удовольствие, господа! Вы, Хеджи, слишком горячитесь, а это вредно для здоровья, так что будет лучше, если вы вернетесь за свой столик. Всего доброго!

Хеджи злобно фыркнул, поднялся из-за стола и отошел в центр зала.

Тристан раскурил сигару и разогнал дым ладонью.

– Я получил письмо от Эндрю – он намерен воспользоваться почтовым дилижансом и приехать завтра в Лондон. Скажи, Роберт, а ты не намерен вернуться вместе со мной и Джорджианой в Дэр-Парк? Мы как раз поедем туда на днях.

– А вы возьмете с собой Эдварда? Утвердительно кивнув, Тристан добавил:

– И тетюшек тоже – они очень на этом настаивают, поскольку считают, что Джорджиана без них не обойдется.

– Ну, а я пока не знаю! – уклонился от прямого ответа Роберт.

Он подумал о том, что в ближайшие две недели Люсинда все еще будет в Лондоне.

– От вас и не требуется немедленный ответ.

– Когда я вернусь, то надеюсь увидеть малыша, названного моим именем, – сказал Шоу.

– Обязательно расскажу о твоём желании Джорджиане!

Тем временем официант наполнил опустевшие тарелки. Роберт внешне безразлично отнесся к этому; хотя аппетит давал о себе знать, он расценил это как своего рода победу над самим собой.

Однако до полной уверенности в себе ему было еще далеко, тем более что в этот момент в дверях клуба появился герой Ватерлоо герцог Веллингтон в окружении охраны и самых близких друзей. Среди последних Роберт узнал и генерала Баррета, который дружески кивнул Тристану и занял место по правую руку от герцога.

Первым желанием Роберта было немедленно встать и уйти, пока окружавшие Веллингтона офицеры, увешанные медалями, не начали рассказывать выдуманные истории о минувшей войне и своих героических подвигах. Он бросил

взгляд на братьев, продолжавших молча отдавать дань ужину и искоса следивших за ним в ожидании того, что он намерен теперь делать.

Конечно, если он решит уйти, они последуют за ним. Но покинуть зал всего через несколько минут после появления здесь герцога Веллингтона – такое поведение непременно вызвало бы всеобщее осуждение, что могло бы затем иметь неприятные последствия.

«Сделай вид, что не замечаешь их, тем более что и они не обращают на тебя никакого внимания!»

Роберт отправил в рот солидный кусок баранины и тут же услышал прямо над своим ухом голос герцога, а на его плечо опустилась тяжелая рука героя Ватерлоо.

– Если не ошибаюсь – капитан Роберт Карроуэй?

– Совершенно верно, ваша светлость! – ответил Роберт, поднимаясь со стула.

– Я не забыл, что задолжал вам бутылку виски! – улыбнулся Веллингтон.

– Ну что вы...

Герцог не дал ему договорить:

– А еще я должен передать вам благодарность всей нашей нации за бесценный вклад, который вы своей доблестью на поле боя внесли в дело общей победы.

«Он не знает! – думал Роберт. – Герцог не знает того, что было на самом деле!»

Роберт посмотрел в лицо герою Ватерлоо и сдержанно

произнес:

– Спасибо, ваша светлость!

Зал наполнили аплодисменты, адресованные, как считал Роберт, не ему, а Веллингтону. Если бы в этот момент Веллингтон попытался пожать ему руку, то Роберта непременно вырвало бы; но герцог, еще раз похлопав его по плечу, не спеша вернулся на свое место.

– Что с тобой, Роберт? – прошептал ему на ухо Тристан.

– Я хотел бы уйти отсюда.

– Ладно, мы уйдем все...

Когда они вышли из клуба, экипаж уже ждал их у входа.

– Это был поистине прекрасный жест со стороны Веллингтона, – заметил Шоу, располагаясь на заднем сиденье. – Я уверен, что он далеко не всех благодарит за участие в битве при Ватерлоо.

Роберт уселся рядом с Тристаном и скрестил руки на груди, чтобы братья не заметили, как дрожат его пальцы. Наконец он тихо проговорил:

– Герцог ничего не знает обо мне.

– Не следует себя недооценивать, – возразил Шоу. – Ведь он поблагодарил за вклад в победу именно тебя!

– Не надо об этом, – остановил брата Тристан.

Роберт внимательно посмотрел на братьев и прошептал:

– Я никогда не был под Ватерлоо... – Он закрыл глаза, чтобы не видеть недоуменного выражения на лице Шоу.

Глава 8

Ты будешь рад узнать, что никакое бедствие пока еще не омрачило начала осуществления плана, вселяющего в тебя столь недоброе предчувствие.

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкеништейн»)

– Мой отец сказал, что герцог Веллингтон вчера удостоил вас своим особым расположением, – Люсинда принялась натягивать перчатки для верховой езды, в то время как конюх выводил из конюшни лошадей, – и поблагодарил за героизм, проявленный в битве при Ватерлоо... Не правда ли, это было очень мило с его стороны?

– Не вижу в этом ничего особенного, – Роберт поморщился, – хотя... хотя любому приятно такое слышать. Герцог Веллингтон был назначен главнокомандующим в битве при Ватерлоо, и нация должна быть ему благодарна за эту победу. К тому же я думаю, что Веллингтон тем самым сделал важный шаг к креслу премьер-министра.

Роберт подхватил Люсинду и помог ей усесться в седло.

– А вы действительно что-то знаете о возможном будущем Веллингтона или просто догадываетесь? – продолжала допрашивать Люсинда, сидя на лошади и невольно глядя на Роберта сверху вниз.

– Догадываюсь! – буркнул он в ответ. – Впрочем, какое

мне до этого дело? Под Ватерлоо я всего лишь выполнял свой воинский долг и ничего более... – Роберт вскочил в седло и вопросительно посмотрел на Люсинду: – Вы намерены совершить верховую прогулку или собрались в Гайд-парк?

– Просто хочу покататься.

– Надеюсь, вы вернетесь к обеду?

– А в чем дело? Или вам хочется опекать меня подобно старой леди, следящей за молодой девчонкой, дабы та не наделала глупостей?

– О нет, я, разумеется, не думал ни о чем таком...

Люсинда обернулась и крикнула конюху:

– Бенджамин! Оседлайте еще одну лошадь и следуйте за нами.

– Слушаюсь, мисс Люсинда! – Конюх исчез за воротами конюшни и через пару минут снова появился, сидя на молодом сером жеребце.

Они выехали со двора и направились на север. Проехав в полном молчании примерно милю, Люсинда, оказавшаяся чуть впереди Роберта, придержала свою лошадь и, посмотрев на своего спутника, одобрительно улыбнулась ему:

– Джорджиана была права, называя вас прекрасным наездником. Если посмотреть со стороны, вы просто-таки сливаетесь с лошадью. Поклонники верховой езды считают это высшим искусством!

– Что ж, я действительно очень люблю лошадей и верховую езду, – не без некоторой гордости ответил Роберт. –

Кстати, когда я вернулся из Испании, то не был уверен, что Толли меня узнает. Однако он привык ко мне скорее, нежели я к нему.

Люсинда глотнула воздух и с удовлетворением подумала, что впервые этот скрытный и молчаливый человек хоть чуть-чуть позволил ей заглянуть ему в душу. Во всяком случае, теперь она узнала, что Роберт Карроуэй любит лошадей и верховые прогулки, так же, впрочем, как и она...

– Коль скоро мы начали работать над тем, чтобы уговорить лорда Джеффри согласиться с содержанием его первого урока, то, может быть, вы ознакомите меня со вторым? – предложил Роберт.

Люсинда поджала губы:

– Подождите, о втором уроке чуть позже. Лучше скажите: каким образом мы сможем заставить лорда Джеффри уделять внимание исключительно той женщине, о которой идет речь?

– Вы имеете в виду себя?

Люсинда никогда не признавалась ему, что пытается поймать лорда Джеффри в свои сети; но и отрицать это тоже вряд ли имело смысл.

– Хорошо, пусть это буду я, – согласилась она. – Как вы поступите в таком случае?

– Затрудняюсь ответить.

– Согласитесь, Роберт, что я не глупа! – Люсинда усмехнулась. – Почему бы не попробовать юмор?

Роберт откашлялся:

– Вы, верно, думаете, что мне следовало бы более тщательно выбирать слова при том довольно скудном их запасе, которым я владею...

Легкий смешок сорвался с губ Люсинды.

– Не извиняйтесь – я всегда дам вам знать, если обижусь. И не уходите от разговора. Насколько хорошо мы проработали план первого урока?

– Посмотрите направо! – воскликнул Роберт, не отвечая на ее вопрос.

В этот момент они как раз проезжали клуб «Джентльмен Джексон», на ступенях парадного входа которого стояли граф Кланфелд и Уильям Пирс. Оба повернули головы и с интересом посмотрели на проезжавшую пару.

– Кто это? – поинтересовалась Люсинда.

– Лорд Кланфелд и мистер Пирс – близкие друзья лорда Джеффри. Скажу вам по секрету, что сейчас оба собираются на важную встречу в «Уайте».

– Откуда вам это известно?

Роберт слегка улыбнулся и пожал плечами:

– Просто я внимательно слежу за всем, что происходит вокруг.

«Удивительно! – подумала Люсинда. – Как это ему удается следить за ежедневным расписанием чуть ли не каждого лица, принадлежащего к высшим светским кругам столицы, и при этом оставаться незамеченным? Зато теперь понятно,

почему он с такой легкостью угадывает мысли любого собеседника!»

– Пусть так. – Она снова усмехнулась. – Эти двое собрались в «Уайте» для беседы или переговоров. Но нам-то что до этого?

– Им известно, что сегодня вы и генерал Баррет собираетесь пообедать вместе с лордом Джеффри. Вы подойдете чуть позже, сославшись на то, что встречались утром с еще одним молодым человеком, поэтому мы подведем к вашему дому с небольшим опозданием – так, чтобы лорд Джеффри увидел нас с вами у парадных дверей и...

– И стал ревновать?

– Совершенно верно!

– Вы не думаете, что это преждевременно?

– Главная наша цель будет состоять не в том, чтобы вызвать ревность лорда Джеффри, а в том, чтобы он понял – Люсинда Баррет не только протоколист высказываний своего отца-генерала, но и прекрасная женщина, сводящая с ума своих поклонников...

«Поклонников!» – подумала Люсинда. Неужели Роберт согласен играть при ней подобную роль? Или он расценивает это как своеобразную плату за полученные от нее черенки роз? Впрочем, какое имеет значение, чем он руководствуется? Главное, что они заняты общим делом!

– А что, если бы я предложила все-таки поехать в Гайд-парк? – спросила Люсинда.

– Мне кажется, вы этого не предложите...

Брови Люсинды удивленно поползли вверх.

– Интересно, откуда вы могли знать – ведь я только подумала о такой возможности? Или у вас есть дар читать чужие мысли?

– Никакого дара у меня нет, просто я знаю, что вы добрая, внимательная дама и вам давно известно, что я очень не люблю появляться в Гайд-парке по утрам. Исключением могут быть разве что утренние часы каждого вторника и четверга, поскольку именно тогда двоюродная сестра лорда Джеффри маркиза Истон совершает там прогулки. А так как вы интересуетесь лордом, знать это расписание вам было бы полезно – через сестру, даже двоюродную, можно найти путь и к самому Джеффри, хотя... хотя это довольно туманная возможность. Маркиза увидит своего брата, равно как и остальных Ньюкомов, не раньше вечера, а это довольно поздно для организации встречи с ним...

– Вы, как всегда, очень уклончивы. Но признаюсь, я тоже не люблю Гайд-парк.

– Что ж, буду иметь это в виду!

Люсинда подумала, что он непременно сдержит слово. Она кивнула Роберту, делая вид, будто не почувствовала в его тоне интимных ноток, заставивших учащенно биться ее сердце.

– Итак, есть еще кто-нибудь, на кого мы могли бы произвести впечатление этим утром? – спросила Люсинда.

– Не думаю. Мы сможем только внушить неприязнь.

– Увы, не могу с этим не согласиться. Я постепенно пришла к выводу, что легче стать желанным, когда вам менее всего это нужно!

Незаметно они выехали за пределы особняков и богатых коттеджей и очутились в прогалине, ведущей к раскинувшимся здесь и там зеленым лужайкам и живописным прудам. Здесь Роберт замедлил шаг своего коня и несколько раз внимательно взглянул в лицо своей спутницы.

– Мне надо побольше разговаривать, чтобы выйти из состояния одиночества и обрести уверенность в себе. Но с кем я могу говорить? В последние годы я совсем отвык делиться с кем бы то ни было мыслями. Это произошло не в последнюю очередь потому, что мне некому было довериться...

– Вы можете довериться мне!

– Да, с вами действительно очень легко и приятно разговаривать...

Люсинда почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Боже правый, она отнюдь не напрашивалась на комплименты! Но прежде чем прозвучал ее ответ, Роберт пришпорил Толли и оказался впереди. Убедившись, что серьезного разговора сегодня не получится, Люсинда опустила поводья и медленно поехала следом.

Люсинда была посредственной наездницей, так как в основном предпочитала спокойно гулять пешком; но все же она могла достойно сидеть в седле и даже выдерживать до-

статочно быстрою скачку в пределах, которые сама отлично знала. Это было хорошо известно и Роберту, поэтому, оставив коня, он некоторое время смотрел на сильно отставшую всадницу, серьезно беспокоясь за нее. Лишь поняв, что с Люсиндой все в порядке и она не собирается свалиться с лошади, он пришпорил Толли и поскакал дальше...

Они провели в седле около двух часов, иногда пускаясь в галоп, иногда давая отдохнуть лошадям и при этом почти не разговаривая. Судя по безмятежной улыбке, не покидавшей лица Роберта, он был очень доволен прогулкой, а потому с некоторым сожалением достал из кармана часы и, громко щелкнув серебряной крышкой, крикнул спутнице:

– Пора домой! – После чего пустил Толли в галоп, заставив его при этом сделать три круга вокруг Люсинды, довольно уверенно сидевшей на своей кобыле. – Кстати, вы обещали познакомить меня с содержанием второго урока...

– Для этого вам следовало продемонстрировать мне свои успехи в освоении первого, но пока вы этого не сделали!

– Мне следует хорошо подготовиться ко второму этапу обучения. Не сомневаюсь, что вы отлично понимаете необходимость комплексного подхода ко всему процессу.

– Откровенно говоря, вам это покажется глупым, но... Дело в том, что второй наш урок будет касаться в основном поведения дам.

– И все же расскажите, – попросил Роберт, заметив, что они уже оказались совсем рядом с ее домом.

Люсинда вздохнула:

– Ну, скажем так: когда джентльмен оказывается на балу, то обязательно должен танцевать, особенно если на балу больше женщин, чем мужчин. Видите ли, чувствуешь себя очень неуютно, если кругом все мужчины о чем-то дискутируют, а ты одиноко сидишь у стены, ожидая, чтобы хоть кто-нибудь из них соизволил обратить на тебя внимание и пригласил на танец!

– Но я видел, как Джеффри танцевал с вами...

– Он танцует, если не заикается. А ведь каждая дама на балу должна за вечер протанцевать хотя бы один раз.

– Но заметьте, – возразил Роберт, – что умение танцевать – едва ли не единственное, чем Джеффри овладел в совершенстве. Он любит танцевать и никогда не оставляет дам на балу без внимания, так что тут он вряд ли нуждается в каких-либо уроках. Джеффри обещал помочь и мне тоже. Уверен, что это не пустые слова. Но предварительно мне надо будет ознакомить его с планом моего будущего розария...

Люсинда остановила Айсис – так звали ее любимую лошадь – между двумя высокими развесистыми кустами и неожиданно положила ладонь на руку Роберта. Он в ответ наклонился к ней и прильнул губами к ее губам, после чего сразу же выпрямился.

– Я знаю, – признался Роберт, переведя дыхание, – что вы не думали обо мне, составляя список своих будущих учеников.

Люсинда была ошеломлена. Она легонько хлестнула Айсис по крупу, и та двинулась вперед так резво, что Люсинда с трудом удержалась в седле.

Удостоверившись, что с ней все в порядке, Роберт прищипорил Толли, бросив при этом взгляд на дом и заметив, как заколыхались шторы в окне второго этажа.

Итак, за ними наблюдали. Но кто?

Домой Роберт возвращался длинной кружной дорогой. Нет, он не намеревался этого делать – у него и мысли не было целовать Люсинду! Он просто надеялся стать ее другом и не имел никаких скрытых мотивов. Правда, Роберт очень хотел дотронуться до Люсинды, оправдывая это желание тем, что уже на протяжении многих лет не дотрагивался ни до одной женщины, но это вряд ли послужило бы оправданием в ее глазах.

– Идиот! – прошипел Роберт, довольно громко, потому что уши Толли мгновенно настороженно поднялись.

Нет, после этого он не может продолжать участвовать в их общем деле. Хотя... хотя Люсинда Баррет отнюдь не дура. Стоило ли в таком случае столь глупо, из-за какого-то случайного поцелуя, терять надежду возвратиться с ее помощью в высшее светское общество?

Из конюшни появился Джон – старший конюх и помог Роберту спешиться.

В это время дня все члены его семейства обычно разбредались по своим делам, а Эдвард с наставником Тростом,

верно, сейчас рассматривали зверей в лондонском зоопарке.

– Мастер Роберт, – сказал Доукинс, запирая ворота конюшни, – не прикажете ли передать миссис Халлер, чтобы она приготовила что-нибудь для вас к ленчу?

– Сандвич и ничего больше! – ответил Роберт. – Я буду в библиотеке.

Однако между прихожей и библиотекой находился еще кабинет Тристана. Роберт остановился у его двери, поколебался несколько мгновений и проскользнул внутрь.

Все приглашения на всякого рода обеды, ужины, дни рождения, танцевальные вечера стопкой лежали на секретере.

Порвал ли Роберт свои отношения с Люсиндой или нет, но он не мог отрицать, что хотел бы ее снова видеть. В другом случае он заслужил бы пощечину за свою выходку, а теперь...

А теперь его ожидал второй урок, для чего надо было обязательно посетить какой-нибудь светский раут или танцевальный вечер.

Итак, ему предстоит танцевать. Это было для Роберта немалой проблемой, и не только потому, что у него после падения с лошади в армии постоянно болело левое колено. Дело осложнялось еще и тем, что Роберт основательно забыл простейшие па даже самого несложного танца.

Он с ужасом представил себе, как с мучительной гримасой от невыносимой боли в колене пытается что-то выделывать ногами на танцевальном кругу большого зала и вдруг

падает лицом вниз к ногам леди Баррет под общий хохот остальных гостей.

Роберт дважды просмотрел все лежавшие перед ним приглашения. Они были адресованы Тристану и Джорджиане. Это, скорее всего, означало, что на каждом таком событии будет непременно присутствовать и Люсинда. Среди приглашений оказалось несколько не очень почетных. Роберт представил себе презрительную мину на лице Люсинды, если она узнает о том, что он принял хоть одно из таких...

Неожиданно хлопнула входная парадная дверь. Роберт инстинктивно отодвинул от себя стопку карточек с приглашениями и хотел было выйти в холл, но остановился, услышав голос дворецкого Доукинса:

– Мастер Эндрю! Мы ждали вас только к вечеру...

– Видите ли, я катался верхом вместе со своим другом и, очутившись недалеко от вашего дома, решил прийти пораньше. А кто успел появиться до меня?

– Пока только мастер Роберт. Вы найдете его в библиотеке.

– Спасибо, Доукинс! И если миссис Халлер уже приготовила ленч, то это избавит меня от необходимости поесть мебель.

– Ленч ждет, ваша милость.

Эндрю кивнул и направился в дальнюю половину холла, где вдоль стены выстроились уютные мягкие кресла. Роберт, наблюдавший за ним через полуоткрытую дверь, сердито по-

смотрел ему вслед.

Эндрю опустил­ся в кресло прямо напротив кабинета Тристана, лишив тем самым Роберта возможности даже крадучись перебраться в библиотеку. Уже в следующий момент он увидел Роберта, нерасчетливо выглянувшего из-за двери, и бросился к нему.

– О, вот и ты! – воскликнул Эндрю.

Он поднял было руки, чтобы обнять Роберта, но тут же опустил их, видимо, не сразу поняв, кто из братьев стоит перед ним.

– Эндрю, ты что, не узнаешь меня? Вгляди­сь-ка получше, ведь для этого даже не потребуется становиться на цыпочки – в свои восемнадцать лет ты уже стал заметно выше меня!

– Если и так, то всего на пару сантиметров. Но вот Шоу я точно перерос намного!

Он украдкой посмотрел через плечо на кабинет Тристана, но тут же смешался и отвел взгляд.

Роберт заметил смущение Эндрю, хотя, по сути, скрывать ему было нечего.

– Я зашел в кабинет, чтобы просмотреть прислан­ные приглашения, – улыбнулся он. – А теперь пройдем в библиотеку – там нам удобнее будет разговаривать.

Эндрю утвердительно кивнул, и они, войдя в библиотеку, уселись за столом друг против друга.

– Ты не знаешь, что за саженцы сложены у ворот конюш­ни? – поинтересовался Эндрю.

– Знаю. Я решил устроить в саду розарий – вот и приобрел их.

– Ах вот оно что! – Эндрю наконец заметил, что Роберт одет в костюм для верховой езды. – Насколько я понимаю, ты только что вернулся с верховой прогулки?

– Я очень неплохо прокатился в обществе одного из своих хороших друзей.

– Твоего хорошего друга зовут женским именем Люси? – хмыкнул Эндрю, обняв Роберта за плечи.

Первым неосознанным движением Роберта была попытка освободиться от братских объятий.

«Спокойно! – сказал он себе, глубоко вздохнув. – Ведь это всего лишь Эндрю!» – И похлопал брата ладонью по спине.

– Извини! – смущенно произнес тот. – У тебя все в порядке?

– Ты меня удивляешь! Разве я дал тебе повод в этом сомневаться?

После этого Эндрю на протяжении полутора часов истязал Роберта рассказами о своих студенческих годах. Тот слушал с видимым вниманием, хотя после утренней прогулки с Люсиндой и своей идиотской выходки он больше всего на свете хотел бы побыть в одиночестве...

«Проклятие! – подумал Роберт. – Еще немного, и мое настроение будет окончательно испорчено!»

Он медленно поднялся из-за стола и, проворчав: «Прости, мне надо идти!» – направился к двери.

– Тебя что-то расстроило? – растерянно спросил Эндрю.

– Нет. Увидимся за ужином!

Роберт поднялся к себе в комнату, захлопнул дверь и бросился на кровать.

«Дыши спокойно! – приказал он себе. – И возьми себя в руки!»

Пролежав с час, Роберт поднялся и принялся ходить по комнате из угла в угол. Ему сразу стало легче, и он, подойдя к окну, посмотрел во двор...

День клонился к вечеру. Бросив взгляд на ворота конюшни, Роберт вспомнил, что так и не полил сложенные там саженцы. Но выйти сейчас из комнаты неминуемо означало бы встретиться со слугами или с кем-нибудь из членов его семейства. Начнутся разговоры, игра в политес и...

«Прекрати!» – снова приказал он себе.

Это выглядело просто смешным. Единственное, что сейчас ему было нужно, так это полведра воды, чтобы полить несколько саженцев.

Взяв себя в руки, Роберт подошел к туалетной комнате, достал ведро и налил в него воды.

«Теперь надо открыть дверь, спуститься в холл, выйти на улицу, а затем перенести саженцы в сад, где уже дожидается готовая клумба. Дальше останется только посадить их и полить из ведра. Вот и все!»

Роберт вышел в коридор и сразу почувствовал себя гораздо лучше. Обойдя вокруг дома, он вошел в сад и наклонился

над клумбой.

– Роберт! – раздался у него над самым ухом мужской голос.

От неожиданности он вздрогнул... и тут же увидел стоявшего рядом Тристана.

– Ты намерен с нами поужинать? – спросил тот.

– Да. А ты видел Эндрю?

– Видел. Он уже успел доложить всем, что по росту в семействе Карроуэй самый маленький – Эдвард. Он даже меньше Шоу.

– Не думаю, чтобы Шоу был очень рад это слышать! – рассмеялся Роберт.

– А еще он доложил, что застал тебя в моем кабинете.

– Это правда. Я заходил туда, чтобы просмотреть приглашения, которые ты получил на ближайшие дни.

– Он об этом тоже сказал. Кстати, все наше семейство приглашено на бал к Монтроузам.

– Когда?

– Завтра вечером. Ты пойдешь с нами?

– А Эдвард?

– И Эдвард, но он несколько задержится – мистер Трост просит его прежде решить кое-какие математические задачи, которые он ему задал. Так ты пойдешь?

– Все идут?

– Все.

– Люсинда?

– Тоже.

– Ну тогда и я!..

Глава 9

Мужчина, желающий выглядеть совершенным, должен всегда сохранять спокойствие и хладнокровие. И ни в коем случае не проявлять страсть и желание, каким бы непреодолимым оно ни было.

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Изящным движением руки Люсинда отложила в сторону перо и подула на только что исписанную страницу, чтобы высушить чернила. Тем временем лорд Джеффри и генерал Баррет потягивали коньяк, попутно рассуждая о достоинствах и недостатках британских офицеров, вместе с которыми обоим довелось служить.

– Майор Скоггинз? – насмешливо улыбнувшись, переспросил генерал. – Не тот ли, которого каждое утро надо было накрепко привязывать к седлу?

– Именно! – кивнул Джеффри. – Правда, я никогда не был уверен, зачем это делалось – из-за его неумения ездить верхом либо из-за пристрастия к спиртному?

Генерал бросил взгляд на небольшие часы, стоявшие на столе, и всполошился:

– Черт побери, как поздно! Вы останетесь на ужин, Джеффри?

– Очень хотел бы, но, к сожалению, я еще раньше назначил важную встречу на вечер.

Генерал Баррет встал и пожал Джефффри руку:

– Еще раз благодарю вас за помощь!

– Не стоит благодарности, Огастус! Любая возможность похвастаться героическими подвигами во время войны доставляет мне огромное удовольствие, тем более в присутствии такой очаровательной слушательницы! Так что скорее это я должен благодарить вас.

Он нежно улыбнулся Люсинде.

– Мне тоже очень приятны наши встречи, милорд... – ответила Люсинда, скромно потупив взгляд.

– Пожалуйста, называйте меня просто Джефффри!

Молодой человек знаком предложил Люсинде пройти к лестнице и спуститься в холл. Ему все утро хотелось поговорить с ней. Именно для того, чтобы привлечь внимание Люсинды, он дважды вставал из-за стола, подходил к ней и смотрел через плечо в ее раскрытый блокнот, делая вид, что хочет проверить точность записей.

– Еще раз позвольте поблагодарить вас за помощь отцу, – сказала Люсинда. – Должна признаться, что еще никогда генерал не трудился с подобным энтузиазмом над своими воспоминаниями!

– Всегда готов помочь чем смогу. – Лорд слегка поклонился и поднес руку Люсинды к своим губам. – Смею ли я надеяться как-нибудь увидеть вас не только с пером в руках?

Мне кажется, вы должны любить верховые прогулки...

– Это верно, верховая езда действительно моя страсть!

– Тогда не согласились бы вы, скажем, завтра утром прокатиться со мной верхом по Гайд-парку?

Люсинда смутилась:

– У меня завтра ленч в полдень... Но все же...

– Но все же – завтра в десять часов утра. Идет?

– Идет!

– Итак, до завтра.

– До завтра, Джеффри!

Люсинда вышла вместе с ним на парадное крыльцо. Джеффри сел на лошадь, и она еще некоторое время смотрела ему вслед, после чего направилась в кабинет отца.

Генерал все еще сидел за столом и перечитывал свои записки.

– Я кое-что обдумывал, – сказал Баррет, не поднимая головы.

– Что именно?

– Не будет ли навязчивым с моей стороны просить лорда Джеффри критически просмотреть все мои журналы и высказать свое мнение? Он способен несколько по-новому взглянуть на кое-какие моменты в моих воспоминаниях.

Люсинда присела за стол напротив отца:

– Джеффри пригласил меня завтра утром на верховую прогулку по Гайд-парку.

– И ты согласилась?

– Да, папа. Так что если ты планировал завтра продолжить работать над своими записками, то лучше отложи на какое-то время это занятие.

Глаза Баррета на мгновение сделались строгими и колючими, но тут же снова потеплели.

– Похоже, ты обвиняешь меня в том, что я поддерживаю дружбу с лордом Джеффри только для того, чтобы поощрять его ухаживания за тобой?

– Ты великолепный стратег, мой дорогой! – с лукавой ноткой в голосе ответила Люсинда.

– Но ведь именно ты предложила мне обратиться к нему за советом! – рассмеялся генерал.

– Да, это так!

– И я понял, что он действительно очень полезен мне. Его воспоминания подтверждают мои мысли, отраженные в записях.

– Ну так и используй его по мере возможности, дорогой генерал!

– Спасибо за разрешение! Кстати, ведь ты с такой же готовностью принимала приглашения совершать верховые прогулки и от Роберта Карроуэя.

Люсинда утвердительно кивнула, невольно вспомнив недавний легкий поцелуй Роберта, и тут же с некоторым ехидством заметила:

– Однако ты почему-то не стал привлекать его к редактированию своих записей, хотя Карроуэй тоже участвовал в

войне. Надеюсь, ты не будешь этого делать впредь, даже если вдруг решишь поощрять и его ухаживания за мной?

– Не буду! Я понимаю, что ты выросла среди офицеров и наслушалась их хвастливых рассказов. Но, ради Бога, поверь мне: не стоит останавливать свой жизненный выбор на ком-либо похожем на Роберта Карроуэя – это явно не то, что тебе нужно.

– Я просто каталась вместе с ним, папа! Тем более что Роберт – брат мужа моей любимой подруги. Кроме того, по каким-то причинам он очень неохотно с кем-либо разговаривает, мне же порой удается его немного расшевелить. Кстати, он отнюдь не развлекает меня рассказами о своих военных подвигах, и я вовсе не думаю о чем-то серьезном в отношении этого молодого человека!

Генерал тяжело вздохнул и поднялся из-за стола:

– Что ж, тогда продолжай свой спектакль милосердия, который ты, похоже, затеяла только для того, чтобы определиться в своей жизни.

– О да, именно из-за этого!

Генерал вышел, но Люсинда еще долго сидела в кресле для гостей. Поцелуй, который лорд Джеффри запечатлел на ее ладони, несомненно, означал начало флирта и, несмотря на свою фривольность, заслуживал серьезных размышлений. Роберту же Карроуэю Люсинда отводила несколько другую роль... а возможно, и вовсе никакую.

Но все же она машинально провела пальцем по губам, ка-

залось, еще сохранившим тепло его неожиданного поцелуя. Она не собиралась дальше продолжать эту игру, дабы совсем не запутаться. Люсинда не могла даже вообразить молодого Карроуэя, этого раненого, покалеченного солдата, в роли своего жениха, а тем более супруга, хотя видеть Роберта и разговаривать с ним ей было приятно. К тому же генерал Баррет никогда не признал бы его своим будущим родственником, даже развитие чисто дружеских отношений с Робертом в немалой степени осложнило бы ситуацию в семье. Она же представляла себе своего будущего мужа приятным, внимательным джентльменом, лишенным каких-либо комплексов, помогающим ей заботиться о престарелом отце – одним словом, ей нужна была спокойная, добрая семейная жизнь!

«Черт!» – подумала Люсинда. Ведь если ей действительно нужна спокойная жизнь, то в первую очередь надо было бы не вспоминать более никогда о поцелуе Роберта...

Наводя кое-какой порядок в комнате, Роберт наткнулся на три музыкальные шкатулки. Взяв их, он вышел в коридор и направился в буфетную, где по утрам обычно завтракала вся семья.

– С добрым утром! – приветствовала его Джорджиана, поднимая голову от тарелки.

– С добрым утром! – ответил Роберт.

Он рад был видеть Джорджиану и даже в последние дни искал встречи с ней. Но кроме нее в буфетной сидел еще и Тристан. Гм-м... Роберт, возможно, и не отказался бы от

помощи, но только не от этого своего брата.

– Что ты там принес? – спросил его Тристан.

– Так, ничего! – буркнул Роберт. – Вы уже заканчиваете завтрак?

Тристан резким движением отодвинул от себя тарелку:

– Закончили. Тебе что-то надо?

– Мне надо, чтобы ты вышел.

– Вышел?

– Да.

– Ладно уж, выйди на минутку. – Виконтесса похлопала его по руке.

Тристан побледнел и медленно поднялся из-за стола.

– Значит, вот как? – произнес он мрачно. – Полная и бесцеремонная отставка?!

– До свидания! – Джорджиана натянуто рассмеялась.

Тристан обернулся к слугам, стоявшим подле окна, и процедил сквозь зубы:

– Чего вы тут стоите? Если мне предлагается уйти, то вам и подавно!

Слуги, поклонившись, вышли, пропустив перед собой хозяина.

– Итак, что я могу для вас сделать? – спросила Джорджиана Роберта, когда дверь за Тристаном закрылась.

Роберт тяжело вздохнул и поставил на стол музыкальные шкатулки.

– Я хотел бы убедиться, могу ли танцевать не как увалень.

Вот здесь, в этих шкатулках, записаны вальс и два народных танца. – Он открыл все три коробки.

– Мне кажется, лучше нам перейти в утреннюю гостиную, – предложила Джорджиана. – Остальные члены семьи еще не завтракали, а потому скоро появятся здесь. Я не хочу, чтобы они нам мешали или, Боже упаси, делали какие-либо замечания!

Они вышли в холл, чуть не наткнувшись на задержавшегося там Тристана, и тут же перед ними возник Эдвард.

– Куда это вы идете? – подозрительно спросил он.

– Вымыть руки, – ответила Джорджиана. – А ты отправляйся завтракать!

Они быстро прошли в утреннюю гостиную, которая, по счастью, оказалась незанятой. Джорджиана плотно закрыла дверь и заперла ее изнутри, Роберт разместил шкатулки на подоконнике и открыл их.

– Должен признаться, – обратился он к Джорджиане, – что я толком не знаю, смогу ли...

– Никаких отговорок! Начнем с вальса. – Включив первую шкатулку, Джорджиана стала в нужную позицию и выжидающе посмотрела на партнера.

Набрав в грудь побольше воздуха, Роберт взял правой рукой ладонь Джорджианы, а левой обнял ее, в то время как она, ободряюще улыбнувшись Роберту, положила свободную ладонь на его плечо.

Джорджиана почувствовала тепло тела Роберта, и это

ощущение наполнило ее радостью уверенной в себе женщины. Он же невольно испытал дрожь в коленях и, задыхаясь, попытался отстраниться от нее.

Джорджиана с удивлением посмотрела на своего незадачливого партнера:

– Что случилось, Роберт?

– Извините! – проговорил он дрожащим голосом, пятясь к двери. – Но я, кажется, совершил ошибку!

– Вовсе нет! – рассмеялась Джорджиана. – Вы поступили совершенно правильно. Если вы еще раз захотите попрактиковаться в танцах, дайте мне знать, и мы встретимся в этом зале.

В свою спальню Роберт вернулся в состоянии, близком к обморочному. Захлопнув дверь, он некоторое время неподвижно стоял посреди комнаты, а затем начал бегать из угла в угол, нервно сжимая и разжимая пальцы рук.

«Успокойся! Успокойся же!» – твердил он себе, пытаясь отогнать какой-то образ.

Но это не был образ женщины, с которой он только что делал попытку потанцевать. В мыслях перед ним стояла Люсинда...

– Что, черт побери, ты с ним сделала? – в волнении воскликнул Тристан, суется перед закрытой дверью спальни Роберта.

– Честное слово – ничего! – недоуменно пожала плечами Джорджиана. – Он пытался танцевать, но это для него пока

непосильно, вот и все.

– Но...

– Ради Бога, говори потише, Тристан! Роберт не должен слышать, что мы его обсуждаем.

– Но он сейчас явно начинает себя лучше чувствовать!

– Думаю, да. Ему лучше, хотя всего лишь пару недель назад у него был сильнейший приступ.

Их голоса донеслись до ушей Роберта. Он осторожно подошел к двери и прислушался, при этом стараясь унять не прекращавшуюся со времени урока танцев дрожь в теле.

«Думай о чем-нибудь еще!» – уговаривал он себя.

Раньше подобное самовнушение обычно срабатывало и его меньше тревожила незажившая рана, полученная во время бегства с поля Ватерлоо. Но когда в его памяти вставляли семь месяцев, проведенные в тюремной камере, отчаяние и душевная боль не оставляли Роберта ни на час.

Однако ничего этого он не мог никому рассказать, так как встретил бы в ответ не только полное непонимание, но и открытое презрение.

Роберт приоткрыл дверь и грубо крикнул:

– Идите отсю...

Ворвавшийся в комнату порыв холодного ветра отвлек его внимание и не дал закончить резкую фразу. В тот же момент чья-то рука плеснула прямо ему в лицо несколько пригоршней ледяной воды из ведра. Роберт едва успел вырвать ведро из рук обидчика, оттолкнуть его к противоположной стене

коридора и захлопнуть дверь.

– Помилуй, Роберт, это же я – Тристан! – донесся обиженный голос из-за двери.

– Я знаю, что это ты! Черт бы тебя побрал, Тристан! Никогда впредь этого не делай!

– Я его предупредила против подобных выпадов, – услышал Роберт голос Джорджианы, – но ведь тебе известно его упрямство. Он, видишь ли, решил пошутить! Не важно, что не всем это может понравиться. Но позволь по крайней мере помочь тебе переодеться – ты же промок насквозь.

– Ничего, я сам сумею управиться.

Однако холодный душ из ведра немного освежил Роберта и заставил на какое-то время позабыть неудачу на уроке танцев. Правда, его сердце продолжало учащенно биться, а дыхание оставалось прерывистым, но танцы здесь были уже ни при чем. Снова в памяти возник полный неземного очарования образ Люсинды...

– Мне все-таки надо переодеться, – пробурчал Роберт.

– Я думаю, что благоразумнее всего было бы ретироваться. – Люсинда усмехнулась. – Да, именно так.

– Возможно, я ошибался! – Лорд Джефффри удивленно выгнул бровь.

– Сотня французских кавалеристов разбила свой лагерь в каких-то двадцати метрах от того места, где вы устроили свой ленч, – хмыкнула Люсинда. – Откровенно говоря, у меня нет сомнений, что в такой ситуации отступление было

единственной возможной альтернативой!

Прогулка привела обоих в восточный конец Гайд-парка. Люсинда откровенно наслаждалась этим прекрасным утром, хотя необходимость постоянно поддерживать разговор с Джефффри несколько раздражала ее. В обществе Роберта Карроуэя она говорила только тогда, когда ей этого хотелось, Джефффри же был весел, как всегда, очарователен, неотразим и... не в меру разговорчив.

– Вы будете на балу у Монтроузов сегодня вечером? – небрежно спросил он.

– Скорее да, чем нет.

– Тогда запишите за мной вальс в вашей карточке танцев.

– Непременно.

– А еще кадрили...

В том, что за вечер она будет вынуждена дважды танцевать с одним и тем же кавалером, нет ничего необычного, но многие ретрограды, несомненно, усмотрят в этом вызов обществу. Все же Люсинда утвердительно кивнула:

– Хорошо. Согласна танцевать с вами и кадрили.

– А также один из народных танцев! – не унимался Джефффри.

– Как бы вам не навлечь на себя всеобщее негодование! – Люсинда нахмурила брови, не на шутку испугавшись за собственную репутацию в обществе.

Если она согласится, то ей придется танцевать уже трижды за вечер с одним и тем же кавалером, что будет воспри-

нято уже не только как вызов обществу, но и как откровенный скандал!..

Джефффри посмотрел на нее и улыбнулся:

– Кажется, я немного переборщил в своих просьбах, извините, прошу вас!

– О, да ради Бога! Вы ведь только хотели польстить мне, зная, что получите отказ.

– По меньшей мере признайтесь, что хоть в этом я преуспел! – Джефффри рассмеялся.

– Преуспели, но при этом задержали меня, и я теперь могу опоздать к обеду.

Джефффри достал карманные часы, посмотрел на них и, нахмурившись, подозвал конюха.

– Может быть, послать этого малого вперед, чтобы он предупредил домашних о вашем опоздании?

– Спасибо, не стоит!

– А что, если я сам провожу вас домой?

– Думаю, это вы просто обязаны сделать! – рассмеялась

Люсинда.

У двери дома Джефффри настоял, чтобы Люсинда позволила ему помочь ей спешиться.

– Благодарю вас, – сказала она. – Это была прекрасная прогулка, Джефффри!

– Позвольте выразить надежду, что она станет лишь первой в числе многих подобных в обозримом будущем!

Люсинда только улыбнулась в ответ. Меньше всего сейчас

ей хотелось бы поддаться на удочку лъстивого красноречия Джеффри, хотя сама манера его речи не могла ей не понравиться. Слушать Джеффри было приятно, но все же отнюдь не это стало причиной ее выбора.

– Увидимся вечером, – улыбнулась она.

– Итак – до встречи!

Вернувшись домой, Люсинда обнаружила, что все остальные участники обеда уже собрались за столом и ждут только ее.

– Кажется, я немного опоздала? – виновато спросила она.

– Нет, что ты, – поспешила успокоить ее Эвелин. – Просто мы собрались чуть раньше.

– Я успею переодеться?

– Вряд ли стоит это делать, не то без тебя мы успеем вдоволь посплетничать на твой счет!

Все же Люсинда бросилась наверх, в спальню, переодеться, но не успела она снять шляпу, как раздался стук в дверь.

– Войдите!

Дверь отворилась, и на пороге возникла Джорджиана:

– Извини, я хотела бы поговорить с тобой, пока нас никто не слышит...

Люсинда сразу же поняла, что речь пойдет о Роберте.

– Догадываюсь, что тебя интересует, и мне нравится Роберт, – решительно ответила она. – Но только как друг, и не более того! Я ведь мечтаю о муже, который сделал бы мою

достаточно тяжелую жизнь более легкой. Возможно, это звучит эгоистично...

Джорджиана покачала головой:

– Эгоизм здесь ни при чем – просто ты практически смотришь на семейную жизнь. Я не хочу подталкивать тебя к каким-то matrimониальным шагам, но не забывай: Роберт долгое время страдал. Не исключено, что ты нужна ему только как человек, с которым можно откровенно поговорить.

– Но я постоянно спорю с ним! Скорее, не могу с ним не спорить. И при этом не понимаю, почему я значительно чаще виделась с ним в последние десять дней, чем за все предыдущие три года.

– Возможно, Роберт просто очень хочет вернуться обратно в общество, которое его по каким-то причинам в свое время отвергло. Честно говоря, я очень мало знаю о том, что тогда произошло, но... – Джорджиана не договорила и, помолчав несколько мгновений, добавила с горечью: – Наверное, у него случилось что-то ужасное, Люси, и, если ты можешь хоть как-то помочь ему, я буду тебе несказанно благодарна.

Люсинда со страхом подумала о том, через какие ужасные испытания, возможно, пришлось пройти Роберту. Если бы она решилась прямо спросить его об этом, то, возможно, все бы изменилось и на душе у него стало бы легче...

– Хорошо! Я постараюсь сделать все возможное, чтобы как-то помочь ему!

Эндрю проходил мимо библиотеки, когда Роберт приот-

крыл дверь и, схватив за руку, втащил его внутрь.

– Какого черта?! – набросился на него Эндрю, но Роберт не дал ему говорить.

– Мне нужна твоя помощь, – быстро произнес он, опасаясь, что в следующее мгновение передумает, – но если ты кому-нибудь расскажешь, то я...

– Никому ни слова! – Эндрю с трудом удалось сохранить равновесие и не упасть.

Внезапно Роберт полуобнял его за талию.

– Что ты собираешься со мной делать? – взмолился Эндрю, стараясь вырваться.

– Танцевать, разумеется! – ответил Роберт, пытаясь вальсировать.

– Но зачем же при этом наступать на ноги?

– Извини! – Роберт закрыл глаза, стараясь вызвать в своем воображении музыку танца и вспомнить движения. – Не пытайся меня вести! – буркнул он.

– Ладно, не буду! – неохотно подчинился Эндрю.

Хотя Роберт, очевидно, не мог считать своего младшего брата партнершей, все же Эндрю вполне прилично исполнял эту роль, а потому лорд Карроуэй почувствовал некоторое облегчение. С его плеч как будто свалился тяжелый груз, а ноги стали более послушно делать нужные па. Раненое колено хотя и продолжало болеть, но уже не столь нестерпимо, и хотя боль во всем теле оставалась, Роберт чувствовал, что вполне может ее скрыть.

– Послушай, возможно, все это кажется глупым?..

– Вовсе нет! Видимо, тебе нужно самоутверждение, и я это отлично понимаю. Кстати, ты очень даже неплохо танцуешь...

– Спасибо за комплимент!

– Но надеюсь, вечером ты не заставишь меня переодеться в женское платье, чтобы изображать твою партнершу? Право, ты танцуешь вполне прилично, и любая девушка согласится с тобой пройтись в туре вальса.

– Успокойся, я не намерен заставлять тебя делать глупости. Ну а пока – спасибо!

Закрыв дверь за братом, Роберт уже в одиночку повторил несколько па кадрили. Вышло неплохо, хотя и грубовато. Все же Роберт не мог не почувствовать удовлетворения от своих успехов, хотя и довольно скромных. Однако это приятное ощущение продолжалось не более полминуты, ибо он тут же понял, что не может пригласить на вальс Люсинду, пройтись с ней пару туров и сразу же после этого исчезнуть. Чтобы утвердить себя в ее глазах, заставить поверить, что он готов остаться с ней надолго и помогать в подготовке дальнейших уроков, Роберту необходимо было провести там весь вечер и потанцевать с другими дамами.

Увы, он не сможет этого сделать, тем более что любая партнерша непременно будет ждать от него не только отменной работы ногами, но и утонченных светских разговоров, которые всегда являются неотъемлемой частью любого тан-

ца. Но это было ему совершенно не под силу, хотя танцы и предоставляли прекрасную возможность постоянно находиться в поле зрения Джеффри, который невольно ощутил бы в нем своего неожиданного соперника.

Соперник... Он соперник... Это казалось просто невероятным! Люсинда Баррет... Она ему нравилась, он наслаждался ее обществом, и, в чем пока еще с трудом признавался самому себе, именно последняя причина заставляла Роберта держаться как можно дальше от Люсинды.

Она считает его всего лишь другом; видимо, в дружеских отношениях им и надлежит оставаться, даже если это убьет его... Впрочем, в последнем не было бы ничего ужасного – ведь уже сколько лет его все считали мертвым!

Глава 10

Мужчина, желающий выглядеть совершенным, должен всегда сохранять спокойствие и хладнокровие. И ни в коем случае не проявлять страсть и желание, каким бы непреодолимым оно ни было.

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

– Мое присутствие сегодня вечером действительно необходимо? – недовольно спросил генерал Баррет. – Или же это может быть кто угодно из обитателей Мейфэра?

– Не думаю, что это должен быть именно ты, – убежденно ответила Люсинда. – Боже мой, да ты же шутишь!

Впрочем, шутка отца не очень ее удивила. Вот уже четвертый год леди Монтроуз старалась угостить столь частых в ее доме гостей какой-нибудь знаменитостью. На сей раз, видимо, очередь дошла и до генерала Баррета.

– Насколько мне известно, лорд Джеффри также собирается прийти, – хитро сощурился генерал.

– Справедливости ради, папа, я должна заметить, что среди гостей будет не только он. Ты же сам предположил, что на вечере будет чуть ли не весь Мейфэр!

– О, ты знаешь, что я имел в виду, моя девочка! У меня нет никаких намерений держать его рядом с собой весь вечер,

поэтому предоставляю это право тебе.

– Я вовсе не собираюсь монополизировать свое право на кого бы то ни было, – фыркнула Люсинда.

Она окинула взглядом залу, надеясь увидеть знакомое лицо, и вдруг громко воскликнула:

– Ой, смотри! Миссис Милли вернулась из своей творческой поездки в Венецию, куда она ездила писать картины.

– Лилиан? – заинтересованно переспросил генерал. – Где же она?

Люсинда в ответ кивнула в сторону середины зала – именно там с кем-то разговаривала вдова Милли. И тут же она поспешила переменить тему разговора:

– Ты не забыл, что обещал танцевать со мной?

– Я это помню и даже определил примерное время для нашего первого тура вальса, но... готов изменить его, если это необходимо.

В этот момент к ним подошел лорд Джеффри и учтиво поклонился. Люсинда приветливо улыбнулась:

– Добрый вечер, Джеффри!

Он наклонился и поцеловал кончики ее пальцев:

– Вы сегодня просто неотразимы!

– Благодарю вас...

– Простите, в вашей карточке танцев не найдется свободной строчки для меня?

– Не считая моего отца, вы стали первым, кто попросил меня об этом! – Люсинда рассмеялась.

Джефффри взял из ее рук карточку и аккуратно вписал свое имя в строчках «вальс» и «кадриль».

– Весьма прискорбно, что сегодня здесь слишком мало мужчин, чтобы в карточках для танцев не осталось места для Френсиса Хеннинга, – усмехнулся он. – А вы твердо решили танцевать со мной только два раза?

На мгновение Люсинде стало неприятно – ведь Джефффри и его друзья упорно продолжали третировать незадачливого Френсиса. Но тут же она решила, что это делалось только для того, чтобы подразнить ее. К тому же Джефффри был прав: на сегодняшнем вечере преобладали женщины, а потому многих дам и даже молодых девушек ждала незавидная участь простоять у стен.

– Да, я оставляю вам только два танца. Но не волнуйтесь: я уверена, что у вас не будет недостатка в партнершах!

– Увы, ни одна из них не сможет сравниться с вами!

Джефффри в очередной раз поклонился и подошел к генералу. Тем временем карточка танцев в руке Люсинды начала очень быстро заполняться, и вскоре на ней вообще не осталось свободного места. Люсинда с довольным видом обвела взглядом зал и только теперь заметила Сент-Обина и Дэра, о чем-то оживленно разговаривавших со своими женами. Она тут же пробралась к ним и тронула за руку Эвелин:

– Хорошо, что вы все тоже здесь!

Эвелин окинула ее взглядом с ног до головы:

– Ну, что я говорила? Ведь это просто потрясающе!

– Что именно?

– То, как ты выглядишь в голубом платье. Ни один другой цвет так не идет тебе – ты просто богиня в этом наряде!

– Да, должна признаться, твой совет оказался удачным! – согласилась Люсинда и повернулась к Джорджиане, но Эвелин схватила ее за руку.

– Понимаешь, – прошептала она, – Дэр пытается уговорить Джорджи поскорее уехать отсюда. Он опасается, что в этом зале будет очень душно: когда сюда набьется огромная толпа гостей, тут просто нечем станет дышать, а для Джорджианы в ее теперешнем интересном положении это может оказаться очень даже вредным!

– Мне кажется, что Дэр прав, – согласилась Люсинда.

Джорджиана приложила палец к губам супруга и поцеловала его в щеку:

– Обещаю, что как только почувствую себя плохо, то тут же скажу тебе и мы уедем!

– Обещаешь?

– Обещаю!

Тем временем Сент наклонился к уху Эвелин и что-то прошептал, бросив при этом многозначительный взгляд на Люсинду.

– Что он тебе сказал?

– Он... Впрочем, это не важно!

– А все-таки?

– Ну, Сент считает, что ты никогда не догадаешься, кто

еще присутствует на этом вечере.

– А если догадаюсь?

– Попробуй!

Люсинда обвела взглядом зал и кивнула Роберту, который тут же направился к ней.

– Сент имел в виду лорда Роберта Карроуэя? Что ж, догадываться о том, что он присутствует на этом вечере, мне не пришлось, я это знала с самого начала!

Люсинда ожидала, что Роберт подойдет к ним, но он, неожиданно отступив на шаг, постоял недвижно несколько мгновений и вдруг снова исчез в толпе гостей.

– С кем ты танцуешь первый танец? – спросила Джорджиана.

– С лордом Джефффри, – растерянно ответила Люсинда.

– Понятно!

Дирижер повернулся к публике и дал понять, что бал начинается. Почти одновременно рядом с дамами возник лорд Джефффри.

– Леди Сент-Обин и леди Дэр, – обратился он к ним с легким поклоном, – извините, но я уже пригласил на танец леди Люсинду! Вы не возражаете?

– Нет, конечно! – улыбнулась Джорджиана.

– Желаю вам получить максимум удовольствия от танцев, – добавила Эвелин, послав Люсинде воздушный поцелуй.

Лорд Джефффри предложил Люсинде руку, и они вышли

в центр зала, где уже выстроились другие пары в ожидании первых тактов музыки.

– Ваша дружба с этими дамами весьма трогательна! – ухмыльнулся он, обнимая партнершу правой рукой за талию. – Порой мне даже начинает казаться, что я ухаживаю не только за вами и за вашим отцом, но и за всеми подругами, включая их мужей!

Люсинда хотела что-то ответить, но в этот момент заиграла музыка, и они закружились в быстром вальсе.

Вскоре Люсинда почувствовала, что достаточно успокоилась и готова начать разговор.

– Насколько я поняла, мой отец уже не может обходиться без вас, по крайней мере без вашей памяти...

– И это делает мне честь! – ухмыльнулся Джеффри. – Я даже... – Он на мгновение замолчал и вдруг воскликнул, посмотрев куда-то в сторону: – Черт меня побери!

Люсинда проследила за его взглядом и сама чуть не лишилась дара речи. Посреди зала стояла, готовая включиться в танец, мисс Маргарет Хейуотер. На ней было роскошное платье, а щеки ее заливал яркий румянец, делая лицо непередаваемо прекрасным. Причиной тому, несомненно, был статный мужчина, стоявший рядом с ней и уже вложивший ладонь Маргарет в свою. Он нежно посмотрел на партнершу и изящно заскользил с ней под волшебную музыку венского вальса. Люсинда почувствовала, что на ее глаза навертываются слезы, в партнере Маргарет она узнала Роберта Кар-

роуэя...

«Когда он успел в таком совершенстве освоить все движения? – пронеслось в голове Люсинды. – Ведь для этого нужно было много заниматься. И он, конечно, получил уже не один урок! Но с кем? Неужели с Маргарет Хейуотер? Неве­ро­ятно!»

Люсинда не отрываясь смотрела на танцующую пару. Впрочем, Маргарет и Роберт уже привлекли внимание чуть ли не всего зала. Сердце Люсинды разрывалось, перед глазами поплыл туман. Увлекая за собой Джеффри, она просто-таки врезалась в лорда Чарлза Деймора, после чего, извинившись, повернулась и увидела Роберта с Маргарет совсем близко. Сердце ее бешено заколотилось.

– Привет! – небрежно бросила она.

Роберт кивнул в ответ, и его голубые глаза вспыхнули.

– Я получаю уже второй урок! – усмехнулся он.

Когда вальс кончился и партнеры разошлись, Люсинда увидела, что Джеффри внимательно смотрит через плечо на Роберта с Маргарет. Потом он подошел к Люсинде и полупшепотом сказал, указывая взглядом на Роберта:

– Наш инвалид раньше никогда ни с кем не танцевал! Интересно, что еще он может знать об этой даме, чего не знаю я?

– Прошу вас, не надо его так называть! – с некоторой обидой попросила Люсинда. – Ведь он вполне может оказаться очень милым человеком.

– Не исключено. Но вы действительно не догадываетесь, почему лорд Карроуэй танцует именно с этой женщиной?

– Нет, – солгала Люсинда. – Понятия не имею!

– А ведь вы считаете его своим другом!

– Я не спрашивала его ни о чем. Как, впрочем, и он никогда бы не спросил, почему я танцую с вами, – ответила Люсинда, почувствовав, что ее начинает охватывать раздражение. – Мне кажется, что вы могли бы сами это выяснить, пригласив Маргарет.

Джефффри нежно посмотрел на Люсинду:

– Еще раз примите мои извинения. Я танцую с вами и никакой другой женщины замечать не желаю!

– Но вы ведь будете лишь дважды со мной танцевать, а остальной вечер можете провести по собственному усмотрению....

Как только вальс закончился, мужчины плотным кольцом окружили Маргарет. Среди них был и лорд Джефффри. Роберт же снова куда-то исчез, и Люсинда не осуждала его – ведь не мог же Роберт весь вечер танцевать с одной и той же женщиной. Или стоять у стены среди молодежи, болтавшей о лошадях, охоте, всякого рода пари и тому подобной ерунде, как будто в мире не существовало ничего более стоящего и полезного!

– Не желаете ли мадеры? – раздался за спиной Люсинды голос Сента.

Она обернулась и с улыбкой посмотрела на мужа своей

подруги, протягивавшего ей бокал золотистого вина.

– С удовольствием! А где Эвелин?

– Испытывает мое терпение, флиртуя с Брэдшоу.

– Интересно, почему ты так спокойно об этом говоришь?

– Потому что они флиртуют не всерьез.

Люсинда обвела зал глазами, пытаясь найти своего очередного партнера, которым должен был стать Чарлз Уэлдон, и уже в следующий момент убедилась, что он тоже присоединился к толпе, окружавшей Маргарет.

– А вы танцуете сегодня? – спросила она Сента.

– Только если вам потребуется партнер! – рассмеялся тот.

– У меня, кажется, все танцы заняты. Но все же благодарю вас!

Люсинда, как и добрая половина Лондона, знала Сент-Обина уже на протяжении многих лет. В обществе он пользовался репутацией безудержного обольстителя, но с тех пор, как встретил Эвелин, его словно подменили – к общему изумлению, он как-то сразу превратился в образцового супруга. И все же Люсинда всегда была с ним настороже, поскольку никогда не знала, что он может сказать или выкинуть в следующий момент.

– Мне очень хотелось бы кое-что узнать, – сказал Сент, не отрывая взгляда от Эвелин с Брэдшоу.

– Что именно?

– Ваша семья очень близко связана с Карроуэями. Что-то произошло между генералом Барретом и Робертом...

Люсинда невольно посмотрела на Джеффри. Ее отец никогда не упоминал в кругу друзей о своих подозрениях в отношении Роберта.

– Не понимаю, что вы имеете в виду? – ответила она вопросом на вопрос.

Сент пожал плечами:

– Возможно, я просто недооцениваю Роберта, но у меня есть предчувствие чего-то очень неприятного.

Люсинда давно знала, что в мире просто не существовало людей, которых Сент не понимал или понимал превратно. Конечно, ее отец не очень часто вспоминал о Роберте, но ей даже в голову не могло прийти, что это отрицательное отношение к молодому Карроуэю стало всеобщим.

– Вы думаете, что знаете все о Роберте?

– Я думаю, что в настоящий момент вас с нетерпением ожидает очередной партнер, – уклонился от прямого ответа Сент и, взяв Люсинду за руку, с галантным поклоном подвел ее к Чарлзу Уэлдону.

– Очень даже приятно! – жаворонком пропел тот и, взяв руку Люсинды, приготовился к кадрили.

Не успел заиграть оркестр, как Люсинда снова увидела Роберта: на этот раз он танцевал с Гиацинтой Стайлз – очаровательной, но патологически застенчивой девушкой. Для большинства гостей ее появление на балу оказалось не менее удивительным, чем присутствие Роберта.

Пара закончила танец в середине зала достаточно далеко

от Люсинды, и направиться к Роберту через опустевшую после танца половину зала ей было неудобно. Но поговорить с Робертом Люсинде очень хотелось, а потому она с трудом подавила раздражение.

Эвелин и Брэдшоу тоже постоянно поглядывали в сторону молодого Карроузя. Люсинда, в свою очередь, полагала, что ему было бы лучше почаще оглядываться на мужа Эвелин, который о чем-то разговаривал с Тристаном и Джорджианой. Люсинда подумала, что Сент вряд ли касался во время их беседы отношений Роберта с Барретом, коль скоро пока еще сам не был до конца в курсе дела.

– Люсинда! – неожиданно прервал молчание Чарлз. – Вы не собираетесь в субботу в Воксхолл?

– Да, возможно, я поеду туда со своими друзьями.

– Ах вот как!

Люсинда принялась лихорадочно придумывать, как выйти из довольно щекотливого положения и объяснить Чарлзу, почему в числе приглашенных ею друзей его не оказалось.

– Понимаете, нам досталась очень маленькая ложа. Если бы мы узнали об этом чуть раньше, то могли бы абонировать сразу две или даже три ложи – тогда всем хватило бы места, а не только тем, кто уже был приглашен несколько дней назад.

– Да-да, конечно! – отозвался Чарлз; он, видимо, несколько не был расстроен.

Это немного успокоило Люсинду, но, поскольку Чарлз первым упомянул Воксхолл, она подумала, будет ли там при-

сутствовать Роберт. Впрочем, ее куда больше интересовало возможное присутствие Джеффри – его, верно, уже пригласил Тристан. Надо будет выяснить это у Джорджианы...

Как только танец кончился, Чарлз отвел Люсинду к Тристану и Джорджиане. Тристан тут же куда-то отошел, и Люсинда схватила Джорджиану за руку:

– Ты что, показала Роберту весь список партнеров по танцам, которые числятся на твоей карточке?

– Я просто сказала ему, что даме бывает весьма затруднительно оставаться с незаполненной карточкой, когда кругом столько достойных джентльменов, желающих с ней танцевать.

– Понятно.

Люсинда нахмурилась. Она подумала, что теперь Джорджиана будет злиться на нее или, того хуже, обвинять ее в попытке завлечь Роберта. Но ведь она не сделала ничего дурного! К тому же если кто и знал о ее повышенном интересе к лорду Джеффри, так это был именно Роберт!

– Он просил меня подтвердить, – прошептала она Джорджиане, – действительно ли я остановила выбор на лорде Джеффри, а я...

Джорджиана прервала ее поцелуем в щеку и тоже прошептала в ответ:

– Тише! Он здесь и танцует! Не могу понять, что стало тому причиной, но и не вижу оснований его в чем-то упрекать.

Чья-то ладонь легла на плечо Люсинды. Она обернулась и,

к своему удивлению, увидела перед собой Тристана, наклонившегося к ней, чтобы поцеловать в другую щеку.

– Черт возьми, я не знаю, что здесь происходит, – сказал он ей на ухо, – но Джорджиана, кажется, считает вас частично виновной.

– В чем именно? – удивилась Люсинда.

– В том, что Карроуэй появился в этом зале и даже стал танцевать. – Джорджиана хихикнула.

– Господь с тобой, Джорджи! Я-то тут при чем? Роберт сам захотел приехать. Да и танцевать тоже никто его не принуждал! Во всяком случае, не я и не ты с Тристаном!

Остаток вечера прошел довольно скучно. Джеффри Люсинда почти не видела: только когда был объявлен последний танец, он вынырнул из толпы и коротко спросил:

– Не возражаете? – А затем протянул Люсинде руку.

Они закружились в танце. После половины первого тура Люсинда наклонилась к уху партнера:

– Вы были заняты буквально весь вечер... – Она чуть было не прыснула со смеху, поймав его раздраженный взгляд.

– Слава Богу, что хоть кто-то это успел заметить! – приторно вздохнул Джеффри. – Посмотрите-ка вон туда. Этот тип опять появился! – Он кивнул в сторону пары, танцевавшей в дальнем конце зала.

Скосив взгляд, Люсинда увидела Роберта, выводящего в центр танцевального круга мисс Джейн Мелрой.

– Этот жалкий калека, похоже, задался целью заста-

вить танцевать с собой всех уродливых малолеток Лондона! Впрочем, возможно, это единственное, на что он теперь способен.

Люсинда вырвала ладонь из руки Джеффри. Лорд позволил себе совсем не джентльменский поступок: за спиной другого мужчины наговаривать на него женщине! Одно это представляло собой вопиющее нарушение основополагающей заповеди в составленном ею списке. К тому же Люсинда и Роберт были друзьями, о чем Джеффри не мог не знать!

– Извините меня, – ледяным тоном сказала она, решительно освобождаясь из рук партнера, – но я вижу, что мой отец очень устал, и мне пора проводить его домой!

Лицо Джеффри помрачнело.

– Я, верно, обидел вас, простите...

– Прошу больше не называть так Роберта! Этим вы оскорбляете не только Карроуэя, но и меня!

– Еще раз прошу простить меня. Надеюсь, мы увидимся в Воксхолле?

– Кто знает. До свидания!

Люсинда тяжело вздохнула. Не таким она видела окончание этого вечера. В то же время она не могла допустить, чтобы так мерзко оскорбляли ее друга, тем более за его спиной!

Джеффри схватил ее за руку:

– Люсинда! Ради Бога...

Она с раздражением вырвала руку:

– Уверена, что вы просто хотели еще раз показать мне

свою оригинальность и остроумие, но я не признаю за вами подобного права, когда это делается за чей-то счет. Желая приятно провести остаток вечера!

Видимо, генерал Баррет, все это время не спускавший глаз с дочери, понял, что между ней и Джеффри что-то произошло. Он тут же оставил своих друзей, с которыми о чем-то очень оживленно разговаривал, и подошел к Люсинде:

– Что случилось?

– Ничего. Просто я одернула этого нахала! Вы готовы ехать домой?

– Да. Надеюсь, эта размолвка не означает, что мы порываем всякие отношения с лордом Джеффри?

– Вовсе нет. Просто в последнее время мы невольно подогревали его стремление поставить себя выше других. Больше я не намерена это терпеть и сказала ему все, что о нем думаю.

– Он, похоже, очень расстроился.

– Вот и прекрасно!

В дверях Люсинда, не удержавшись, обернулась и посмотрела на Джеффри, но увидела только его спину. Зато она поймала нежный взгляд Роберта, который тот бросил на нее через плечо своей партнерши. В следующее мгновение он улыбнулся ей.

В карете Люсинда сидела нахохлившись и молча хмурилась. Она думала о том, что Роберт, возможно, обладал даром читать чужие мысли. Если это так, то ее ожидали серьез-

ные неприятности...

Глава 11

*Жизненные катастрофы не столь больно ранят
душу человека, нежели душевные бури.*

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Наутро, когда Роберт проснулся, за окном было уже совсем светло. Он ожидал, что новый день встретит с головной болью, вконец разбитым телом и мрачными мыслями – так бывало почти всегда, когда накануне он оказывался в шумном обществе и позволял себе много двигаться. Но неожиданно Роберт почувствовал прилив энергии, легкость во всем теле и кристальную ясность мыслей. При этом он ощущал непонятное удовлетворение. Чем? Наверное, тем, что сумел показать себя на этом балу неплохим танцором. Конечно, в разговорах с партнершами он был подчас нелогичен и даже противоречил сам себе, но все это можно и нужно учесть на будущее, а заодно поработать над речью.

Роберт спустил ноги с кровати, посидел так минуту-другую, сделал попытку встать – и вдруг рухнул на пол...

– Проклятие! – выругался он вслух и сделал новую попытку подняться, но ноги его дрожали, не в силах выдержать вес тела.

Тогда Роберт крепко ухватился за столбик кровати и под-

тянулся на руках. Он стоял на обеих ногах, слегка пошатываясь...

Преодолевая боль, Роберт с трудом оделся, потом повернулся к овальному зеркалу, висевшему на стене, и посмотрел в него. Всклокоченные волосы, отросшая за ночь борода, помятое лицо – все это не очень его беспокоило. Он привык по утрам видеть себя именно таким.

Взгляд его скользнул ниже по обнаженному телу. Небольшой, но глубокий шрам алел чуть ниже плеча. Роберт знал, что на том же уровне на спине есть точно такой же след – от пулевого ранения навывлет...

Широкий шрам обезобразил бедро. Это след скальпеля испанского хирурга, так и не сумевшего извлечь вторую пулю из его тела. Роберт все еще носил ее в себе. Наконец, третья пуля оставила след на колене, хотя и не раздробила его. Именно этот выстрел свалил Роберта на землю...

Он наклонился и, скривившись от боли, поднял с низкого стула чистую рубашку. Теперь предстояло ее надеть. После долгих болезненных усилий ему удалось это сделать. Медленно присев на край кровати, Роберт со стоном натянул брюки. Посидев несколько минут, он схватился руками за столбик кровати, с трудом поднялся и снова посмотрел на себя в зеркало. Собственный вид показался ему почти нормальным.

Теперь ему предстояло спуститься в гостиную по крутой лестнице, и это обещало новые мучения. Но сперва надо бы-

ло надеть сапоги, а для этого – опуститься на пол.

Снаружи постучали.

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появился Эдвард. Оглядевшись, он не сразу увидел Роберта, сидевшего на полу со скорченным от боли лицом и натягивающего на ноги сапоги.

– Что ты делаешь? – удивленно спросил он.

– Разве не видишь? Одеваюсь!

– А почему на полу?

– Потому что не рассчитал и сел мимо кровати. Кто сейчас внизу?

– Все уже собрались в гостиной. Нет только...

– Понятно! Тогда позови ко мне Шоу или Эндрю, только не Тристана. Он всегда много говорит и задает тьму ненужных вопросов!

– Ладно, – кивнул Эдвард. – Но сначала я хочу тебе кое-что сказать.

Со стоном поднявшись с пола, Роберт скрестил руки на груди и вопросительно посмотрел на Эдварда:

– Говори!

– Внизу тебя кое-кто дожидается. Я для того и поднялся к тебе, чтобы сообщить об этом.

Сердце Роберта учащенно забилося.

– Кто же именно? – спросил он изменившимся голосом.

– Люсинда. Она только что о чем-то долго говорила с Джорджи. Сказала ей, что торопиться нет причин, но все

же...

– Спасибо, Эдвард, за то, что предупредил меня! Пожалуйста, найди поскорее Шоу или Эндрю и попроси их подняться ко мне. Скажи, что я очень нуждаюсь в помощи.

– Ты что, снова сломал ногу? – в ужасе воскликнул Эдвард.

– Пока только немного подвернул, но ходить мне очень трудно. А уж спуститься по лестнице без посторонней помощи я и вовсе не смогу...

– Давай я помогу тебе!

– Ты не сможешь, я слишком тяжелый для тебя. Здесь нужны как минимум двое сильных мужчин!

– Ладно, я мигом! Только ты без нас никуда не выходи.

– Не волнуйся, я не смог бы, даже если бы захотел.

Не прошло и пяти минут, как в комнату вошли Шоу, Эндрю и Тристан. Эдвард остался стоять у дверей, а из-за его спины выглядывало двое слуг.

– Что случилось? – испуганно спросил Брэдшоу.

Роберт обеспокоенно спросил Тристана:

– Надеюсь, Джорджиана не несется сюда, прыгая через три ступеньки?

– Да нет же, нас здесь и так более чем достаточно. Но что все-таки случилось?

– Ничего страшного, просто больное колено к утру невыносимо разболелось. Я хотел попросить вас помочь мне спуститься вниз. Эдвард, которого я послал за вами, наверное,

немного перестарался...

– Нам с Дэром не мешало бы сперва поговорить с доктором о том, при каких обстоятельствах подобная травма может привести к параличу, – заметил Шоу. – Вы согласны, Дэр?

– Согласен.

Эндрю и Шоу повернулись и вышли из комнаты, а Тристан присел на край кровати Роберта:

– Больно?

– Нет, – солгал Роберт.

Боль мучила его уже несколько дней, так что постепенно он начал к ней привыкать, но-вчерашние танцы вызвали резкое обострение.

Тристан с жалостью посмотрел на Роберта, потом сказал со вздохом:

– Сейчас они вернутся, и мы сможем перенести тебя в гостиную, после чего я пошлю за врачом – пусть осмотрит твое колено и назначит лечение. А пока постарайся не очень двигаться, чтобы...

– Брось! – резко оборвал старшего брата Роберт.

Он был готов вынести любую боль, только бы избавиться от покровительства Тристана.

– Ну хорошо, пусть будет по-твоему. Я не стану вызывать врача до тех пор, пока тебе не станет хуже.

Роберт молчал. Он понимал, что выиграл спор: Тристан боялся его волновать, а потому больше не настаивал. Но все

же он предпочел бы сейчас спуститься в гостиную.

– Дай руку, – попросил он Тристана.

Наконец с помощью братьев ему удалось встать с постели и спуститься в гостиную.

Добравшись до пустого стула и с удовлетворением поняв, что теперь его состояние уже не вызывает сильного волнения у родственников, Роберт внимательно посмотрел на Люсинду; она же не спускала глаз с его колена. Взгляд ее говорил:

«Да, теперь мы не сможем убедить кого-либо в том, что Роберт не является инвалидом. Этот безумец решил пойти танцевать и теперь не сможет ходить!»

Что ж, теперь, когда все стало предельно ясным, ей уже не надо придумывать предлогов для того, чтобы уйти.

– Я собиралась попросить вас, Роберт, прогуляться вместе со мной по саду и посмотреть, как обстоят дела с розарием, – сказала Люсинда, невинно глядя в глаза Карроуэю. – Но теперь, видимо, нам придется на какое-то время забыть о совместных прогулках. Так что просто расскажите мне о нем.

Роберт глотнул воздуха и посмотрел на Люсинду. Боже, до чего она была хороша в своем любимом муслиновом платье! Казалось, что проникавший в гостиную солнечный свет исходил не от дневного светила, а от нее.

– В комнате тетушки Милли есть прогулочная трость, – поджав губы, возразил Роберт. – Может быть, с ее помощью я смогу составить вам компанию? Эдвард, принеси трость!

– Да, сейчас! – с готовностью откликнулся младший брат

и выбежал в коридор.

Через несколько минут он вернулся со старинной деревянной тростью. Роберт взял ее и проверил на прочность, опершись на трость всем телом. Трость выдержала, но оказалась слишком короткой. Острая боль пронзила колено Роберта, однако он решил, что сможет ее выдержать. Впрочем, он мог выдержать все, что угодно...

– Что ж, я готов! – обратился Роберт к Люсинде, которая тут же подхватила бы его под руку, если бы он решительно не воспротивился этому: – Не беспокойтесь. Я сам сумею управиться!

Люсинда посмотрела в лицо Роберта и заметила, что у него от чрезмерного напряжения пересохли губы.

– Я вовсе не намерена вам помогать, – сказала она, как бы оправдываясь. – Просто пытаюсь обучить вас поведению настоящего джентльмена..

– Надо понимать, это ваш очередной урок?

– Во все нет! Это общепринятые правила поведения мужчины, гуляющего с дамой.

Когда они сели в экипаж, Роберт объявил, что сам будет править лошадьми. Они за несколько минут доехали до дома, вошли в сад и остановились около клумбы роз.

– Розы выглядят вполне здоровыми, – одобрительно сказала Люсинда, внимательно осмотрев каждый цветок.

– Я обработан почву рыбным бульоном – это удобрение особенно полезно розам. Посмотрите, на их стеблях уже по-

явились маленькие молодые побеги с крошечными зелеными листочками. Видите? Вон там... И там...

– Вижу. Вы действительно навещали эту клумбу, и вот – благодарность от цветов! Это все произошло благодаря вашей работе и любви к розам. Хотя я отлично понимаю, какого труда вам это стоило при той боли, которую вы постоянно испытываете!

– Вовсе нет. Я прекрасно себя чувствую, – резко оборвал ее Роберт.

– Это неправда! – Люсинда нахмурилась. – Я подозреваю, что вы специально перетрудили вчера свое колено, чтобы увильнуть от моих уроков.

– Мое колено? – раздраженно воскликнул Роберт. – Никому, кроме меня, нет до него никакого дела! Когда я его не утруждаю, боль на время отступает, а вы, насколько я понял, как раз это и обсуждали с Джеффри...

Люсинда часто заморгала. Значит, он все же заметил. Впрочем, Роберт Карроуэй замечает абсолютно все. Однако того, о чем они говорили с Джеффри, он все же не знает!

– Почему вы уверены, что обсуждать можно только вас? – холодно сказала Люсинда. – Да, мы разговаривали с Джеффри, но не о вас. Просто я сделала ему выговор за пренебрежительные высказывания в адрес некоторых дам, танцевавших здесь. Мне это очень не понравилось! – Люсинда сделала паузу, что дало возможность обоим сменить тему разговора. – Так вы были ранены в колено? – спросила она.

У Роберта нервно дернулся мускул на лице, но он все же ответил:

– Да. Скажите, а комментарии Джеффри действительно касались других женщин, а не меня?

– Не помню... Возможно, он и сказал что-то о вас... но даже если и так, то я отнеслась к его словам резко отрицательно. Не люблю, когда мужчины начинают сплетничать друг у друга за спиной!

– Но ведь я сделался его потенциальным соперником, и если он старается заочно унижить меня, то это отнюдь не плохо...

– Унижать кого-либо всегда непорядочно, Роберт, а тем более заочно. Вы оба прошли через одинаковые испытания, и если Джеффри пытается ослабить своего собрата по оружию, то я...

– Мы не прошли через одни и те же испытания! – оборвал ее Роберт. – Это только он так считает, как, впрочем, и все кругом. Дело в том, что... – Он неожиданно замолчал, а потом спросил: – Вы представляете себе, как выглядят тли?

– Их можно заметить на лепестках только в период цветения растений. А почему вы об этом спрашиваете?

– Потому что хочу наконец понять, почему меня здесь совершенно открыто презирают.

– Вы совершенно не правы, Роберт. Здесь ни у кого нет никаких причин вас презирать! – Люсинда произнесла эту фразу почти со злостью.

Не сама ли она навела Роберта на подобные признания?

– Вы были не один раз ранены, – в возбуждении она схватила Роберта за руку, – даже сам Веллингтон назвал вас героем за подвиги, совершенные в битве при Ватерлоо. Поэтому не надо...

Не дав Люсинде договорить, Роберт резко вырвал руку и, круто повернувшись, захромал в сторону конюшен. Сделав несколько шагов, он обернулся и с болью выкрикнул:

– Никаких подвигов под Ватерлоо я не совершал!

После этого он исчез за воротами конюшни.

Люсинда бросилась за ним. Поскольку Роберт передвигался с трудом, ей не стоило особого труда нагнать его.

– Неправда! Вы отличились в той битве. Об этом гово...

– Не надо! – со скрытой болью остановил ее Роберт. –

О каких подвигах можно говорить, если я даже не был под Ватерлоо? Никогда! – Роберт круто повернулся и подошел к стойлу, из которого на него преданно смотрел Толли. Оттолкнув руку, которую протянула ему Люсинда, он грубо сказал:

– А теперь уходите!

Люсинда продолжала смотреть на него широко раскрытыми от изумления глазами. Она ничего не могла понять. Все в Лондоне знали, что молодой лорд Карроуэй был ранен в сражении при Ватерлоо. Он был одним из первых солдат, возвратившихся с войны уже через три дня после исторической битвы.

Неожиданно Люсинда нахмурилась. Гонцу Веллингтона потребовалось два дня, чтобы доставить донесение командующего союзными войсками о победе принцу Джорджу. Он верхом доскакал до берега пролива, откуда отплыл в Англию на специально дожидавшемся его посыльном судне.

– Вы подсчитываете время? – тихо спросил Роберт. – Разве дочь генерала Баррета не должна в точности знать все маршруты, по которым направляются донесения из действующей армии, и сколько времени требуется для их доставки адресату? Кстати, я был очень рад, что донесение пришло в Лондон раньше моего приезда – это избавило меня от необходимости отвечать на многие не очень приятные вопросы.

«Боже мой! – повторяла про себя Люсинда. – Боже мой!»

– Что же случилось с вами, Роберт? – спросила она с замиранием сердца, подойдя к нему вплотную и положив ладонь на его плечо. – Как вы были ранены?

– Вам вовсе не хочется это знать! – железным тоном проговорил Роберт, повернувшись к Люсинде и глядя ей прямо в глаза.

– Нет, я хочу!

– Скажите лучше, что желаете все передать отцу!

Роберт попытался вплотную подойти к Люсинде, но забыл про свою больную ногу, и девушка с легкостью оттолкнула его к воротам.

– Успокойтесь же, я ничего не хочу никому передавать...

– Отчего же?

– Но вы ведь не желаете этого?

Роберт на несколько мгновений закрыл глаза, а его дыхание сделалось частым, почти лихорадочным.

– Почему вы непременно хотите все знать обо мне? – наконец спросил он.

– Потому что... потому что мы... потому что мы с вами друзья, а друзья должны заботиться друг о друге и ничего не скрывать! – Люсинда протянула руку и положила ладонь ему на грудь прямо против сердца. – Словом, если вы хотите, то расскажите мне все. Если же нет, что ж, я все равно останусь вашим другом!

Роберт долго смотрел ей в глаза, потом тихо спросил:

– Вы когда-нибудь слышали о Шато-Паньон?

Люсинда на мгновение задумалась.

– Звучит знакомо. Это где-то на юге Франции, не так ли?

– Совершенно верно. Так вот, я пробыл там семь с лишним месяцев.

– Вы? Но почему?

Роберт отвел взгляд:

– Я... не хотел бы об этом говорить! Неожиданно наклонившись, он прильнул к губам Люсинды, и она инстинктивно прижалась к нему всем телом. Тот, первый, поцелуй был очень робким, этот же —

требовательным и агрессивным. Люсинда поняла, что Роберт хочет ее. Сознание не успевало за плотью. Люсинда даже не услышала, как сама застонала от неожиданно просну-

шейся страсти.

И однако, она все же нашла в себе силы оттолкнуть Роберта.

– Прошу вас, не надо!

Роберт тут же отпустил ее.

– Извините! – прошептал он. – Я, право, не хотел...

– Не хотели меня целовать? Что ж, ничего особенного ведь не случилось...

– Нет. Но я не хотел вас рассердить...

– Рассердить? – переспросила Люсинда, почувствовав, как разгорается все ее тело. – А почему я должна непременно рассердиться?

– Если я скажу вам, боюсь, мы уже не сможем остаться друзьями. Ведь сейчас мы друзья, не так ли?

Люсинда чуть было не призналась, что за всю свою жизнь никогда и ни от кого еще не получала такого дружеского поцелуя. Между тем сердце ее билось так, будто хотело выпрыгнуть из груди. Она подумала о том, что если упрекнуть Роберта в нарушении границ дозволенного, он в будущем может больше вообще не позволить себе ничего подобного. А этого, как со стыдом призналась себе Люсинда, ей отнюдь не хотелось!

– Да, мы действительно друзья, – согласилась она, поправляя смятое платье.

«Интересно, Роберт действительно хочет меня?» – продолжала размышлять Люсинда, уже поняв, что это желание,

увы, взаимно...

Тем временем Роберт обвел взглядом конюшню, как будто только сейчас понял, где он находится.

– Наверное, вам лучше вернуться к Джорджиане, – негромко произнес он, снова предлагая Люсинде руку.

– О да! Мы расскажем всей вашей семье, какой великолепный розарий вы создали своими руками. Не сомневаюсь, что они тут же захотят на него посмотреть! А вы... Вы поедете в Воксхолл любоваться фейерверком, который там предполагают устроить? – Люсинда вопросительно посмотрела на него.

– Поеду. А вы?

– Постараюсь. Вот там-то вы и расскажете мне, каким представляете себе третий урок джентльменского поведения для лорда Джеффри!

По возвращении Роберт уединился с Джорджианой в утренней гостиной; Люсинда же заторопилась домой. Тому были две причины: она хотела без помех обдумать нечто очень важное, и в первую очередь то, почему Джеффри еще ни разу ее не поцеловал, в то время как Роберт успел сделать это уже дважды. Кроме того, она до сих пор не отредактировала несколько статей, написанных отцом для его журнала. А еще ей очень хотелось вставить в журнал отца несколько абзацев о Шато-Паньон, и по этому поводу Люсинда решила без промедления провести кое-какие исследования...

Глава 12

Прошло некоторое время, прежде чем я узнал историю моих друзей.

Чудовище

(М. Шелли «Франкенштейн»)

– Доброе утро, мисс Люсинда! – воскликнул Боллоу, распахивая дверь перед молодой госпожой. – Мы никак не ожидали, что вы вернетесь до обеда!

– Генерал дома?

– Его вызвали в Хорсгардз. Прикажете попросить Альберта принести вам чашечку чаю?

– Нет, спасибо! Мне надо срочно закончить кое-какую работу в кабинете генерала.

– Как вам будет угодно.

Люсинда взбежала по лестнице на второй этаж к кабинету отца. Она была очень взволнована, и вовсе не потому, что выпила чуть ли не дюжину чашечек кофе с сахаром. Ей все никак не удавалось забыть страстный поцелуй Роберта – тот самый, которого она никак не должна была допустить и от которого до сих пор все ее тело пылало. Хотя это был просто поцелуй и ничего больше...

Отцовские тетради с записями, еще не включенными в готовящуюся книгу, но тщательно подобранными по темам и

датам, стопкой лежали на его рабочем столе. Люсинда пролистала первую тетрадь в поисках кое-каких географических названий и имен военачальников, но в основном нашла лишь названия городов, около которых происходили сражения или которые подвергались осадам.

Наконец в тетради, датированной весной 1814 года, Люсинда обнаружила то, что искала. В кратком описании битвы при Байонне в Пиренеях был упомянут замок, приютившийся на склоне высокой горы у самой французской границы. В тетради генерала он был обозначен как замок Паньон.

Люсинда перевернула еще пару страниц, потом снова перечитала предыдущие. Ничего особенно интересного, но теперь по крайней мере она знала, что Шато-Паньон действительно находится вблизи южных границ Франции, а битва при Байонне проходила очень упорно и город мужественно защищался. Кроме того, ей уже было известно, что Роберт Карроуэй на протяжении семи месяцев находился в том самом замке, но был ли он отправлен туда для лечения после полученной при Ватерлоо раны или еще по каким-то причинам – этого она выяснить пока не могла. Из записок отца не было также понятно, находился ли этот замок под властью Испании или Англии. Что же касается возможного лечения Роберта в замке, то здесь тоже далеко не все ясно, так как в Англию он вернулся с совершенно свежей раной, которой даже не касалась рука хирурга.

– Итак, зачем тебе понадобилось устраивать подобный

беспорядок на моем рабочем столе? – раздался совсем рядом голос отца.

Люсинда даже подпрыгнула от неожиданности. Генерал стоял на пороге, торжественно сложив на груди руки.

– Я... я здесь кое-что искала... – покраснев, пробормотала Люсинда.

– Интересуешься военными секретами? – Баррет усмехнулся и закрыл за собой дверь.

Люсинда попыталась взять себя в руки.

– В одной из тетрадей я нашла упоминание о некоем замке Шато-Паньон. Скажи, там размещался военный госпиталь или еще какое-нибудь медицинское заведение?

Лицо генерала сразу же посерело. Он подошел к столу и подозрительно посмотрел на дочь:

– Почему тебя это интересует?

– Просто твои записки очень скупо описывают битву при Байонне, а о ней, наверное, было бы интересно прочитать более подробно.

– Видишь ли, эта кампания была не из удачных, – мрачно произнес Баррет, опускаясь на стоявший у стола стул. – Это далеко не самая радостная страница в истории британской армии, в том числе и в моей военной биографии.

– Я никогда не слышала от тебя подобных слов, – осторожно заметила Люсинда.

Баррет тяжело вздохнул и открыл тетрадь, которую только что читала его дочь.

– Этот Шато-Паньон я хорошо помню – о нем немало шептались солдаты. Слушая их, можно было подумать, что этот замок как раз и навеял Мэри Шелли на мысль о создании книги о чудовищах и привидениях.

– Ты имеешь в виду «Франкенштейна»?

– Именно! – Генерал опустил голову и пробежал глазами строчки в тетради. – Да, это та самая книга. Мне достаточно чуждо все, что там написано. Я писал о конкретных, реальных событиях с чисто военной точки зрения, а не в угоду дешевой фантазии. Кстати, от кого ты услышала о Шато-Паньон?

Конечно, генерал знал обо всем гораздо больше, чем написал в своей тетради, но расспрашивать его Люсинда не посмела. Она поклялась сохранить в тайне все, что Роберт тогда сказал ей. Более того, любопытство с ее стороны могло вызвать поток вопросов отца к ней, на которые она просто не имела права отвечать, связанная обещанием перед лордом Карроуэем.

– Мне сказал об этом один из приятелей, – уклончиво ответила она. – Ладно, не будем об этом, и большое спасибо тебе за рассказ.

– Всегда к твоим услугам...

Что-то в тоне отца показалось ей неестественным. Она отпустила ручку двери, за которую уже взялась, и снова подошла к генералу:

– Ты чем-то недоволен, папа?

– Я? Да нет, ничего. Просто небольшая путаница в Хорс-Хаус.

– Может, расскажешь?

– Право, ничего особенного, – улыбнулся Баррет. – Лучше ты Расскажи мне, что тебя тревожит. Вот, к примеру, твой совершенно неожиданный интерес к Шато-Паньон. Кто из друзей вдруг заговорил с тобой об этом замке?

– О, честное слово, не помню! – постаралась уклониться от ответа Люсинда.

Ей всегда было очень легко беседовать с отцом, но Роберт никогда не становился темой их разговоров. И отец, и дочь старались даже не упоминать имени лорда Карроуэя, поэтому сейчас Люсинда просто пожала плечами и совершенно безразличным тоном ответила:

– Просто я слышала это название, и оно меня заинтересовало. Вот я и спросила о замке одного из своих знакомых.

– Понятно. – Генерал явно остался недоволен ответом дочери.

Более того, Люсинда поняла, что отец отлично знает имя ее так называемого знакомого, но предпочитает не называть его. Это не могло ей не понравиться.

– Хорошо, милая! – с улыбкой сказал отец. – Иди занимайся своими делами, а мне надо еще поработать.

Когда Люсинда вышла из отцовского кабинета, у нее осталось больше вопросов, нежели ответов на них. Самые полезные мысли обычно приходили ей в голову во время работы

в саду, поэтому она сразу же поднялась наверх, собираясь переодеться и направиться к своим цветам. Присев у туалетного столика, чтобы поправить прическу, Люсинда невольно поймала себя на том, что слишком внимательно всматривается в свое отражение в зеркале.

Чего она добивалась, стараясь выпытать у отца всю правду? Ее уроки никоим образом не затрагивали Роберта, а его вовлечение в ее совместный с подругами проект было совершенно случайным. И все же первой мыслью Люсинды на следующее утро было желание поскорее встретиться с Робертом, чтобы поблагодарить его за старания как-то помочь ей во время бала.

Люсинда тяжело вздохнула. Ей просто необходимо безотлагательно пересмотреть свой план действий. Но что же ответил ей Роберт? Вернее, начал отвечать? Как она могла не вдуматься в его слова? И главное – почему сразу же забыла о них? И почему подавила в себе желание узнать как можно больше о том, что с ним случилось?

Люсинда снова взгляделась в зеркало, внимательно изучая собственное лицо, и решительно сказала себе: «Делай именно то, к чему начала готовиться с самого начала!»

Тем не менее воспоминания о поцелуях Роберта продолжали ее тревожить. Появление лорда Карроуэя, возможно, не сделало ее жизнь легче, но Роберт по крайней мере не позволял себе подшучивать над ее отцом и не пытался продать генералу свои ратные воспоминания. Правда, если прав

был Сент-Обин и обоснованны ее собственные подозрения, Роберт, видимо, недолюбливал генерала Баррета. Кроме того, Люсинда все чаще ловила себя на мысли о том, что Роберт отнюдь не тот человек, который может сделать ее существование в этом мире комфортным.

Кто-то осторожно постучал в дверь, и Люсинда быстро поправила волосы.

– Войдите!

Дверь открылась, и на пороге появился дворецкий Боллоу.

– Мисс Люсинда, – церемонно поклонился он, – к вам пришли. – Он протянул ей серебряный поднос, на котором лежала красиво исполненная визитная карточка. Люсинда взяла ее и прочла:

«Лорд Джеффри Ньюком».

Она бросила взгляд на свою невзрачную одежду и поморщилась:

– Его только сейчас не хватало!

– Прикажете сказать, что вас нет дома? – осведомился Боллоу.

– Нет-нет! Передайте, что я спущусь вниз через несколько минут. И... и срочно пришлите ко мне Элен!

– Слушаюсь, мисс! – Боллоу вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Люсинда быстро переделалась в приличное домашнее платье, горничная Элен поправила ей прическу, и уже через

пять минут Люсинда была в полном порядке.

Она бросилась к лестнице.

– Если вы намерены встретиться с лордом Джеффри, то он в кабинете мистера Баррета, – крикнул ей вслед Боллоу.

«Конечно, только там он и может быть!» – с досадой подумала Люсинда.

Она отлично понимала, что Джеффри приходит в их дом отнюдь не из-за нее, а для того, чтобы поговорить с генералом. Что ж, в таком случае она имела полное право провести утро с Робертом, а не искать встречи со своим будущим учеником!

– Джентльмены! – несколько развязно приветствовала она обоих мужчин, сидевших за столом в кабинете Баррета и что-то оживленно обсуждавших.

Генерал поднял голову и приветливо улыбнулся дочери; Джеффри же быстро встал и отвесил ей низкий поклон:

– Люсинда, я так счастлив, что застал вас дома...

– Я только что вернулась. Пришлось нанести кое-кому визит.

Джеффри посмотрел сначала на генерала, а затем на его дочь:

– Я надеялся убедить вас присоединиться ко мне за обедом.

– Считайте, что вы меня убедили! – очаровательно улыбнулась ему Люсинда.

Джеффри перевел взгляд на генерала:

– Мое приглашение в той же мере относится и к вам, Баррет.

– Спасибо, Джеффри, но мне необходимо сегодня закончить очередную главу... так что я делегирую к вам на обед свою дочь, которая, уверен, заменит меня!

Экипаж был уже подан к парадному крыльцу. Джеффри помог Люсинде занять место на заднем сиденье и сам расположился рядом.

Когда колеса загромыхали по булыжной мостовой, Джеффри наклонился к Люсинде:

– Вы все еще сердитесь на меня?

– Я? С чего вы взяли?

– Я же вижу, что сердитесь! От всего сердца прошу меня простить! Скажите, какой подвиг мне надлежит свершить, чтобы заслужить ваше прощение? Для вас я готов на все!

Люсинда посмотрела на Джеффри, собираясь уверить его, что никаких подвигов вовсе не требуется, но тут же подумала, что ей, как дочери генерала Баррета, представляется удобный случай задать Джеффри некоторые вопросы, которые никто другой позволить себе не может.

– Не могли бы вы объяснить мне кое-что? – небрежно обратилась она к Джеффри.

– Все, что угодно!

– Тогда скажите, почему вы и я сейчас сидим здесь бок о бок?

– Здесь, то есть в одном экипаже? Вы это имеете в виду?

– Совершенно верно!

Обычно угрюмое лицо Джефффри залилось румянцем.

– Хорошо. Я сейчас...

– Прошу вас! Имейте в виду, что для меня это очень важно!

– Итак: во-первых, вы в высшей степени очаровательны и приятны, а кроме того, очень даже практичны. Не говоря уже о том, что вы прекрасно разбираетесь в военных вопросах.

– А во-вторых? – продолжала допрашивать Люсинда.

– Во-вторых? – Джефффри обвел взглядом салон экипажа, как будто опасался, что его кто-нибудь может подслушать. – Вторая причина может оказаться в какой-то степени... ошеломляющей, и мне хотелось бы попросить вас подойти к ней с максимальной осторожностью. Вы согласны?

– Конечно!

– Вы – дочь своего отца, а я – сын моего. Кстати, у него я четвертый! Сейчас, как вам, несомненно, известно, я служу в армии.

– Да, отец говорил мне об этом...

– В настоящее время я нахожусь в добровольном отпуске с выплатой половинного жалования. Последнее устроил мне непосредственный начальник. Как вы, конечно, знаете, во время войны на Пиренейском полуострове в нашей армии не хватало солдат и офицеров. По призыву ее величества я поступил на службу, но война скоро окончилась, и вот... И вот я оказался почти с пустым карманом. Финансовые воз-

возможности моей семьи тоже весьма ограничены. Я планировал составить себе состояние успешной карьерой, и хотя эти перспективы виделись мне весьма радужными, война разрушила все. Как вам известно, в мирное время государство выплачивает вперед львиную долю заработка, но во время войны подобное правило уже не действует. К счастью, вашего отца это не коснулось – его спасла служба в конной гвардии. Если бы мы с вами состояли в родственных отношениях, то мои шансы стать майором британских войск в Индии возросли бы в сотни раз и одновременно на меня распространились бы льготы вроде тех, которыми пользуется генерал Баррет...

«Так вот оно что! – удивленно подумала Люсинда. – Лорд Джеффри неожиданно оказался в положении бедняка, оставшегося почти совсем без денег!»

Значит, она была права в своих подозрениях: Джеффри, подружившись с Барретом и начав почти открыто ухаживать за ней, преследовал далеко не благородные цели!

До Люсинды не сразу дошло, зачем Джеффри так необходимо стать майором британского корпуса в Индии, но уже через несколько минут она поняла – все это звенья одной цепи; ведь этот чин давал ему возможность в будущем получить хорошую военную пенсию!

– Вы, видимо, разозлились на меня, – тихо проговорил Джеффри. – Именно так я понял ваше требование честно и откровенно рассказать все о себе..

– Тут вы не ошиблись!

– Прошу поверить, Люсинда, я без всякой задней мысли стараюсь завоевать ваше сердце!

– Видите ли, Джеффри, я с первого дня нашего знакомства подозревала вас в далеко не самых благородных намерениях в отношении меня. Хотя я не виню вас за то, что пытаетесь уверить меня в своих искренних нежных чувствах.

– Значит, вы не злитесь на меня? – воскликнул он.

– Нисколько.

– И по-прежнему будет разрешать мне вас навещать?

– Ну разумеется...

Экипаж повернул к Пэлл-Мэллу и остановился у дверей кафе, которое особенно любил посещать Джеффри. Он открыл дверцу, спрыгнул на землю и помог выйти Люсинде. В то же мгновение он нагнулся и приник к ее губам.

– Джеффри! – воскликнула она, не зная, рассердиться на него или нет за подобную вольность.

– Именно так! – рассмеялся он. – Причем имейте в виду, я не собираюсь за это извиняться, так как намерен получить максимум удовольствия от созерцания вашей несравненной красоты!

Слуга проводил их к столику в дальнем углу уютного кафе. Люсинда попутно кивнула нескольким своим знакомым, сидевшим в зале. Джеффри искоса бросил на нее взгляд. Лицо Люсинды было спокойно и приветливо, а ведь всего несколько минут назад ее глаза горели негодованием, если не злобой...

Что произошло? Все та же ли Люсинда перед ним, или... Или же просто тогда она выбрала его за мягкость и привлекательную внешность, репутацию бесстрашного героя Ватерлоо? А может быть, в угоду отцу, которому он постоянно помогал? Не исключено даже, что Баррет сам попросил дочь принимать ухаживания лорда Джеффри...

С другой стороны, при всей своей кажущейся практичности Люсинда, совершенно очевидно, поверила в искренность его поцелуя и даже незаметно ответила ему! По крайней мере она не проявила себя настолько холодной, чтобы не оценить его жеста, пусть даже он допустил очевидную вольность! Его поцелуй был совершенно невинный, причем никого кругом не было, ни одного свидетеля... а потому он просто обязан стать прологом к неременному будущему объяснению!

...Официант налил в бокал Люсинды мадеру, которую она с наслаждением пригубила. Это был ее своеобразный тост за будущие успехи. Одновременно это давало ей возможность переменить тему разговора.

Пока все шло вполне гладко. Люсинда больше не думала о том, что в ближайшую субботу снова увидит Роберта Карроуэя, или о том, как объяснить ему, что с очередным уроком больше нет проблем, ибо она уже все подробно обсудила с Джеффри и они пришли к полному взаимопониманию. И уж конечно, она не вспоминала тот поцелуй, который так долго жег ее губы. Словом, Люсинда совсем не думала о Ро-

берте. Единственное, чего ей сейчас хотелось, так это мира и покоя...

Роберт сидел в библиотеке на кушетке, вытянув ноги, и читал. В такой позе его колено почти не болело, причем боль отступала надолго. Это было очень кстати, коль скоро в последнее время все домочадцы вконец допекли его своими вечными вопросами о том, как он себя чувствует и не болит ли нога. В последний раз час назад его пытал Эндрю, который, слава Богу, довольно быстро убежал на какое-то дневное представление.

Но все же проблема самочувствия становилась для Роберта все более и более сложной. Колено болело совершенно невыносимо, хотя и не так, как прежде. Он все больше чувствовал, как тепло проникает в его мускулы и кости, возвращая им жизнь.

Итак, Роберт понемногу оживал. А когда он целовал Люсинду, то невольно вспоминал что-то давно и, казалось, навсегда позабытое – сладость женщины. Теплоту ее тела и гладкость кожи, запах пота и секса...

«Ты просто сумасшедший!» – шептал он себе, переворачивая страницы книги.

В тот день, пока Люсинда искала его, Роберт сгорал от желания узнать подробнее планы ее будущих уроков. Когда же он узнал, что своим первым учеником она выбрала Джеффри Ньюкома, то был даже не удивлен, а просто-таки убит. Но если она предпочла отдать сердце Джеффри, то это было для

нее спасением – спасением от него, Роберта. И одновременно его спасением от нее самой.

Они могли остаться друзьями, и Роберт уверял себя, что бескорыстно помогает Люсинде. Хотя вместе с тем он не оставлял надежды вернуться с ее помощью в высшее общество. Правда, успех или провал на этом пути не так уж много значили для Роберта, если одновременно он оказывал услуги Люсинде. Именно последнее сейчас стало для него главным!

Люсинда же не могла чувствовать себя более в безопасности. Более того, Роберт не был уверен в том, что когда-то было по-иному. Или же тогда он просто-напросто лгал самому себе. Удивительно, но теперь, став калекой, он хотел Люсину! Это выглядело бы смешным, если бы Роберт не чувствовал на своих губах вкус ее поцелуев, не вспоминал тепло ее тела. Это делало невозможной ложь ни с ее, ни с его стороны...

Роберт услышал, как хлопнула входная дверь. Потом до него донеслись голоса Доукинса, Тристана и, к его изумлению, Грейдона Брейкриджа – герцога Уиклиффа. Видимо, заседание парламента закончилось сегодня раньше.

Двое из вошедших, судя по шагам, направились к кабинету Тристана. Грейдон был другом герцога, и, вспомнив об этом, Роберт невольно хмыкнул.

В дверь постучали.

– Войдите!

– Роберт? – донесся из коридора голос Тристана.

– Я самый! Входите же!

Тристан открыл дверь и вошел; из-за его спины выглядывал герцог Уиклифф.

– Как ты себя чувствуешь? – осторожно спросил Тристан у Роберта.

– Превосходно!

– Мы пришли именно для того, чтобы спросить тебя об этом. Ты весь день пробыл дома?

– А что?

– Я просто не хотел, чтобы ты спускался по лестнице без посторонней помощи.

– Еще что ты желал бы знать?

– Видишь ли, Грей хотел бы одолжить у Эдварда его старое седло для маленькой Элизабет. Ты не будешь возражать?

– Оно лежит в кладовке, завернутое в парусину. Еще что-нибудь?

– Я собираюсь убедить Эмму, что начинать заниматься верховой ездой в четырнадцать лет рановато, – объяснил герцог.

– Желаю успеха!

Тристан помялся немного и, увидев лежавшую на туалетном столике книгу, спросил:

– Что ты читаешь?

– Инструкцию «Как ухаживать за розами и обрабатывать их» – мне дала ее мисс Баррет.

На этом весь не слишком содержательный разговор нако-

нец закончился. Тристан с герцогом вышли и направились в комнату виконта. Роберт посмотрел им вслед, подумав, что его старший брат зашел вовсе не для того, чтобы справиться о его здоровье. Тристану нужно было знать, дома ли Роберт и где он был накануне. Что ж, на первый вопрос он получил ответ...

Впрочем, Роберт привык к тому, что родственники постоянно его проверяют. Но еще никогда подобная проверка не происходила в присутствии постороннего, каковым сегодня оказался герцог Уиклифф. Может быть, Тристан и впрямь беспокоился о его самочувствии?

Роберту очень хотелось послушать, о чем герцог и брат говорили в комнате последнего. Наверное, все-таки о нем...

Однако больное колено давало о себе знать, а потому ему не хотелось откровенно шпионить...

Впрочем, если это действительно важный разговор, кто-нибудь из домашних непременно рано или поздно узнает все подробности и проговорится.

Так и произошло уже в тот же вечер за ужином, причем этим «кем-нибудь» оказался Эндрю.

– Вы слышали? – обратился он ко всем сидевшим за столом, прожевывая огромный сэндвич с ветчиной.

– Может быть, мне попросить Доукинса убрать все вилки и ножи от твоей тарелки, чтобы ты мог спокойно есть руками? – проворчала Джорджиана.

– Извините! Тристан, ты разве не слышал новость?

– Возможно, – вздохнул тот, – но мне интересно, где ты ее услышал.

– На Таттерсоллзе этим утром. Скажи, действительно ли они больше понимают в лошадях, чем в делах, которые сами же обсуждают в парламенте?

– Ради всех святых, о чем вы толкуете? – нахмурилась Джорджиана.

– Ничего особенного, – откликнулся Эндрю. – Просто судачим о слухах. Не важно, правдивы они или нет. Ну и... не только о слухах!

– Эндрю, ты должен рассказать нам! – потребовал Эдвард. Роберт, не обращая внимания на разгоревшуюся за столом общую пикировку, продолжал спокойно есть, – слава Богу, за последние недели его аппетит пришел в норму. Несколько утолив голод, он поднял голову, и его взгляд встретился со взглядом Тристана. В глазах последнего ему почудилось что-то очень мрачное, почти угрожающее.

– Пока ни одного подтверждения правдивости этих слухов я не слышал, – покачал головой Тристан. – Но говорят, будто бы вчера из штаб-квартиры конной гвардии ее величества были похищены некоторые бумаги и документы.

– Какие именно? – не отставал Эдвард.

– Например, карта острова Святой Елены, – уточнил Эндрю. – Еще говорят, будто потеряны списки английских сторонников Бонапарта.

Брэдшоу положил на стол вилку, при этом так стукнув ею,

что Роберт вздрогнул.

– Все понятно! – воскликнул Шоу. – Кому-то хочется освободить Бонапарта!

– Не делай поспешных заключений, Шоу, – спокойно заметил Тристан. – Все это может легко оказаться грязными слухами. Скорее всего так оно и есть! Пока никто из Хоргардза не подтвердил их достоверности!

Роберт закрыл глаза. Весь этот бессмысленный спор членов его семейства уже перерос в общий оглушительный крик, которого он просто не мог вынести. Правда, тема спора выглядела более чем серьезной – никто еще не забыл, что Наполеон один раз уже сбежал с острова, на который был сослан. Тогда потребовались объединенные усилия нескольких европейских держав, чтобы восстановить прежнюю ситуацию, и все закончилось кровавой битвой при Ватерлоо. Роберт не сомневался, что никто не сможет заставить его заново переживать все те ужасы, свидетелями которых стали другие солдаты. Кроме того, ему становилось не по себе при одной мысли, что французы могут снова занять Шато-Паньон.

От подобных размышлений Роберту стало не по себе. Он встал и хотел выйти из-за стола, но тут же почувствовал у себя на плече тяжелую руку Тристана.

– Что с тобой? Сиди!

Роберт резким движением сбросил ладонь брата и взял трость.

– Со мной ничего. Просто хочу немного подышать свежим воздухом.

Острая боль пронзила колено Роберта и чуть было не заставила его снова опуститься на стул, но он громадным усилием воли заставил себя выйти из-за стола и направиться к двери.

Выйдя из дома и спустившись в сад, Роберт остановился около своего розария. Тристан вышел вслед за ним.

– Извини, Роберт, – строго сказал он. – Я должен был...

– Ты должен был что-то сказать раньше! – оборвал его Роберт, изо всех сил сжав в кулаке комок высохшей земли и с трудом удерживаясь, чтобы не бросить его в лицо Тристану. – Ведь ты все знал, так же как и Грей! Зачем же вы оба пытались проверить, слышал ли я обо всем этом или нет?

– Но, Роберт...

– Молчи, говорить об этом сейчас уже поздно. Оставь меня!

– Да послушай же...

– Говорю, оставь меня! Я вернусь позже.

Роберт подождал, пока входная дверь не захлопнулась за Тристаном, и с силой бросил о землю комок сухой земли, который все еще держал в руке. Он подумал, что новость о краже в штаб-квартире конной гвардии не должна была его так потрясти. В конце концов, до недавнего времени он ничего не знал ни о ссылке Бонапарта на остров Эльба, ни о его потрясшем весь мир победном возвращении во Францию, ни

о битве при Ватерлоо – все это время он провел в Шато-Паньон, куда вести доходили очень редко. Но в то же время он слишком хорошо понимал, что война сделала с ним самим, как искалечила не только его тело, но и душу. И то же пришлось испытать многим другим его соотечественникам.

Роберт растер между ладоней несколько опавших листьев: их запах натолкнул его на мысль о том, что, возможно, Наполеон Бонапарт не так жаждал бы сражений и военных побед, если бы провел несколько месяцев в Шато-Паньон, а не на двух теплых красивых островах. И еще если бы вместо порохового дыма вдыхал в себя запах опавших листьев.

Он подумал, что не стоит в будущем упоминать при Люсинде о Шато-Паньон. Может быть, она в конце концов забудет название этой мрачной крепости, о которой в этом мире мало кто знает...

Глава 13

Это была смелая попытка Духа Добра, окончившаяся неудачей. Судьба оказалась сильнее, и ее неизменные законы довершили разрушение моих представлений, казавшихся мне совершенными.

Виктор Франкеништейн

(М. Шелли «Франкеништейн»)

Даже после длинной ночи с проливным дождем Люсинде снова хотелось ливня. Праздник фейерверков в Воксхолле, по-видимому, действительно должен был стать самым значительным событием светского сезона, а потому регент с большинством обитателей Мейфэра намеревались на нем присутствовать. Люсинда по этому случаю даже решила облачиться в свое лучшее платье.

Она любила подобного рода празднества с толпами на улицах и веселыми представлениями, однако оказалось, что Роберт терпеть всего этого не может. Тем не менее накануне он выразил желание присутствовать, и в награду за это Люсинда хотела рассказать ему о новых планах Джеффри, в том числе о его намерении жениться на ней и о том, что их свадьба практически дело решенное. Разумеется, она больше не намерена была заниматься уроками, и помощь Роберта в этом ей больше не требовалась.

«Итак, большое вам спасибо, мистер Каррбуэй, и прощай-

те. И больше никаких поцелуев!»

– Доброе утро, дорогая! – приветствовал ее генерал Баррет, появляясь из дверей своего кабинета и беря ее под руку, чтобы вместе пойти позавтракать в утренней гостиной.

– Доброе утро, папа! Судя по твоему виду, ты неплохо выспался?

– Я встал рано, чтобы исправить некоторые несуразности, которые вышли из-под моего пера вчера.

– Серьезно? А мне казалось, что работа над последней главой идет очень даже успешно, – возразила Люсинда, взяв из вазы спелый персик и пододвинув к себе тарелочку с горячими тостами.

– Видишь ли, работа над главой действительно идет успешно, но дело отнюдь не в этом. Кстати, Джефффри все утро пробыл здесь и оставил тебе записку... Вместе с коробкой шоколадных конфет!

– Для меня или для тебя? – не удержалась от вопроса Люсинда.

– Мы вчера поспорили кое о чем, и, судя по всему, эту коробку выиграла именно ты.

– Почему ты так решил?

– Потому что лорд Джефффри очень высоко оценил твой вклад в наш общий труд.

– Могу ли я и сегодня помочь тебе в чем-нибудь?

– Нет, сегодня этого не потребуется.

– Так ты собираешься сегодня на фейерверк?

– Пока еще не решил... хотя постараюсь выбраться. Кстати, кое в чем ты действительно могла бы мне помочь.

– В чем именно?

– Ответ-ка на один вопрос.

– И какой же?

– Кто рассказал тебе о Шато-Паньон?

Кровь прилила к щекам Люсинды. Хотя ей нечего было скрывать, но Роберт просил ни под каким видом не рассказывать об их разговоре по этому поводу. Интересно, почему он на этом настаивал? Ей следовало обязательно спросить у него об этом вечером.

– Я сказала тебе, что не помню!

– Пойми, Люсинда, – генерал обильно намазал джем на жареный хлебец, – мне очень важно это знать! Не беспокойся, никто из твоих друзей не будет иметь никаких неприятностей, просто твой честный ответ поможет мне в...

– В устранении из текста некоторых несуразностей, о которых ты только что сказал?

– И не только в этом. Конечно, я могу сам догадаться, но ты должна подтвердить, так это или нет!

– Я обещала держать имя этого человека в секрете, но... Но ты мой отец, и я признаюсь тебе. Только еще раз пообещай, что никаких неприятностей для него не будет.

– Откровенно говоря, я спрашиваю тебя об этом не столько для своих записей, сколько для успокоения. Ты ведь понимаешь, что тревога в душе не может не отразиться на твор-

честве. Глава, над которой я теперь работаю, и без того очень сложная, а вчера вечером я обнаружил в уже написанном тексте много ошибок и прямых несуразностей. Это все оттого, что все время одновременно думал о чем-то другом, очень тревожном. Ты понимаешь меня?

– Да.

– Итак, о замке Шато-Паньон тебе рассказал Роберт Карроуэй, верно?

– Ты не ошибся!

Все же Люсинда чувствовала, что совершает предательство – ведь только вчера утром она обещала Роберту, что об их разговоре никому не будет известно...

– Мы с ним говорили о войне, – начала она, как бы пытаюсь оправдаться, – и Роберт признался мне, что не участвовал в битве при Ватерлоо, проведя вместо этого несколько месяцев в Шато-Паньон. Я подумала, что это был госпиталь, в который его поместили после очень серьезного ранения.

Генерал долго сидел молча, потом очень серьезно посмотрел на дочь:

– Он тебе рассказал, чем закончилось его пребывание в этом замке и как он оттуда выбрался?

– Н-нет. – Люсинда, нахмурившись, наклонила голову и уставилась в тарелку.

Потом тихо спросила:

– Папа, ведь ты знаешь об этом замке гораздо больше того, что уже мне рассказал, разве не так?

– То, что мне известно о Шато-Паньон, предназначено не для женских ушей, дочка...

– И все-таки я хочу знать все! Пойми, что...

Неожиданно генерал вскочил из-за стола.

– У меня назначена важная встреча на сегодняшнее утро, – решительно заявил он, отводя взгляд в сторону. Затем он наклонился и поцеловал дочь в затылок.

– Если ты сегодня выйдешь в город, то никому не рассказывай о нашем разговоре, и в первую очередь Карроуэю!

– Папа, что, наконец, происходит?

Вместо ответа генерал лишь покачал головой и молча вышел из гостиной. Несколько секунд спустя Люсинда услышала, как за ним захлопнулась парадная дверь.

Она еще долго сидела за столом, уставившись в одну точку, не в силах отогнать от себя мысль о том, что совершила что-то ужасное, преступное по отношению к Роберту. Ее отец знал о нем что-то страшное, теперь для нее это было совершенно очевидно... но что именно? Люсинда понимала, что должна все выяснить до конца у самого Роберта, если только... если только у нее хватит духа задать ему подобные вопросы. И ни в коем случае ей нельзя встречаться с ним сегодня – после вчерашнего визита Роберта это всеми будет воспринято с подозрением. Даже Джорджиана может подумать, что интерес Люсинды к Карроуэю объясняется не только его помощью в подготовке уроков джентльменского поведения для Джеффри. И она будет права!

Люсинда поднялась к себе, чтобы переодеться в платье для визитов. Поскольку Роберт намеревался провести весь день дома, у нее появилась возможность одновременно навестить Джорджиану, когда та будет завтракать со своей тетушкой – герцогиней Уиклифф.

Экипаж остановился у парадного подъезда дома Карроуэв. Дворецкий Доукинс открыл дверцу экипажа и помог гостю спуститься по ступенькам.

– С добрым утром, мисс Баррет! – приветствовала он Люсинду.

– С добрым утром, Доукинс, – улыбнулась она в ответ.

И тут же увидела Роберта, работавшего лопатой недалеко от калитки сада. Сняв сюртук и закатав рукава рубашки, он старательно окапывал очередную клумбу. За работой Роберт выглядел столь романтичным и привлекательным, что у Люсинды почему-то сразу пересохли губы.

– Леди Дэр дома? – спросила Люсинда дворецкого, с трудом отводя взгляд от Роберта.

Доукинс объяснил, что Джорджиана вышла в сад, чтобы навестить свои любимые розы.

– Видите ли, я не хотела бы отрывать ее от этого прекрасного занятия... – неуверенно сказала Люсинда.

– Вы позволите доложить о вас?

– Да, если вас не затруднит!

Доукинс поспешил в сад, а Люсинда все гадала, почему это Джорджиана оказалась в саду. Она ведь намеревалась по-

завтракать с герцогиней! Что же могло произойти? Люсинда даже стала сомневаться, правильно ли она выбрала время для своего визита...

– Мисс Баррет, – услышала она за спиной голос дворецкого, – леди Дэр ждет вас наверху, в музыкальной гостиной.

– Благодарю! – Люсинда кивнула.

– Прикажете вас проводить?

– Не надо, я знаю, как туда пройти. Джорджиана сидела за роялем, положив пальцы на клавиши, – дотянуться до низких и высоких регистров она уже не могла из-за огромного круглого живота. Увидев Люсинду, она приветственно подняла руку и улыбнулась:

– Очень рада тебя видеть, Люси! Ты как раз вовремя – мне отчаянно хочется прогуляться, причем без сопровождения целого отряда сильных, постоянно следящих за каждым моим шагом мужчин.

– Могу предложить свои услуги, – улыбнулась Люсинда. – Правда, я не такая уж сильная, но все же сумею тебя поддержать, если нужно.

Люсинда помогла хозяйке дома встать и выйти из-за рояля.

– Я проезжала мимо и тут вспомнила, что ты собиралась позавтракать с герцогиней, – вот и решила зайти. Очень рада видеть тебя в добром здравии.

– Насколько это возможно в моем положении, – усмехнулась Джорджиана.

Они осторожно спустились по лестнице. Джорджиана одной рукой держала под руку Люсинду, другой опиралась на перила.

Люсинда с тревогой посмотрела на подругу:

– Ты действительно хочешь выйти на улицу и прогуляться?

– Откровенно говоря, единственное, чего я сейчас не хочу, так это безвылазно сидеть в четырех стенах, пока мужчины развлекаются. Мне трудно понять, как Роберт может целыми днями не выходить из своей комнаты.

– Ты не совсем права: я только что видела его в саду с лопатой в руках.

– Серьезно? Значит, его на какое-то время отпустила боль в колене, а ведь утром он с трудом смог подняться с постели! Наверное, прогулка на свежем воздухе пошла ему на пользу.

Люсинде очень хотелось поговорить с Робертом, но только не в присутствии Джорджианы – в последнем случае он вряд ли будет откровенен и не скажет больше, чем уже сказал подруге Люсинды.

Боже, о чем она думает! Это просто глупо и... неправильно! Джорджиана приходится Роберту двоюродной сестрой; к тому же Люсинда и он самые близкие друзья. А еще она собирается выйти замуж за Джеффри Ньюкома, как только он даст понять, что согласен на это, и никого другого ей не надо, в том числе Роберта Карроуэя! Так честно ли хранить все в секрете от подруги?

Когда Роберт сделал паузу в обработке клумбы и осмотрелся, Люсинда и Джорджиана уже показались из-за угла дома. Он выпрямился во весь рост, что рассмешило его самого: видимо, привитые годами манеры не позволяли Роберту смотреть на даму, сложившись пополам. А может быть, так действовало на него только присутствие Люсинды?

В муслиновом платье и легкой шляпке, прикрывающей пышные волосы и украшенной зеленой веточкой, Люсинда могла бы служить олицетворением весны. Роберт не мог отвести от нее взгляд. «Перестань! – старался убедить он себя. – Она не принадлежит тебе и никогда не будет принадлежать, потому что... потому что ты ее не заслуживаешь! И ей будет гораздо лучше, если ты оставишь ее в покое!»

– Роберт, – окликнула его Джорджиана, – ты не пройдешь с нами?

Поскольку Роберт уже стоял во весь рост и, казалось, твердо держался на ногах, ему было трудно сразу придумать предлог для отказа. Слегка пожав плечами, он опустил закатанные выше локтей рукава рубашки и надел сюртук, перекинутый через борт стоявшей рядом садовой тележки. Потом он взял трость и не спеша направился к поджидавшим его женщинам.

Они пошли вниз по улице мимо зеленых садов, за которыми виднелись уютные домики, смотревшие на прохожих чисто вымытыми окнами. Люсинда держала под руку Джорджиану, Роберт же шел рядом с ней с другой стороны.

– Наверное, мы представляем собой весьма любопытную трицу, – усмехнулась Джорджиана. – Кстати, Люси, ты вполне можешь на обратном пути одновременно поддерживать под руки меня и Роберта – так нам обоим будет легче идти!

– А еще я могу вести вас по очереди! – рассмеялась Люсинда.

– Скажи, генерал Баррет действительно пошел смотреть на эти идиотские лодочные гонки? – поинтересовалась Джорджиана.

– Вряд ли. У него на это время назначена важная встреча. Встреча! Роберту нетрудно было догадаться, что это за встреча и о чем на ней пойдет речь. Он почувствовал, как дрожь пробежала по всему его телу. Если старый генерал предпочел пропустить регату на Темзе ради какой-то встречи, значит, для этого были серьезные основания.

Они обошли вокруг четырех кварталов и вернулись домой. Роберт отнюдь не был уверен, кто этому больше рад – Джорджиана или он. Не обращая внимания на обострившуюся боль в колене, он поддержал Джорджиану под руку, помогая ей подняться по парадной лестнице.

– Доукинс, – Джорджиана тяжело опустилась на стоявшую у стены кушетку, – я была бы очень благодарна, если бы вы принесли мне стакан лимонада.

– Тебе плохо? – озабоченно спросила подругу Люсинда.

– Нет, со мной все в порядке.

– Тогда подожди нас здесь несколько минут. Когда мы были в саду, я заметила плесень на лепестках некоторых роз – ее надо срочно удалить, ведь эти цветы такие нежные и могут пострадать! Я хотела бы...

– Ничего, иди и не волнуйся за меня.

Роберту ужасно захотелось еще раз поцеловать Люсинду, и он невольно пошел за ней. Поцеловать и, проникнув со спины ладонями под тонкую материю весеннего платья, почувствовать гладкую, нежную кожу и теплоту ее тела – вот что ему сейчас было нужно.

На улице Люсинда остановилась и посмотрела в глаза Роберту:

– Я солгала!

– Знаю.

– Неужели?

– Я осмотрел розы и никакой плесени на лепестках не обнаружил.

Лицо Люсинды потемнело.

– Тем не менее вы последовали сюда за мной.

– Я подумал, что вы хотите мне что-то сказать.

Люсинда глубоко вздохнула.

– Да. Я действительно должна вам кое-что сообщить.

– Что же именно?

– После нашего разговора я зашла в кабинет отца и пролистала несколько тетрадей генерала. Мне было известно, что в его записках содержится упоминание о Шато-Паньон.

Но там не оказалось каких-либо подробностей. После вашего рассказа я решила выяснить все до конца.

– Забудьте о том, что я вам сказал. Право, это не имеет никакого значения.

– Но почему тогда вы там оказались? Этот замок был сильно укреплен, но отнюдь не в стратегических целях, и ваше пребывание там не было случайным...

Роберт знал, что этот разговор непременно должен был когда-нибудь состояться, но если бы его допрашивал кто-то другой, он просто повернулся бы и ушел. С Люсиндой же он был готов говорить даже на эту, хотя и очень тяжелую для него, тему. Кроме того, их встреча и откровенный разговор как бы сокращали расстояние между ним и всем остальным миром...

– Я был заключенным, – с усилием выдавил из себя Роберт.

– Заклю... – начала было Люсинда, но тут же замолчала.

– Да, заключенным! Замок тогда превратили в тюрьму, в которую меня и бросили. Но это не имеет никакого значения для нашей с вами договоренности, так что вы можете рассказать мне о том, каким представляете себе свой третий урок. Мне нужно будет время, чтобы к нему подготовиться.

– Не уходите от разговора! – воскликнула Люсинда. – Я хочу знать все о Шато-Паньон и о том, почему вы туда попали.

Роберт сжал губы и отрицательно покачал головой:

– Нет, мы будем обсуждать только предстоящий урок!

– Вам когда-нибудь говорили о том, что вы до невозможности упрямы?

– Говорили, и что?

– Роберт, я... – Люсинда запнулась и попыталась отвернуться, но быстро справилась с собой и снова посмотрела ему в глаза: – Я пришла сюда, чтобы узнать о вас как можно больше.

– И зачем вам это надо?

– Надо, поверьте.

В глазах Люсинды Роберт читал неумолимо растущее подозрение. Разумеется, он чересчур упрямо не желал с ней разговаривать, но и ее скрытность казалась ему в высшей степени непонятной.

– Разве произошло что-то особенное? – спросил он. – Или Джефффри протестует против того, чтобы вы терпели меня?

– Ради Бога, не надо говорить о терпимости или нетерпимости! – запротестовала Люсинда. – И вообще, давайте поговорим о Джефффри позже!

Роберт понял, что она чем-то встревожена.

– Люсинда! Вы можете сказать мне, что угодно!

Впервые он назвал ее по имени, и Люсинде понравилось, как это имя прозвучало.

– Ведь мы друзья! – мягко сказала она. – Но если вы не желаете откровенно говорить со мной, то почему я должна быть честной и откровенной с вами?

Их взгляды на мгновение встретились и сразу же разбежались в разные стороны.

– Что вы хотите знать? – грубо спросил Роберт.

Боль и нежелание говорить так явственно прозвучали в его голосе, что Люсинда задумалась, стоит ли продолжать допрос. Она отложила бы этот разговор сразу же, если бы не слова отца о важности деталей, связанных с замком на Пиренеях. И все же было очевидно, что продолжать разговор здесь, на улице, перед парадным крыльцом дома Джорджианы, вряд ли целесообразно.

– Может, вернемся в дом? – предложила Люсинда.

– Не знаю, смогу ли я много вам сообщить. – Роберт пожал плечами. – Кроме того, я хотел бы еще побыть на свежем воздухе.

– Что ж, тогда мы еще чуть-чуть погуляем!

– Где?

– Да просто обойдем пару раз вокруг квартала. Идет?

– Идет.

Люсинда взяла Роберта под руку, и они медленно пошли вдоль длинного здания из белого кирпича. Роберт шел спокойно: как видно, боль в его колене утихла; однако само наличие этой раны позволяло Люсинде прижиматься к Роберту, якобы для того, чтобы поддерживать его.

Несколько минут оба шли молча, и Люсинда в конце концов поняла, что должна первой начать разговор. Она все оттягивала этот момент, поскольку опасалась причинить Ро-

берту боль какой-нибудь неосторожной фразой, но ей было крайне важно узнать о нем как можно больше, и наконец она решилась:

– Листая тетради отца, я обнаружила три главные причины, почему он опустил кое-какие детали. Первая заключалась в том, что военная кампания развивалась до того стремительно, что Баррету просто не хватило времени, чтобы написать обо всем. Вторая причина в том, что каждое сражение или военное столкновение стоило больших потерь с обеих сторон и писать об этом было очень тяжело. А в-третьих, генерал просто не касался тех или иных конкретных деталей по соображениям безопасности и сохранения военной тайны на случай, если его тетради попадут в руки противника.

– Также те или иные детали не попали в тетради, поскольку генерал не посчитал их сколько-нибудь значительными, – добавил Роберт.

– Да, вы, наверное, правы! Более того, генерал Баррет с самого начала своей работы над записками старался отвести все постороннее.

Они снова замолчали, продолжая кружить вокруг квартала. Наконец Роберт нарушил молчание:

– Вы ведь хорошо относитесь к генералу Баррету, не так ли?

– Да, я очень люблю отца. Он никогда не третировал меня и всегда уважал как женщину. А еще он дал мне превосходное образование...

– Начав жизнь с благих намерений, он быстро протрезвел, когда попытался применить их на практике и сделаться полезным не только своим сверстникам, но и человечеству в целом, – с улыбкой почти продекламировал Роберт.

Люсинда тут же уточнила:

– Это из «Франкенштейна», не так ли?

Она вспомнила книгу, которую читала все последние дни.

– Вы догадались или знали об этом? – с недоверием спросил ее Роберт.

– Я в очередной раз воспользовалась дедуктивным методом, в котором уже достигла немалых успехов. К примеру, я установила три основные причины немногословности своего отца при описании им Шато-Паньон и сражения при Байонне. Это – затраченное время, конкретность, а также вопросы, связанные с государственной тайной.

– Не возьму на себя смелость утверждать, о чем думал генерал Баррет, – сказал Роберт тихим, странно таинственным голосом, – но готов согласиться, что вы правы.

Люсинда нервно глотнула воздух. Она не могла прямо спросить у Роберта, почему он не любит генерала Баррета и всегда не согласен с тем, что ее отец считает крайне важным. После того, что Люсинда уже узнала, ей стало ясно – между тем и другим существует тесная связь.

Она посмотрела в напряженное лицо Роберта и осторожно произнесла:

– Итак, замок Шато-Паньон был тюрьмой...

– Своего рода!

– Что вы имеете в виду?

Дыхание Роберта сделалось прерывистым, и он тихо, с невольнo прорывающейся злобой, проговорил:

– Я мало что там успел увидеть, но уверен – замок был превращен в тюрьму для британских офицеров для того, чтобы выжать из них информацию.

Люсинда поняла, что Роберт имел в виду: нужные сведения французы выбивали у англичан с помощью пыток. Та же участь, несомненно, постигла и самого Роберта.

– Простите меня! – прошептала она.

– Ничего. Это же не ваша вина!

– Вы раньше об этом никогда не рассказывали, не так ли? – спросила Люсинда, хватая Роберта за руку и крепко сжимая ее.

– Нет. Я только рассказал Джорджиане кое-что из того, что не должен был разглашать, о чем ее и предупредил. Она удовлетворилась услышанным и больше ни о чем не спрашивала. Правда, подозреваю, она мало что поняла из моего рассказа...

– Вам запрещали разговаривать?

– Даже между собой! Если кто-то из охраны случайно слышал хотя бы одно слово, сказанное шепотом, то провинившегося вытаскивали во двор и жестоко избивали.

– Но вы говорили, что французы хотели получить от пленных информацию. Если им было запрещено разговаривать

даже друг с другом, то как же...

– Мы могли разговаривать только с надзирателем, и ни с кем больше.

Люсинда почувствовала, как напряглось тело Роберта. На мгновение он закрыл глаза и прошептал:

– Целых три года я старался забыть обо всем этом и не хотел бы снова вспоминать...

– Тогда не будем больше об этом говорить!

Она подумала, что отец с его непременными расспросами о Шато-Паньон и о том, что там делал Роберт, может подождать, как, впрочем, и ее собственное не до конца удовлетворенное любопытство...

Они прошли молча еще несколько шагов, как вдруг Роберт мрачно проговорил:

– А может быть, я все-таки буду об этом вспоминать. Странно, но если я мог помнить те ужасы и не умереть, то это, наверное, не так страшно...

Боже! Внезапно Люсинда поняла, что вопрос состоял не в том, будет ли Роберт говорить обо всем этом, а сможет ли она сама выдержать его ужасные признания! Конечно, Люсинда слышала много рассказов, выдумок и даже анекдотов, связанных с недавней войной, но ни в одном из них не было скрыто столько ужасов, происходивших наяву!

– Тогда расскажите мне только то, что сможете, – попросила она.

Роберт посмотрел на Люсинду, и ей показалось, будто пе-

ред его глазами в одно мгновение прошла целая вечность.

– Простите меня! – тихо сказал он.

– Простить? За что?

– За то, что рассказываю вам все эти кошмары. Вам они абсолютно не нужны – только нервы портят. Продолжайте разговаривать со мной как-с нормальным живым существом – так будет гораздо лучше!

Сердце Люсинды сжалось. Она еще крепче ухватилась за руку Роберта и повернула его лицом к себе, а потом, поднявшись на цыпочки, поцеловала в губы.

Роберт обхватил ее за плечи и крепко прижал к себе. Его ладони скользнули вниз и, на мгновение остановившись на груди, сомкнулись за ее спиной на талии.

– Люсинда! – прошептал Роберт.

– Тс-с! Поцелуйте же меня! – Она попыталась прижаться к нему всем телом, но внезапно почувствовала перед собой каменную статую, которую была не в силах сдвинуть с места. – Что с вами? – удивленно спросила она.

– Тише! Видите тот кеб?

Действительно, их нагонял экипаж. Роберт поднял руку, и возница, остановив лошадей, спрыгнул с облучка и почти-тельно открыл дверцы. Не произнося ни слова, оба расположились на заднем сиденье. Кеб тронулся, и колеса застучали по булыжной мостовой.

– Вы так и не рассказали мне о плане своего третьего урока для Джеффри, – со вздохом произнес Роберт.

В голосе его звучал металл, как будто всего за минуту до этого он не целовал Люсинду...

Так вот в чем дело – в поцелуях! Потому-то Роберт и вспомнил сейчас о Джеффри. Она целовала его, а своим учеником выбрала лорда Ньюкома!

– Я намереваюсь сказать вам кое-что сегодня вечером, – ответила Люсинда.

– И это, наверное, будет плохая весть для меня!

Да, это будет, а скорее, уже стало плохой вестью для Роберта. А может быть, также и для нее.

– Чертов предатель! – донесся снаружи мужской голос.

Роберт загородил собой окошко, не позволив Люсинде выглянуть; обернувшись, она увидела лишь стремительно удалявшуюся карету.

– Кто это был?

– Уолтер Фенгроув и его жена.

– Он имел в виду вас? Но почему он позволил себе подобное оскорбление?

– Не знаю, – пробормотал Роберт, и лицо его стало серым.

– Роберт?

– Я в полном порядке. Нам надо поскорее вернуться к Джорджиане – опасно оставлять ее одну в таком положении. Если что-нибудь случится, ей потребуется помощь.

Люсинда готова была поручиться, что Роберт далеко не в порядке, но она не хотела еще более раздражать его, а потому утвердительно кивнула:

– Да, вы правы! Действительно, нам надо поскорее вернуться к Джорджиане...

Глава 14

Теперь все пропало!

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Роберт немного поговорил о Шато-Паньон и вовсе не умер от этого. Как он и говорил Люсинде, это даже в каком-то смысле принесло ему некоторое успокоение... или принесло бы, если бы не мерзкая выходка Уолтера Фенгроува...

Что-то случилось. Что-то пошло не так, как следовало. Роберт ощущал это всем телом и нисколько этому не удивлялся. Он чувствовал себя слишком хорошо и даже начинал строить планы на будущее. Ему казалось, что жизнь поне-много снова к нему возвращается, особенно когда рядом была Люсинда.

Почти сразу после того, как они вернулись с прогулки, Люсинда пересела в свой экипаж и уехала домой, а Роберт остался стоять в холле, о чем-то размышляя. Потом он резко повернулся и направился в гостиную.

Джорджиана продолжала сидеть на той же кушетке и явно чувствовала себя не лучшим образом.

– Тебе не следовало выходить из дома, даже ненадолго, – упрекнул он ее.

– Нет, мне это было необходимо. Хотя я, верно, и выглядела как бегемот, только что вылезший на берег!

– Надеюсь, сейчас ты чувствуешь себя лучше?

– По крайней мере я не покрылась пятнами, как зачастую происходит с женщинами в моем положении...

– Я сейчас принесу тебе пару подушек.

Прежде чем Роберт вышел, Джорджиана постаралась немного выпрямиться. Когда ей это не удалось, она смущенно улыбнулась и спросила:

– Люсинда показалась мне очень расстроенной. Ты не знаешь, у нее ничего не случилось?

Меньше всего Роберту сейчас хотелось огорчать Джорджиану, но все же он, скривившись, нехотя ответил:

– Когда мы ехали обратно, какой-то сумасшедший, проезжая мимо, непотребно обругал нас из окна своего экипажа – вот она и расстроилась. Так я схожу за подушками?

– Будь добр! Кстати, принеси мне книгу, которую я оставила на столе в библиотеке.

– Непременно!

Роберт вышел, а Джорджиана махнула ему вслед рукой со словами:

– Желаю тебе сегодня быть счастливее, чем вчера!

«Что ж, – подумал Роберт, – надеюсь, так оно и будет».

Как бы в ответ на эти мысли он действительно почувствовал прилив сил и надежд на лучшее будущее и решил по возможности продлить это состояние.

Взяв со стола нужную книгу, он принес ее Джорджиане, после чего вернулся в библиотеку. Там он достал с полки первую попавшуюся книгу и принялся ее читать. На всякий случай он оставил полуоткрытой дверь, чтобы услышать голос Джорджианы, если ей потребуется какая-либо помощь.

Примерно через час Роберт закрыл книгу, встал и вышел в холл. В тот же момент дверь открылась и на пороге появились Эдвард с Тристаном...

– Этого не может быть! – воскликнул Эдвард. – Готов держать пари на фунт стерлингов, что...

– Тише! – остановил его Роберт. – Джорджиана, кажется, заснула.

Они осторожно открыли дверь и вошли в гостиную. Но оказалось, что Джорджиана все еще продолжала бодрствовать.

– Ты принес мне лимонад со льдом, Тристан? – спросила она.

– Да, дорогая! – откликнулся Тристан и, положив ладонь на локоть Роберта, шепнул ему на ухо: – Подожди в моем кабинете!

Первым желанием Роберта было уйти и спрятаться где-нибудь в уединенном тихом уголке, чтобы не выслушивать того, что собирался сказать ему старший брат, однако он все же сумел перебороть себя.

Пока Эдвард подробно рассказывал Доукинсу о лодочных гонках на Темзе, Брэдшоу и Эндрю коротали время в хол-

ле. У обоих было мрачное, даже злое выражение на лицах. Никто из них ни разу не взглянул на Роберта, он же, превозмогая боль в колене, постоял некоторое время в гостиной и нехотя направился в кабинет Тристана.

Старший брат вошел туда несколькими секундами позже. Роберт слышал, как захлопнулась дверь, но даже не повернул головы.

– Садись, – услышал он голос Тристана за спиной.

– Спасибо, не хочу!

– Ну хорошо. – Виконт вздохнул. – Я только хотел сказать, чтобы ты не выходил из дома сегодня ночью.

– Это еще почему?

– Может быть, ты наконец согласишься посмотреть на меня и не отворачиваться хотя бы на время нашего разговора?

Роберт тяжело вздохнул и, повернувшись лицом к брату, стал смотреть через его плечо в окно.

– На протяжении вот уже трех лет ты упорно стараешься заставить меня найти себе занятие, – проговорил он сквозь зубы. – Отчего же сегодня ты протестуешь против моей поездки в Воксхолл?

– Сейчас мне трудно все объяснить, Роберт, и к тому же я крайне не хотел бы портить тебе настроение. Прошу тебя, останься сегодня дома, для моего спокойствия...

– Боюсь, это просто невозможно. – Роберт усмехнулся. – Так что не стесняйся и скажи, что все-таки происхо-

дит. Подозреваю, что одним из проявлений всего этого стало оскорбление, нанесенное мне час назад Уолтером Фенгроувом из окна его кареты. Этот, с позволения сказать, джентльмен обозвал меня изменником!

Тристан побледнел.

– Он посмел... Черт побери!

– Можешь не продолжать, я уже и так обо всем догадался.

Произошла некая утечка информации из штаба Королевской конной гвардии, и виновным в этом объявили меня.

– Некоторые действительно так думают, но это ведь неправда!

– Я знаю, что это неправда, – нахмурился Роберт. – Вот только почему они так думают?

Тристан принялся нервно ходить по комнате из угла в угол, потом остановился и, посмотрев на Роберта, со злостью выкрикнул:

– Они так думают, потому что какой-то идиот пустил слух, будто ты побывал в тюрьме Шато-Паньон. А всем известно, что в этой тюрьме в живых остается лишь тот, кто согласится на предательство своей страны!

Роберт был настолько потрясен, что даже потерял способность мыслить и лишь неподвижным взглядом смотрел на старшего брата.

Гробовое молчание окутало все вокруг. Так продолжалось не менее минуты. Потом способность думать вернулась к Роберту. Боже! Ведь именно он стал тем идиотом, о котором

только что сказал Тристан! Он сам своими рассказами о замке Шато-Паньон дал пищу нелепому мерзкому слуху о своем предательстве, и теперь это убивало его в глазах общества!

– Это смешно! – продолжал Тристан. – И я найду того лжеца, который распустил омерзительный слух, – найду и выбью из него признание, чего бы мне это ни стоило!

– Но я действительно был пленником в тюрьме Шато-Паньон! – оборвал его Роберт, перейдя на шепот.

Неожиданное признание несколько охладило эмоции Тристана, и он также перешел на шепот:

– Да нет же, ты там не был. И не наговаривай на себя! Право, не знаю, зачем ты это делаешь?

– Я соглашусь с твоим утверждением, если ты сумеешь это доказать!

– Роберт!

– Постой! Даже несмотря на то, что я побывал там, как я мог разгласить какие-то секретные документы из штаба Королевской конной гвардии? Уж не говоря о том, что вынести их из штаба у меня не было никакой возможности, ибо там я точно никогда не был! Все это тебе отлично известно, как и то, что глупо подозревать, будто я выдал какую-то государственную тайну – по своему очень невысокому положению в армии знать таковую я тоже не мог!

– Все это так, но все же некто пронюхал о том, что ты бывший пленник Шато-Паньон...

Где-то в глубине души Роберт знал, кто это мог быть. Его

предала она... Она сделала это как раз тогда, когда он стал ей доверять и перед ним снова забрезжил свет... А еще она притворялась невинной и заботливой по отношению к нему, даже сбитой с толку, когда чуть ли не все мужчины вокруг начали приклеивать к нему ярлыки предателя и трубить об этом.

Роберт выпрямился и посмотрел в глаза Тристану:

– Извини, но мне надо идти по делу!

– Нет, Роберт! Ты никуда не пойдешь, пока не объяснишь мне все до конца. Каким образом кто-то еще мог узнать эту историю, если ты даже не посвятил в нее свою семью?

Роберт плотно сжал губы, стараясь подавить растущее раздражение.

– Позже! – Сказав это, он оттолкнул Тристана, толчком ноги отворил дверь и выскочил в холл, где все еще оставались Брэдшоу и Эндрю.

Одного взгляда на лицо Роберта было достаточно, чтобы оба отступили на два шага, освобождая проход.

Раненое колено Роберта громко хрустнуло, но он уже давно привык к этой боли...

Когда Люсинда вернулась домой, генерал Баррет лично открыл ей входную дверь.

– Папа! – воскликнула она, глядя в его встревоженные глаза. – Что-то случилось?

– Пройдем ко мне в кабинет!

В кабинете генерал сел за свой рабочий стол. Люсинда хо-

тела сделать то же, но Баррет остановил ее.

– Закрой дверь! – приказал он предельно строгим голосом.

Люсинда повиновалась, после чего присела к столу.

– Все же объясни, что случилось?

– Я просил тебя не выходить сегодня из дома!

– Нет, ничего подобного ты мне не говорил! Ты только просил меня никому не рассказывать о нашем с тобой утреннем разговоре.

– Тогда почему, когда я возвращался домой, на улице меня остановили некие субъекты и начали расспрашивать, правда ли, что Роберт украл из Хорсгардза документы и передал их врагу?

Наверное, Люсинде легче было бы перенести от отца пощечину, чем услышать нечто подобное.

– Что?! – возмущенно воскликнула она. – Кто дал право кому бы то ни было говорить подобные мерзости о Роберте? Он выкрал какие-то бумаги из Хорсгардза? Какая мерзкая чушь!

Генерал грозно посмотрел в глаза дочери:

– Где, ты была сегодня утром?

– У Джорджианы, – ответила Люсинда, взвешивая про себя данное Роберту слово ничего не говорить Баррету об их разговоре и свое бесконечное доверие к отцу.

– И что же дальше?

– А еще я хотела спросить у Роберта, что он знает о замке

Шато-Паньон.

– Другими словами, ты поехала туда, чтобы наслушаться сплетен и распутить их по городу!

– Ничего подобного! Роберт никому ничего не рассказал, кроме меня, а я – никому, кроме тебя! Кстати, последнее я сделала против его желания!

– Значит, во всем виноват я, так прикажешь тебя понимать?

Люсинда отчаянно замахала на него руками, заставив остановиться.

– Прекрати кричать и спокойно объясни мне, что происходит. Тогда мы сможем наконец найти выход.

Генерал поднялся, подошел к окну и некоторое время неподвижно смотрел на улицу.

– Временами ты выглядишь слишком агрессивной, – буркнул он.

– Что ж, бывает и такое! – Люсинда нехотя улыбнулась.

– Ладно! Но поскольку ты заставляешь меня прибегать к обвинениям, то, верно, имеешь право знать кое-какие факты, которыми они вызваны.

– Я слушаю, папа!

– Во-первых, обнаружена пропажа документов из штаб-квартиры конной гвардии. Цель подобного похищения очевидна: эти бумаги могут стать ключом к операции по возвращению на французский престол Наполеона Бонапарта, что неминуемо повлечет за собой новые войны в Европе.

– Боже мой... – Люсинда почувствовала, как больно сжалось ее сердце.

Она пересела в одно из самых удобных и любимых ею кресел в отцовском кабинете.

– Пойми же, папа, Роберт никогда бы не принял участия в чем-либо подобном! Почему же его обвиняют?

– Я просто восхищаюсь твоей преданностью этому человеку и верой в него! – усмехнулся Баррет. – Но на какое-то время постарайся не проявлять внешне этих своих чувств.

– Ты не можешь думать, будто Роберт... Боже, неужели ты в самом деле допускаешь мысль, что...

– Что он рассказал тебе о Шато-Паньон? – резко спросил генерал.

В голосе его на этот раз было столько металла, что Люсинда заколебалась. В подобной обстановке защитить доброе имя Роберта было гораздо важнее, чем хранить данное ему слово. Она все объяснит ему сегодня же вечером. Впрочем, Люсинда понимала, что ей еще многое предстоит объяснять Роберту, как и услышать от него...

– Папа, – дрожащим голосом начала она. – Роберт Карроуэй не говорил мне ничего плохого. Он сообщил только, что в замке содержались пленные английские офицеры. И о том, что их били, если они пытались сказать кому-нибудь хоть одно слово... Причем Роберт не сказал мне, кто отдавал подобные приказы...

– Скорее всего это был генерал Жан-Поль Баррере – один

из руководителей службы информации при Бонапарте. Баррере – генерал, исполнительный до потери рассудка. Он способен выполнить любое, самое зверское распоряжение своего императора!

– Как ужасно! – прошептала Люсинда. – Однако я все еще не могу понять, почему именно Роберта Карроуэя считают предателем. Единственная его вина состоит в том, что после ранения он попал в эту тюрьму. Больше его обвинить не в чем! Тем не менее по городу о нем распространяются самые мерзкие слухи. Вот, например, Уолтер Фенгроув позволил себе из окна кареты обозвать его предателем!

– Послушай, до конца еще ничего не выяснено, иначе Карроуэй уже давно был бы арестован!

– Арестован? – возмущенно воскликнула Люсинда. – Папа, ты не можешь говорить это серьезно!

– Правда состоит в том, что на сегодняшний день из всех попавших в плен британцев нам известны имена только троих, содержавшихся в Шато-Паньон, – один из них пытался убить своего командира, а второго тайно отправили на остров Эльба следить за Бонапартом незадолго до его высадки во Франции. Остается только Роберт Карроуэй. К сожалению, в Хорсгардзе до вчерашнего дня никто не знал о том, что он был пленником генерала Баррере.

– До вчерашнего дня? – в ужасе прошептала Люсинда. – Так это же я рассказала тебе об этом вчера! Значит, ты...

– Тебе не следует чувствовать себя в чем-либо виновата-

той! – оборвал ее генерал. – Ты не предавала Роберта. Я сам все вычислил после разговора с тобой. Еще раньше ты рассказала мне о своем новом друге, служившем в британской армии, участвовавшем в битве при Ватерлоо и попавшем в плен к французам. А через несколько дней ты стала допытываться у меня о Шато-Паньон. Так что, сама видишь, догадаться мне не составило особого труда!

Люсинда закрыла глаза, как бы желая, чтобы весь этот допрос оказался лишь кошмарным сном. Однако, открыв их, она снова увидела перед собой строгое лицо генерала и его обвиняющие глаза.

– Но ведь ты не знаешь доподлинно, кто был этот третий! – сквозь слезы проговорила она.

– Пока еще не знаю, но надеюсь выяснить в самое ближайшее время, а до тех пор прошу тебя оставаться дома и никуда не выходить! Тебе все понятно?

– Но ведь Джорджиана моя...

– Твоя ближайшая подруга, и я это отлично знаю. Очень жаль, но тот человек, который может оказаться виновным в известном нам преступлении, станет после разоблачения заслуженно называться подлецом и мерзавцем. А поскольку не исключено, что он как-то связан с Джорджианой, то тебе на время лучше не показываться в ее доме! Боюсь также, что мы по тем же причинам не сможем сегодня присоединиться к семейству Карроуэй на празднике фейерверков в Воксхолле, равно как и в будущем участвовать в любых других светских

развлечениях, где будут присутствовать члены этого семейства и их ближайшие родственники. Все это продлится до тех пор, пока история с возможным предательством окончательно не прояснится.

У Люсинды в голове все помутилось. Ей хотелось истошно кричать о том, что никто из ее друзей не может быть предателем. Двое из братьев Карроуэй рисковали жизнями, сражаясь против войск Бонапарта, Брэдшоу потерял свой корабль, а Роберт...

Едва Люсинда успела подумать о Роберте, как в дверь постучали и на пороге появился дворецкий Боллоу.

– Прошу меня извинить, – сказал он, – но к мисс Люсинде пришли.

– Кто?

– Мистер Роберт Карроуэй.

«Он знает... – подумала Люсинда. – Знает, что я не выдержала и рассказала отцу о нашем разговоре вопреки своему обещанию хранить молчание! Знает, что именно благодаря мне стал предметом всеобщего презрения...»

Генерал Баррет вышел из гостиной и направился было к двери, но Люсинда, догнав его, повисла у него на руке.

– Папа, ведь ты сказал, что еще далеко не все ясно! – прошептала она на ухо отцу.

– Если он действительно вынес из штаба секретные документы, то все ваши обиды – сущая мелочь! – жестко ответил Баррет.

Генерал открыл дверь. На пороге стоял Роберт Карроуэй, бледный как смерть.

– Моя дочь, – заявил Баррет ледяным тоном, – сейчас не принимает гостей. Попрошу вас уйти!

Люсинда посмотрела на сжатые кулаки Роберта и испугалась, что он сейчас ударит генерала... но Роберт лишь проговорил через стиснутые зубы:

– Во всем, что произошло, вы виноваты не меньше, чем она, и все же я почти готов простить вас.

– Простить меня? – изумленно вскричал генерал. – Это за что же?

– За Байонну, – ответил Роберт. – Я попросил бы вас избавить меня от встреч с вашей дочерью, да и с вами тоже!

Он круто повернулся и вышел из дома, хлопнув дверью.

Люсинда некоторое время стояла неподвижно. Она не раз видела Роберта раздраженным, недовольным, удивленным, но по-настоящему взбешенным – впервые, и это ее не на шутку испугало.

А хуже всего было то, что именно она оказалась тому причиной...

Очень скоро Роберт убедился, что о Шато-Паньон знало гораздо больше людей, чем он думал. Действительно, было наивно полагать, что если он не станет ничего рассказывать, то проблема исчезнет сама собой.

Как только он покинул дом Барретов, то сразу же почувствовал на себе обвиняющие взгляды встречных прохожих.

При этом он понимал, что дома ситуация будет еще хуже. Обычно домочадцы спрашивали только о его здоровье, теперь же могли последовать и другие, очень неприятные для него вопросы. И они, конечно, последуют!

Роберт пригнулся к шее Толли и прошептал:

– Дружище, давай съездим кое-куда!

Казалось, умный конь с полуслова понял хозяина, потому что тут же встрепенулся и прибавил шагу.

Они выехали из города и направились на север. Там, недалеко от границы Шотландии, у него оставалось, пожалуй, единственное безопасное место – Глауден-Эбби. Это было старое, почти заброшенное владение семьи Карроуэй, от права претендовать на которое Тристан наотрез отказался два года назад. Сейчас там жили двое слуг и повар. За две последние зимы Роберт своими руками отремонтировал дом и очистил прилегающий участок.

Правда, дорога туда заняла бы у него не меньше пяти дней, но в Глауден-Эбби он мог спокойно переждать, пока уляжется весь этот скандал в столице и о нем окончательно забудут.

Вечером Роберт остановился в небольшой гостинице под зловещим названием «Дьявольский лук». Здесь он перекусил, накормил коня и дал ему отдохнуть. Роберт был вполне прилично одет, а потому никто в гостинице ни разу не бросил на него подозрительного взгляда.

Отодвинув в сторону пустую тарелку, он допил пиво и за-

думался. Мысли его были невеселыми.

Роберт думал о том, что домочадцы, не дождавшись его, догадаются, куда он мог деться, в крайнем случае спросят об этом Тристана; а уж тот, конечно, отлично знает, где можно найти своего младшего брата в сложившихся крайне опасных обстоятельствах. Эдвард, естественно, придет в ярость, но остальная часть семьи скорее всего все поймет правильно. Разве что признание Тристану о заключении в Шато-Паньон убедит их в виновности Роберта. В этом случае ему уже негде будет искать убежища...

Чем больше Роберт думал о своем положении, тем сильнее им овладевала паника. Он заказал еще кружку пива и залпом выпил ее, а затем съел еще половину цыпленка. Нет, конечно, ничего подобного не могло произойти сейчас! Он просто этого не допустит!

Обычно при всякого рода неприятностях Роберт старался отвлечься на что-нибудь, и зачастую это помогало, но только не сегодня. Сейчас он не мог думать ни о чем, кроме ужасного положения, в котором неожиданно очутился. Это уже не те ночные кошмары, которые одолевали Роберта после того, как испанские солдаты обнаружили его и передали французам. Сейчас все происходило наяву. Но что же он предпринял, чтобы вырваться из этого кольца? Да ничего. Он просто сбежал, сдался без борьбы и отказался от всякой надежды, как это уже было однажды в прошлом.

Несомненно, Люсинда проговорилась, а точнее – предала

его, как только он вышел из дома Баррета, оставив ее наедине с отцом. Но почему она так поступила? Он ведь предупредил ее, чтобы она ни в коем случае не рассказывала ничего генералу, однако она все же рассказала! Зачем? Впрочем, в конце концов, Люсинда – женщина, а понять, что движет женщиной в том или ином случае, практически невозможно!

Сейчас он, видимо, совершает очередную глупость – спокойно отсидеться в заброшенном поместье все равно не удастся. Его считают государственным преступником, предателем, а такое не забывается! Более того, позорное бегство сделает его еще более виновным, и не только в глазах общества... Ему неминуемо придется иметь дело с законом, и трусость не лучшее оправдание перед правосудием.

Итак, ему надо срочно возвращаться в Лондон и там попытаться что-то предпринять...

Роберт бросил на стол несколько монет и вышел на улицу. Вскочив в седло, он сказал, обращаясь к Толли:

– Планы переменялись! Мы возвращаемся в Лондон!

Глава 15

В ту ночь я не сомкнул глаз.

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

К моменту когда хлопающие звуки фейерверка затихли вдали, уже наступила полночь, но Люсинда все еще не могла заснуть. Ее преследовало необычное выражение лица Роберта, и она понимала, что если заснет, то ей станет еще хуже и страшнее.

Люсинда гадала, действительно ли вся семья Карроуэй уехала в Воксхолл и присоединились ли к ним Сент с Эвелин. Вспоминая Джорджиану с Тристаном, оставшихся скучать дома, она надеялась, что так оно и произошло. Роберт сказал, что тоже поедет посмотреть фейерверк, но после всего случившегося он вполне мог передумать. Несколько запоздало Люсинда вспомнила, что просила Дэра пригласить Джеффри. Словом, вечер оказался окончательно испорченным!

Чай, который Люсинда принесла с собой в спальню, уже остыл, но она все же не удержалась и стала потягивать душистый напиток из фарфоровой чашки.

Люсинда не сомневалась, что ее отец скорее всего с самого начала знал все о тюрьме Шато-Паньон, и то небольшое,

что он рассказал дочери, лишь растравило ее любопытство. Думал ли генерал, что она тут же бросится к Роберту, начнет его подробно обо всем расспрашивать и в результате станет невольной шпионкой?

Неожиданно она услышала, как стукнуло окно, выходящее в сад. Люсинда вздрогнула и в тревоге огляделась в поисках какого-нибудь предмета, способного заменить ей оружие. Ее рука непроизвольно потянулась к тяжелой хрустальной вазе, стоявшей на столе. Однако в этот момент окно распахнулась и на подоконнике выросла темная фигура.

Люсинда подняла свое необычное оружие и в следующее мгновение бросила бы его в незваного гостя, но тот проворно спрыгнул на пол и успел схватить ее за запястье. Люсинда попыталась закричать, и тут ладонь нападавшего зажала ей рот. Ваза упала на ковер и закатилась под кровать.

– Может, хватит? – прошипел ей в ухо знакомый голос.
«Роберт!» – пронеслось у нее в голове.

– Не стоит кричать, Люсинда! – все так же шепотом произнес Роберт.

Он отпустил Люсинду и уже совсем спокойно попросил:
– Прибавьте свет!

Люсинда негнушимися пальцами повернула рычажок фитиля, и комната осветилась...

– О, Роберт! – проговорила Люсинда дрожащим от волнения голосом. – Право, я не думала, что все так случится! Простите меня, пожалуйста!

– Я же просил вас не говорить отцу о нашем разговоре! Зачем вы это сделали?

– Я только поинтересовалась у отца, что такое Шато-Паньон. Когда же он спросил, от кого мне стало известным это название, я сказала, что не помню. Он очень просил вспомнить и все время повторял, что это очень важно. Наверное, это действительно так, иначе он не стал бы настаивать.

– И он не сказал, прочему это так важно для него?

– Сказал только, что это помогло бы ему распутать какой-то клубок. Я заметила, что он был чем-то очень обеспокоен, но мне еще не было известно, что замок Шато-Паньон – тюрьма!

– Кому еще вы рассказали о нашем разговоре?

– Больше никому.

Роберт опустил на стул около туалетного столика.

– Значит, все эти слухи пошли от генерала: – тихо проговорил он.

Люсинда облегченно вздохнула: наконец-то он поверил!

– Отец не мог забыть о том, что я рассказала ему все это под большим секретом. – Люсинда невольно вздохнула.

– Да. Но и вы знали, что все мною сказанное должно было храниться в глубокой тайне, и все же...

– Скажите, Роберт, почему вы так не хотите, чтобы мой отец был в курсе всего случившегося?

– Поверьте, у меня для этого есть причины, и очень серьезные, однако они не имеют ничего общего с кражей до-

кументов из Хорсгардза – в чем, в чем, а в этом я абсолютно невиновен!

– Роберт, я...

– Так или иначе, но подобные слухи распространились по всему городу. Если причиной тому были не вы, то кто, скажите? Может быть, после вашего разговора с генералом он поделился еще с кем-нибудь?

Они могли бы обсуждать эту тему всю ночь и ни до чего не договориться, но последняя фраза Роберта натолкнула Люсинду на ужасную мысль. Она испуганно посмотрела на своего собеседника и сдавленным голосом спросила:

– Роберт, уж не хотите ли вы заставить меня шпионить за родным отцом?

– Вовсе нет. Я хочу только знать, откуда поползли эти мерзкие слухи. Весьма возможно, что их распускает тот самый мерзавец, который выкрал из Хорсгардза секретные документы; а если так, то, узнав имя клеветника, мы сможем найти и преступника. – Роберт помолчал и вдруг неожиданно резко переменял тему разговора: – Люсинда, вы собирались обсудить со мной тему очередного урока для Джеффри.

– Но не сейчас же? – удивленно выгнула брови Люсинда.

– Вы хотите сказать, что сейчас, когда меня обвиняют в ужасном предательстве, не время обсуждать планы уроков по джентльменскому поведению, ведь так?

– Да. Пока вы не чувствуете себя спокойным, серьезное обсуждение занятий по светскому этикету вряд ли возмож-

но...

– Поверьте, я ни на минуту не забываю об этом. Но ведь мы с вами друзья... или уже нет?

– Наверное, мне тоже стоит задать вам этот вопрос. Если вы продолжаете считать нас друзьями, мы ими остаемся.

– Тогда почему вы уклоняетесь от обсуждения со мной плана урока для Джеффри?

– Потому что больше уроков с ним у меня не будет.

– Неужели? Или вы говорите это только для того, чтобы отделаться от меня? Понимаю – теперь быть рядом со мной небезопасно...

– Отнюдь не поэтому! Просто у меня был откровенный разговор с Джеффри – он желает получить повышение по службе и занять командное положение в колониальных войсках Британии, в Индии.

– Другими словами, Ньюком женится на вас, а генерал Баррет делает его майором, так?

– Вы угадали.

– И вас ничуть не беспокоит, что ему нет никакого дела до вас? Неужели ради него вы готовы пройти через все возможные и невозможные мытарства?

– Это вовсе не так!

Люсинда расстроено присела на край кровати. Итак, Роберт считает, что она влюблена в Джеффри, в то время как ни один мужчина не действует на нее так возбуждающе, как он сам! Естественно, он даже и не подозревает об этом.

В конце концов ей удалось взять себе в руки, и она с улыбкой посмотрела на Роберта:

– Джеффри очень нравится моему отцу. Как генералу, ему импонирует возможность породниться с лордом Ньюкомом, не в последнюю очередь потому, что ему будет приятно иметь зятем человека, которого он хорошо знает. Как видите, все объясняется очень даже просто!

– Другими словами, вы устраиваете свою жизнь как можете, – проговорил Роберт таким тоном, что Люсинда вполне справедливо могла увидеть в его словах желание ее оскорбить.

О том, что она старается получше устроить свою жизнь, Люсинда раньше никогда не задумывалась. Впрочем, даже если бы подобная мысль и пришла ей в голову, то естественное стремление женщины к комфорту не показалась бы ей преступлением. Во всяком случае, слова Роберта, несомненно, были справедливы, и Люсинда вряд ли возражала бы против этого. Она и не стала возражать, а задала Роберту вопрос, которого тот меньше всего ожидал от нее:

– Ну и что в этом дурного? В конце концов, это не ваше дело! Каждый счастлив по-своему и старается получить то, что хочет!

– Все же вы не должны этого делать! – настаивал Роберт.

– Отчего же? Мне повезло заполучить очень простой и приятный способ решения проблем для всего семейства.

– Простой? Приятный? Это с вашей-то душевной страст-

ностью и жизнелюбием вы называете подобный способ решения семейных проблем «приятным»?

Роберт стоял совсем рядом. Так что у Люсинды перехватило дыхание и бешено заколотилось сердце.

– Все остальное слишком сложно для меня! – прошептала она.

– И слава Богу! Видимо, для меня уже не остается ничего. А знаете ли вы, что бы я отдал за...

Он осекся и на несколько мгновений закрыл глаза. А когда открыл их, то в его взгляде Люсинда прочла только гнев и нечто такое, что просто не поддавалось определению, но от чего по всему ее телу пробежала лихорадочная дрожь.

– О чем вы, Роберт?

– Позвольте мне преподать вам один урок – он в высшей степени морален. Я расскажу вам об одном офицере, служившем капитаном в британской армии. Во время не очень сложной разведывательной операции батальон, которым командовал этот капитан, был окружен, все солдаты погибли. Капитан же остался в живых. Понимая, что у французов были какие-то причины пощадить его, что впоследствии могло бросить на него тень и стать причиной обвинения в предательстве, капитан стал яростно защищаться, но его оглушили ударом приклада по голове, а затем зверски избили. Капитан потерял сознание и очнулся в тесной камере, куда бросили еще шесть пленных английских офицеров. За запертой железной дверью была еще одна камера, где также находи-

лись пленники, общаться с которыми можно было, только перестукиваясь через стену. Но и это было крайне опасно: если бы стража заметила, то виновных подвергли бы жесточайшим наказаниям, а им уже и так доставалось чуть ли не ежедневно. На протяжении семи месяцев капитан наблюдал, как его товарищей по несчастью водили на допросы, их подвергали нечеловеческим истязаниям, пытаясь выбить важные для французов сведения. Большинство из них держались стойко – тогда их убивали. Другие не выдерживали мучений и что-то говорили, их показания записывались, а давших показания тоже убивали. Другими словами, ни у тех, ни у других не было никакого выбора, кроме смерти – либо от истязаний, либо от пули. Неудивительно, что, когда капитан рассказывал мне эту историю, он был до смерти запуган, и рассказал он мне далеко не все. Очень скоро я стал замечать, что он боится меня, боится, что я донесу на него французам и его расстреляют... Поверьте мне, Люсинда, после того как тот несчастный отдалился от меня, я стал желать смерти и даже хотел покончить с собой.

Люсинда в ужасе попыталась закрыть уши ладонями, чтобы не слушать далее эту ужасную исповедь, но Роберт схватил ее за обе руки.

– Прошу вас, остановитесь! – шепотом умоляла она. – Я не могу больше слушать эти ужасы! Боже мой, вы хотели убить себя!

– Убить себя? Так я уже почти это сделал! Я просто не мог

более выносить всего, что творилось в стенах Шато-Паньон! Как-то раз, когда охранники стали водворять меня обратно в камеру после очередного допроса, я кинулся на одного из них, выхватил из его ножен кинжал и попытался поразить им стоявшего рядом коменданта. Если бы это удалось, то меня бы расстреляли на месте, а как раз этого я и добивался. Один из охранников успел несколько раз в меня выстрелить, и я упал, но раны оказались несмертельными. Однако поскольку я упал навзничь около стены, меня посчитали мертвым. Посоветовавшись, французы перебросили меня через стену. По счастью, я упал на траву. Когда стемнело, я пополз в лес, подходивший почти к самому замку, но, обессилив от потери крови, дополз только до ближайшей полянки, где перевернулся на спину и стал ждать смерти.

Люсинда почувствовала, как по ее щекам потекли слезы.

– Боже мой! – пробормотала она, сжимая пальцы Роберта.

Лицо Роберта было в нескольких сантиметрах от ее губ – серое, измученное, постаревшее. Люсинда некоторое время смотрела в его несчастные глаза, потом обняла за шею и поцеловала.

– Я никогда не верила, что вы могли сделать подлость! – шептала она, покрывая поцелуями щеки, лоб, глаза Роберта, стараясь крепче прижаться к нему.

Неожиданно Роберт отстранился и тяжело вздохнул:

– Увы, это еще не все. Я чувствовал себя умершим все последние три года и лишь недавно подумал, что мог бы стать

полезным вам, Люсинда. Предполагается, что я мертв, и я действительно почти стал мертвецом... Знаю, это угнетает мою семью, заставляет ее страдать...

– Но ведь на самом деле вы живы!

– Вряд ли... Каждое утро, с которого начинается очередной мой день, мне кажется чудом. Что же касается вас, то тут не стоит лукавить! Вы не можете выйти замуж за Джеффри Ньюкома только потому, что это представляется вам самым простым и приятным решением проблем. Неужели вы этого и в самом деле не понимаете?

– А что плохого вы находите в простоте и приятности?

– То, что это не мир и не спокойствие, а всего лишь мель, на которой можно отсидеться. Для вас простота и приятность в данном случае означает отсутствие огорчений или каких-то неожиданных тревог и потрясений...

– Нет, совсем не так! Например, простота составляет немалую долю счастья в моей жизни.

– Вы лжете!

– Ничуть.

Роберт нагнулся и вновь припал к ее губам. В значении этого нового поцелуя Люсинда уже не сомневалась. Она небезразлична Роберту. Конечно, Люсинда знала, что сможет вовремя остановить его, если захочет, но в этот момент меньше всего желала это сделать. Смерть, видимо, уже заняла большое место в его душе, а ей только еще предстояло вселиться туда, постараться вытеснить свою страшную

соперницу и оживить душу Роберта.

Вкус его горячих губ заставил сердце Люсинды учащенно биться. Кончиком языка Роберт провел по тыльным сторонам ее зубов. Потом ловкие пальцы осторожно освободили ее волосы от лент и нежно пригладили рассыпавшиеся локоны.

Ладони Люсинды проникли под его куртку, изящные женские пальцы расстегнули пуговицы, а тонкие руки с неожиданной силой стянули с Роберта куртку и бросили на пол. За курткой туда же полетела белая шелковая рубашка. Люсинда даже не почувствовала, как руки Роберта расстегнули и сняли ее блузку и принялись за нижнюю рубашку. Через несколько секунд все это тоже лежало на полу.

Ладони Роберта легли на очаровательные полушария грудей Люсинды и крепко сжали их, а она всем своим телом прикинула к нему.

Роберт поднял Люсинду на руки и перенес на расстеленную кровать, которую она приготовила для себя...

– Скажи мне что-нибудь! – прерывистым шепотом попросила Люсинда, впервые перейдя на ты.

– Ты прекрасна... Бесподобна... Теплая, нежная... Боже, я просто не верю, что все это происходит наяву!

– Ты понимаешь, что это означает?

– Что?

– А то, что ты не умер и, судя по разгорающемуся темпераменту, умирать не собираешься!

Роберт застонал и покрыл поцелуями обнаженное тело Люсинды. Его ладони скользнули вниз, мягко провели по курчавым волоскам...

– Боже! – простонал он. – Как давно я этого не делал!

– А я так вообще никогда!

Роберт изумленно посмотрел на Люсинду:

– Неужели?

– Представь себе. А теперь признайся: ты хочешь меня?

– Безумно! А ты?

– Мне кажется, что не меньше!

– Тогда...

Осторожно, нежно Роберт проникал в ее плоть. Люсинда только на мгновение почувствовала острую боль...

...Пик страсти миновал. Они еще долго неподвижно лежали рядом, с трудом приходя в себя. Наконец Роберт поднялся, сел на край кровати и с сожалением проговорил:

– А теперь я должен уйти.

Люсинда хотела было запротестовать, но взглянула на обнаженную спину Роберта и с ужасом увидела, что вся она покрыта шрамами. Некоторые из них тянулись снизу вверх почти до шеи. Было совершенно очевидно, что получены они совсем недавно.

– Тебя истязали кнутом? – Она осторожно провела ладонью по его спине.

От этого прикосновения Роберт вздрогнул и прошептал:

– Не только кнутом. Всем, что только попадалось под ру-

ку. Последним, кто видел эти шрамы, был Тристан, когда помогал смазывать их – тогда они еще не до конца зажили. С тех пор я не раздевался в чем-либо присутствии.

Люсинда не разрыдалась, не упала в обморок и не отвернулась, но Роберт понимал, что представляет собой весьма жалкое зрелище.

– Мы расследуем все случившееся, – убежденно сказала Люсинда, – и обязательно найдем настоящего виновника. Тогда все мерзкие слухи прекратятся и твоя репутация вновь будет восстановлена.

– Но сперва и с моей стороны необходимы еще кое-какие шаги.

– С нашей стороны, – поправила его Люсинда.

– Я шел сюда сегодня не для того, чтобы просить тебя о помощи! – воскликнул Роберт. – И сам не должен допустить; чтобы моя семья была разбита слухами о том, будто бы я пытался покончить жизнь самоубийством! Прошу тебя ничего больше не говорить своему отцу! Обещай мне.

– Обещаю!

– Надеюсь, что на сей раз ты сдержишь свое слово?

– Сдержу!

Люсинда стояла перед Робертом, стройная, красивая, с роскошными распущенными волосами и обнаженной высокой грудью. Он почувствовал, что снова желает ее. И еще он хотел сказать ей, что она стала для него маяком будущего, его надеждой, всем смыслом жизни. Но Роберт понимал,

что сейчас должен уйти, потому что так будет лучше для них
обоих!

Глава 16

*Так закончился этот памятный день,
определивший всю мою дальнейшую судьбу.*

Виктор Франкентейн

(М. Шелли «Франкентейн»)

Едва Роберт, вернувшись домой, проскользнул в холл, как почувствовал, что там кто-то есть. В следующий момент чья-то ладонь легла ему на плечо.

– Уходи! – со злостью выкрикнул он, узнав Тристана по запаху его любимого мыла.

– Эндрю и Шоу упаковывают вещи в дорогу, – спокойно, не обращая внимания на резкий тон младшего брата, произнес Тристан. – Ты ведь знаешь, что они уезжают в Шотландию.

Несмотря на мягкие, почти вкрадчивые интонации Тристана, его лицо оставалось угрюмым и неприветливым. Роберт тяжело вздохнул. Уходя от Люсинды, он надеялся на более теплую встречу со старшим братом, однако теперь ему стало ясно, что ничего в их жизни и отношениях не изменилось.

– Я хочу спать! – пробурчал он.

– Нет. Сначала ты должен пойти вместе со мной к Джорджиане, – непререкаемым тоном заявил Тристан. – Она не

спит, как, впрочем, и никто из нас. Около нее сейчас дежурит горничная.

Чувство удовлетворения и спокойствия мгновенно покинуло Роберта. Он с тоской подумал, что постоянная тревога и непонятный страх, преследовавший его все последние месяцы, отнюдь не рассеялись после визита к Люсинде и их неожиданной близости.

– Как она себя чувствует? – спросил он Тристана.

– Более или менее сносно. А вот ты... Ты когда-нибудь перестанешь исчезать куда-то, не сказав никому ни слова?

– Я же сообщил тебе, что поехал по делу! – раздраженно ответил Роберт, остановившись на первой ступеньке лестницы.

– С тех пор прошло больше пятнадцати часов! Если ты будешь и впредь постоянно исчезать неведомо где, то это вызовет дополнительные неприятные слухи. В конце концов дело кончится тем, что ты разоришься, потому что никто уже не сможет тебе доверять!

– Но, будучи моим близким родственником, ты тоже разоришься. Моя подмоченная репутация неумолимо скажется и на твоей, тем более если ты начнешь распространять слухи о финансовой несостоятельности, постигшей меня после возвращения из тюрьмы. Что ж, можешь попробовать!

Тристан снова крепко схватил Роберта за плечо и круто повернул его лицом к себе, чуть не столкнув с лестницы.

– Ты мой брат! – прошипел он в лицо Роберту. – Пойми,

что ни я, ни кто-либо еще из нашей семьи не хочет от тебя дистанцироваться, хотя... хотя в случае твоего бегства всех нас ждет полное разорение! Подумай об этом в следующий раз перед тем, как выкинуть очередной фортель.

Роберт долго смотрел в глаза Тристана и наконец мрачно произнес:

– Я не сделал никому ничего дурного!

– Знаю. Как знают и все члены нашей семьи.

– Но зато остальной Лондон в это не верит! Не надо пытаться выглядеть благородным – тебе и особенно Шоу лучше держаться от меня на расстоянии.

– Если ты непременно этого хочешь, то нам следует серьезно обсудить все, но чуть позже – сейчас не время и не место для подобного разговора. Пойдем!

– Куда?

– К Джорджиане.

Джорджиана сидела на кровати, обложенная большими подушками, и что-то читала.

– Роберт! – улыбнулась она. – Как ты себя чувствуешь?

– У меня все хорошо! Извините за то, что расстроил вас.

– Подойди ближе! – потребовала она, вытянув вперед обе руки.

Роберт неохотно повиновался и позволил Джорджиане обнять себя, а потом и смачно чмокнуть в щеку. К его удивлению, он не почувствовал никакого дискомфорта и даже поспешил вернуть поцелуй, хотя и не так громогласно.

– И где же ты был? – поинтересовалась Джорджиана. Роберт услышал за спиной шарканье подошв и понял, что это братья толпой ввалились в гостиную, причем Шоу и Эндрю были одеты в костюмы для верховой езды.

– Катался верхом, – ответил он Джорджиане, разумеется, скрыв, что произошло с ним на самом деле.

– Катался? Где? – спросил Эдвард. Шоу обнял младшего брата за плечи.

– Иди навверх и поспи еще немного, – ласково сказал он Эдварду. – Здесь все в порядке!

– Нет, не все! – запротестовал тот, сбросив с плеча руку брата. – Роберт уезжал, а куда – никто не знает! Я заметил, что это всех встревожило! Ну, куда ты ездил, говори!

– На север. Я подумал, что в Глауден-Эбби жизнь, возможно, спокойнее, чем в столице.

– Но ведь ты вернулся! – заметил Тристан.

Роберт пожал плечами:

– Я уехал, поскольку устал от беготни, и не вижу в этом ничего предосудительного. А вернулся, решив, что здесь скорее смогу противостоять некоторым распускаемым обо мне слухам.

– Если у тебя хватит на это сил и терпения! – фыркнул Тристан. – Ну а теперь, коль скоро мы все собрались вместе, давайте дадим отдохнуть Джорджиане – наверняка она хотела бы поспать. Нам надо выработать какую-то новую стратегию поведения, но мы вернемся к этому завтра.

Роберт подумал, что предложение Тристана имеет смысл, и согласно кивнул.

Все его братья отправились спать; значит, есть надежда, что наутро, хорошо выспавшись и отдохнув, они смогут наконец додуматься до того, кто же все-таки был подлинным виновником кражи в Хорсгардзе, – тогда в обществе перестанут связывать это преступление с ранением Роберта и последующим пребыванием его в тюрьме Шато-Паньон. Это вполне устраивало бы Роберта, если бы... если бы не... Люсинда. Люсинда Баррет и эти ее чертовы матримониальные планы в отношении лорда Джеффри Ньюкома!

Вернувшись к себе в комнату, он быстро разделся и юркнул в теплую уютную кровать. И тут же почувствовал запах Люсинды, совсем недавно лежавшей рядом...

На сей раз Люсинда спустилась вниз чуть раньше отца, поэтому успела быстро позавтракать и проскользнуть в сад к клумбе с розами. В значительной мере это объяснялось тем, что она фактически не спала ночь. Об этом Люсинда не хотела говорить ни отцу, ни кому-либо еще. Об этом, а тем более о причинах своей бессонницы.

Люсинда и раньше получала предложения как о законном замужестве, так и о греховном сожителстве и решительно отклонила те и другие, как по причине полного равнодушия к браку вообще, так и к тем, кто такие предложения делал. Однако Роберт ее заинтересовал, даже еще более – заинтриговал.

Вспоминая сильное, красивое тело Роберта в своей постели, ощущая проникновение его возбужденной плоти, она почувствовала, как кровь начинает закипать в ее жилах, а колени подгибаться. И тут она невольно подумала о резко враждебном отношении к Роберту ее отца.

Генерал как-то уже сказал ей, что кто бы ни похитил секретные бумаги из Хорсгардза, этот человек – отъявленный негодяй, подлец и мерзавец, а значит, именно таким выглядел Роберт Карроуэй в глазах общества, которое возлагало на него всю вину за кражу. Правда, сама Люсинда отнюдь не разделяла подобного мнения, и все же независимо от того, простил Роберт ей предательство или нет, она потеряла его доверие и позволила мерзким слухам распространиться по городу. Одновременно стало известно, что Карроуэй попал в Шато-Паньон, и, разумеется, все тут же связали этот факт с похищением секретных документов. Так предательство Роберта, по мнению очень многих, стало очевидным.

Возможно, Роберт мог бы опровергнуть самые худшие из слухов признанием о том, сколько страданий пришлось ему перенести в тюрьме и как получилось, что именно его все-таки выпустили, а остальных расстреляли. Но он опасался, что правда окажется для него не менее губительной, чем ложь. Конечно, обстоятельства, в которых оказался Роберт, были экстремальными, но аристократическое общество британской столицы не смогло этого понять. Гораздо легче было обвинить Карроуэя в измене. В светских гостиных твердили

только одно: как мог английский солдат, выросший в благо-
родном, знатном семействе, попытаться покончить с собой,
вместо того чтобы воевать против Наполеона?

Хотя Люсинда рассказала отцу о том, что пришлось пере-
жить Роберту в Шато-Паньон, генерал никогда не предал бы
дочь, если бы речь не шла о безопасности страны. Послед-
нее было для Баррета очень важно. Конечно, он поделился
с кем-то в Хорсгардзе теми сведениями, которые стали ему
известны. Он и не мог поступить иначе, поскольку считал
это своим долгом.

Стоя в задумчивости около клумбы роз, Люсинда не за-
метила, как Баррет вышел из дома и остановился у нее за
спиной.

– Проклятие! – проговорила она, отвечая на свои горькие
мысли.

– Надеюсь, ты не укололась? – озабоченно спросил гене-
рал.

Люсинда обернулась.

– Я? – растерянно переспросила она. – Нет... Просто этот
проклятый бриз высушил лепестки роз, вот и все! А почему
ты решил, что я укололась?

– Во-первых, потому что ты вслух выругалась, чего я рань-
ше никогда за тобой не замечал. А потом, ты выглядишь
очень усталой.

– Я плохо спала этой ночью.

– Из-за Карроуэев, не так ли? И из-за Джорджианы. Кста-

ти, сегодня мы снова встретимся с Джеффри и постараемся составить более полный список лиц в Лондоне, симпатизирующих Бонапарту. Ты, как всегда, будешь вести протокол. Кстати, надо будет занести в него и тот факт, что Роберт Карроуэй был взят в плен. Это может помочь...

Люсинда резко повернулась и посмотрела в глаза отцу:

– Но ты даже толком не знаешь, кто попал в плен, а уже на основании непроверенной информации и только потому, что Роберт был в плену, готов обвинить его во всех смертных грехах, вплоть до государственной измены!

– Согласись, что пока я ничего подобного не сделал...

– Но я никому не сказала того, в чем призналась тебе! Никому! Ты же все рассказал кому-то из своих людей. Ты полностью доверяешь этому человеку?

Генерал медленно опустился на каменную скамейку, стоявшую за его спиной.

– Вот оно что. Ты хочешь обвинить меня в предательстве, которое сама же и совершила!

– Н-нет! Не знаю... Может быть, и так! Но я верила, что если на свете и существует благородный человек, которому можно смело доверить любую тайну, то этот человек – ты! Как я ошиблась! Если бы ты только видел, как он разозлился...

«И каким выглядел одиноким, покинутым...» – подумала она про себя.

Люсинда почувствовала, как крупная слеза скатилась по

ее щеке, и машинально смахнула ее тыльной стороной ладони.

– Поверь, дорогая, это расследование нужно произвести очень скрупулезно и до конца. Если окажется, что Роберт Карроузэй невиновен, ты можешь извиниться перед ним или же сказать ему и Джорджиане, что плохо себя чувствовала, а потому и не была на празднике фейерверков в Воксхолле. Если же он виновен, то тебе не надо будет ничего объяснять.

– Он невиновен, папа, и не надо на него зря наговаривать!

– А вот я в этом не уверен. Хотя, конечно, ты лучше знаешь этого человека. Кстати, кто в полку был его командиром?

– Понятия не имею. Не думаю, что Роберт захочет говорить со мной об этом, так что перестань меня допрашивать. Я понимаю, что доставила всем немалые неприятности, но обещаю впредь этого никогда больше не делать!

Несколько секунд генерал сидел молча; Люсинда же делала вид, будто срезает с роз засохшие побеги. Она думала о том, что совершенно неожиданно и против собственного желания стала своего рода доносчицей. Это было ужасно! Более того, она переспала с человеком, подозреваемым в преступлении, причем обещала, в свою очередь, уже его информировать обо всем, что может стать ему полезным.

Генерал поднялся со скамейки.

– Джеффри передал мне записку, – со вздохом сказал он. – Не думаю, что ты отблагодарила его за подаренную коробку

шоколадных конфет. Но несмотря на это, он просит разрешить ему сегодня сопровождать тебя на вечер в Хестерфилд.

– Напрасно. Я туда не поеду. Не хочу больше слышать этого отвратительного ворчания и очередных сплетен!

– Нет, ты поедешь! Ты не должна превращаться в затворницу только потому, что кто-то из твоих друзей, возможно, совершил проступок или же подозревается в этом...

– Но пойми же, папа, там будут Джорджиана и Тристан, а ты сам просил меня пока держаться подальше от них. Правда, я не совсем понимаю почему.

– Если они слышали все эти слухи и сплетни – а я уверен, что так оно и есть, – то, не будучи дураками, сразу догадаются, почему ты уклоняешься от встреч.

– Не ты ли всегда призывал меня твердо придерживаться своих убеждений?

– Верно! Но на этот раз я бы просил тебя прислушаться к моим словам. Не исключено, что виновник всего происшедшего фактически хочет развязать новую войну.

– Но это мои друзья!

– Люсинда, я не позволю тебе спекулировать на том, что может случиться, так же как не позволю лгать самой себе! Да, в результате всей этой истории ты можешь лишиться кого-то из друзей, я не в силах этого предотвратить. Но ты пока еще не совершила ни одного ложного шага; тем более я не хотел бы, чтобы такое произошло сейчас или в обозримом будущем!

Люсинда подумала, что все же совершила один ложный шаг, но сейчас речь шла не о том. Генерал, будучи стратегом и лицом весьма высокопоставленным, гораздо больше значения придавал самой информации, нежели источнику, из которого она получена. Что ж, коль скоро она ввязалась в эту игру, то должна ее продолжать!

Люсинда посмотрела на генерала и с усмешкой сказала:

– Думаю, что уже сам генерал Веллингтон знает обо всем!

– Он, разумеется, осведомлен о проблеме, – возразил Баррет, – но вряд ли в его распоряжении имеются сведения о конкретных участниках дела. К тому же на сегодняшний день только пять офицеров высокого ранга занимаются расследованием, и они доложат Веллингтону результаты, когда таковые будут получены.

Итак, пять человек будут расследовать дело Роберта, и ее отец среди них. За него Люсинда могла бы поручиться, вот остальные четверо... Где гарантия, что они не разнесут то, до чего докопаются, по всему Лондону?

– Как все это ужасно! – чуть слышно проговорила Люсинда.

– Гораздо ужаснее то, что находятся люди, пытающиеся освободить Бонапарта и тем самым положить начало новым кровопролитиям! – парировал Баррет. – Понимаю, что тебе предстоит пережить несколько весьма неприятных дней, поэтому сегодня поезжай в Хестерфилд и постарайся развлечься! Лорд Джеффри очарован тобой, и, если я не ошибаюсь,

тебе он также нравится. Послушайся моего совета и подумай немного о себе. В будущем никто не обвинит тебя в происходящем сегодня. Дело может даже обернуться так, что тебя станут называть героиней.

– Но я не хочу быть героиней! Всю славу и заслуги ты можешь оставить себе. А мне надо закончить обработку роз.

– Так я сообщу Джеффри о твоем согласии?

Люсинда кивнула, поняв, что спорить с отцом сейчас все равно бесполезно. Совершенно очевидно, что генерал считал свою дочь преданным солдатом отечества и ждал от нее выполнения соответствующего долга. Что ж, ей придется поехать на этот вечер. По крайней мере в обществе лорда Джеффри ей не будет совсем уж одиноко, а может быть, она даже увидит Роберта, и он поймет, что у него там есть союзник...

Люсинда и Джеффри появились на балу в Хестерфилде с традиционным аристократическим опозданием. Такое опоздание было намеренным, поскольку согласно существующему светскому этикету о приезде опоздавших никогда громко не объявлялось, и это давало Люсинде возможность остаться незамеченной.

– Итак, мы пропустили первые два танца, – заметил Джеффри, стоя рядом с Люсиндой и одновременно кивая знакомым в зале.

– Надеюсь, вы извините меня, – ответила она, старясь по возможности спрятаться за широкую спину лорда.

– Вам не стоит извиняться – небольшое опоздание на бал считается обычным делом и даже вносит некоторую интригу, давая почву для сплетен и всякого рода кривотолков в адрес опоздавших, так что это в порядке вещей. К тому же я успел провести несколько приятных минут, беседа с вашим отцом.

– Вот так? И что же вы от него узнали?

– Пока ничего нового. Просто он сказал, что все эти мерзкие слухи сильно вас расстроили.

Люсинда нахмурилась. Она уже давно поняла, что генерал Баррет не прочь сделать лорда Ньюкома своим зятем, но к чему подобная откровенность на великосветском балу?

– А еще что он вам поведал? – не скрывая раздражения, спросила Люсинда.

– Всего лишь попросил передать вам просьбу держаться подальше от семейства Карроуэй.

«Пошел бы он подальше с подобными просьбами!» – зло подумала Люсинда и хмыкнула:

– Это его желание, а никак не мое! И не надо больше говорить об этом!

– Я хотел предложить вам то же самое, тем более; что нынешняя неожиданная активность Роберта после довольно странного поведения на протяжении нескольких последних лет вызвала, насколько я понимаю, раздражение у остальных членов его семьи. Ему определенно следует быть осторожнее.

– Пока еще ничего не доказано! – резко ответила Люсинда. – И вообще, может быть, нам лучше поговорить о чем-нибудь другом?

– Ну конечно, дорогая! Но мне кажется, что вам, дочери известного и всеми уважаемого военачальника, могут быть известны факты, которые нельзя игнорировать.

– Я была бы предельно рада сама познакомиться с этими фактами, вот только пока не знаю ни одного из них!

– Ваша преданность друзьям вызывает восхищение, и все же я настаиваю на том, чтобы вы держались подальше от некоторых из них!

Люсинда нахмурилась и процедила сквозь зубы:

– Слышите, играют котильон? Пойдемте лучше танцевать.

В центре зала собралось много народу, и Люсинда облегченно вздохнула: здесь было не так трудно затеряться и укрыться от любопытных взглядов. Зато и сама она из-за кружившихся вокруг роскошных бальных платьев не могла никого разглядеть. Правда, Джорджиана в ее теперешнем положении вряд ли могла отдать должное даже самому медленному танцу, но ведь здесь находилось еще трое мужчин, представлявших семейство Карроуэй, которые могли бы танцевать на балу, и это не считая Роберта. Правда, после всего, что выяснилось накануне, вряд ли кто-нибудь из высшего света захочет с ним встретиться, а уж о том, чтобы заговорить, просто не могло быть и речи! И естественно, ни одна дама не согласится с ним танцевать!

Джефффри поймал ищущий взгляд Люсинды и сразу все понял.

– Их здесь нет! – шепнул он ей на ухо. – Они даже не соизволили прийти вчера на праздник фейерверков.

– Неужели никого из них там не было?

– Нет.

– По-видимому, вчера что-то произошло...

– Возможно, что и так.

Танец окончился, и пары вновь расселись вдоль стен. Люсинда обвела взглядом зал и вдруг увидела Сента и Эвелин, сидевших недалеко от двери. Эвелин тоже увидела Люсинду и тут же подбежала к ней.

– Дорогая! – воскликнула она, хватая Люсинду за руки. – Ты слышала?

– Да, – спокойно ответила Люсинда, отодвигаясь подальше от Эвелин.

Когда к ним подошел Сент, Люсинда подумала, что он, вероятно, больше всех знает о происшедшем. Во всяком случае, так ей казалось.

– Простите нас за то, что мы с отцом не поехали вместе с вами на праздник фейерверков в Воксхолле, – поспешно извинилась она. – Папа вчера очень плохо себя чувствовал...

– Я отлично понимаю генерала – он все последние дни был по горло занят этим ужасным расследованием. Кстати, вы не знаете, подозревают ли кого-нибудь в краже секретных бумаг?

Неожиданно в разговор вмешалась Эвелин:

– Сент, Люсинда не может тебе ничего об этом рассказать, даже если что-то и знает, не правда ли, Люси?

– Действительно, не могу. Скажу лишь, что отец делает все, что в его силах, дабы распутать этот клубок.

– Мне кажется, уже при возникновении первых слухов Джорджи должна была нас предостеречь – ведь Роберт может оказаться среди подозреваемых! – тихим голосом добавила Эвелин. – Правда, вчера я еле сдержалась, чтобы не заткнуть рот Мелисс Мильтон, когда она упомянула его имя. Кстати, мы, возможно, могли бы задержать его заключение в тюрьму до окончания судебного разбирательства, но ведь никто из нас практически ничего не знал!

Люсинда почувствовала, что ей становится трудно дышать, хотя она и старалась казаться спокойной. Она была готова провалиться сквозь пол.

– Семейство Карроуэй, возможно, тоже было крайне удивлено всем случившимся, – с трудом проговорила она. – Ведь Роберт никому ничего не сказал.

– Ну, положим, кому-то он все же кое-что сообщил! – возразил Сент. – И если он действительно содержался в Шато-Паньон, я не уверен, что стал бы осуждать его за это. Даже если Роберт и был замешан в краже документов из Хорсгардза...

– Он не был в этом замешан! – горячо запротестовала Люсинда.

– Не сомневаюсь, что судьи должным образом оценят твою поддержку. – Сент усмехнулся.

Люсинда отвела взгляд в сторону и вздрогнула – к ним подходили Тристан под руку с Джорджианой, Эндрю и Брэшоу. Она также с удивлением увидела мрачно шествовавшего между ними Роберта. Выражение лиц у всех было довольно безрадостным.

Люсинде вдруг захотелось броситься к Роберту, повиснуть на его шее, почувствовав тепло и сладость его губ. Она даже покраснела при этой мысли, тем более что отлично понимала – невозможно сейчас вот так просто отойти не только от Роберта, но и ото всех остальных...

В этот момент Роберт повернул голову и посмотрел на Люсинду. Прошлой ночью он, как показалось Люсинде, не слишком охотно покинул ее постель. Но если она не могла забыть, как предала его, рассказав отцу об их конфиденциальном разговоре, то как мог он отнестись к этому?

– Пожалуй, нам стоит подойти к ним, – сказала супругу Эвелин; оба тут же встали и присоединились к родственникам.

Люсинда хотела было последовать за ними, но Сент обернулся и тихо произнес:

– Наверное, тебе лучше остаться здесь... Пойми, твой отец непосредственно занят в расследовании дела о похищении бумаг, и, если тебя заметят рядом с Робертом, это может скомпрометировать генерала.

– Сент прав, – кивнула Эвелин. – Оставайтесь здесь, Люси.

А Джорджиане я все объясню!

– Нет! – решительно ответила Люсинда. – Я не желаю терять друзей в угоду мерзким слухам!

Люсинда хотела было перейти через зал и присоединиться к лорду Обину, его жене и всем остальным, но кто-то мягко взял ее за локоть.

Обернувшись, она увидела Джеффри.

– Не делайте этого! – прошептал он, подводя Люсинду к столу с закусками.

– Разве мой отец поручил вам следить за мной? – раздраженно спросила она, жестом руки отказываясь от бокала шампанского.

– Да, мистер Баррет просил меня опекать вас и не отпускать далеко от себя. Но я ведь и сам интересуюсь вами – мне далеко не безразлично отношение общества к вашему отцу. Естественно, я не хотел бы допустить, чтобы вы скомпрометировали как себя, так и генерала Баррета!

Люсинда глубоко вздохнула. Джеффри по крайней мере был честен с ней.

– Все знают, что мы с Робертом друзья, – ответила она. – А то, что меня заставляют уклоняться от встреч с ним, лишь еще больше накаляет обстановку в обществе, в то время как даже небольшой разговор с ним на светском рауте может, пусть немного, разрядить ее.

– До тех пор пока этого калеку не арестуют и слухи о том,

что именно он выкрал секретные документы из Хорсгардза, не получат нового направления, все станут судачить о том, будто бы именно благодаря вам и генералу Баррету ему удалось проникнуть в штаб. Поймите, Люсинда, на карту сейчас поставлено ваше душевное спокойствие, ни больше ни меньше!

– Я отлично понимаю это, Джефффри, но на карту поставлено не только мое душевное спокойствие, но и мои отношения с друзьями, и более того – их доверие!

Джефффри взял руку Люсинды и поднес к губам:

– Вы нужны мне, дорогая, и поэтому я прошу вас не впускаться в этот мерзкий скандал!

– Увы, уже поздно! Боюсь, что...

– Мисс Баррет, – донесся до них чей-то голос. – Вас уже пригласили на вальс?

Люсинда повернула голову и увидела Роберта, стоявшего в двух шагах от нее. Выражение его лица было по-прежнему мрачным, но Люсинда понимала, что Роберт просто испытывает ее, желая убедиться, пойдет ли мисс Баррет с ним или публично от него откажется.

– Да, ее уже пригласили, – резко отреагировал Джефффри. – А вам я бы посоветовал пойти домой, чтобы не вызывать всеобщего возмущения своим присутствием!

Бездонные небесно-голубые глаза встретились с зелеными и раздраженными.

– Разве Люсинда ваша собственность, Ньюком, – очень

тихо сказал Роберт, – и не может сама принять или отклонить мое предложение?

Люсинда посмотрела сначала на дьявола Джеффри, затем на ангела Роберта и сказала с обворожительной улыбкой:

– Ну конечно, я буду танцевать вальс с вами, Роберт!

Он протянул ей руку, и они закружились по паркету.

Лишь через несколько мгновений Люсинда заметила, как притихли все в зале.

– Не ожидала вас здесь увидеть! – шепнула она, стараясь не обращать внимания на то, что, несмотря на множество танцующих пар, вокруг них с Робертом сохранялось пустое пространство. Она подумала, что, если бы здесь был генерал Баррет, он непременно пришел бы в ярость, увидев свою дочь, вальсирующую с человеком, подозреваемым в государственной измене. Ему, конечно, расскажут об этом, и впереди ее ждет неприятный разговор с отцом, но все это будет потом. А сейчас для Люсинды существовал только Роберт, только он один, и никто больше!

– Я очень хотел с вами танцевать, – тоже шепотом сказал он. – Тем более что не имел такой возможности в прошлый раз.

От тепла его руки, обнимавшей Люсинду за талию, и пальцев, крепко сжимавших ладонь, по всему ее телу разлилась истома.

– Вы сказали... сказали что-нибудь... – запинаясь произнесла она.

– Сказал ли я что-нибудь Джорджиане? Нет. Я ничего ей не говорил, так как это было бы бессмысленно. Кроме того, я не хотел причинять вам боль. И не сделаю этого, пока вы держите слово и не позволяете травмировать мою семью.

– Спасибо!

Роберт слегка наклонил голову:

– Как себя чувствует ваш милый друг?

– Прекратите! Все мы связаны долгом и ответственностью. И, честное слово, у меня нет никакого желания обсуждать кого-то за его спиной, да к тому же во время танца. Не говоря уже о том, что я больше беспокоюсь за вас, чем за кого-либо еще!

– А я – за вас! – невольно вздохнул Роберт. – Все последнее время я думал о вас. И должен сказать, вовсе не собираюсь просить вас ссориться с Барретом. Я... просто не могу это сделать!

Люсинда глубоко вздохнула. Роберт давал ей возможность с легкостью выйти из создавшегося трудного положения; однако после того, как прошлой ночью она многое узнала о нем, ей было совершенно ясно, почему сейчас он принял такое решение.

Она посмотрела ему в глаза и медленно произнесла:

– Роберт, я не подвергалась пыткам, но, поверьте, все очень серьезно обдумала, в том числе и возможные последствия происшедшего. И хотя я доставила вам много неприятных минут, теперь у меня есть твердое намерение поло-

жить этому конец.

Некоторое время Роберт внимательно смотрел на Люсинду. При этом они не переставали танцевать, и их танец выглядел почти профессиональным. Хотя Люсинда с беспокойством думала о том, что на следующий день у Роберта опять разболится раненое колено, на какой-то момент она заставила себя поверить, что это станет последним его испытанием.

– Мне хотелось бы сделаться для вас добрым, милым другом! – неожиданно произнес Роберт, нежно глядя на Люсинду.

У нее на долю секунды перехватило дыхание, поскольку она подумала о том же. В немалой степени ее притягивала к Роберту глубина его глаз, которой, как она уже убедилась, абсолютно не было у Джеффри.

– На днях в Хорсгардзе у отца была какая-то важная встреча с четырьмя офицерами высокого ранга, – сказала она. – Вы их, возможно, не знаете...

– Знаю. Насколько мне стало известно, они согласовывали список своих английских коллег, служащих в армии и живущих в Лондоне, поддерживающих идею возвращения на французский престол Наполеона Бонапарта.

– Согласовывали список?

– Да. У них уже должен быть черновой вариант такого списка, однако в нем отсутствует один очень важный пункт. Генерал говорил вам об этом подробнее?

– Об этом – нет! Он предпочел предупредить меня кое о

чем другом.

– А конкретнее?

– Чтобы я держалась от вас подальше!

– Видимо, он действительно подозревает меня. Это грозит вам неприятностями. Надо было сказать мне, и я бы объяснил мистеру Баррету, что мы занимались только подготовкой очередного урока для Джеффри.

– Неприятности могут случиться, лишь если кто-нибудь донесет ему, что мы с вами танцевали.

– Вот оно что! Скажите, Люсинда, а ваш милый друг не проболтается ему об этом?

Люсинда бросила взгляд на Джеффри, который, танцуя с леди Десмонд, не переставал одновременно следить за ними.

– Вряд ли он станет это делать. Зато здесь полно тех, кого хлебом не корми, только дай возможность посплетничать!

Люсинде сделалось противно. Она уже не сомневалась в невиновности Роберта, но ее отец явно придерживался другого мнения. Хотя ни она, ни Роберт не сделали ничего предосудительного, по меньшей мере один из них был вынужден страдать.

Вальс закончился, и рука партнера соскользнула с талии Люсинды.

– Джеффри очень хотел бы узнать, о чем мы с вами говорили во время танца. – Роберт усмехнулся.

– Не сомневаюсь! – вздохнула Люсинда. – Я скажу ему, что вы старались выпытать у меня, не упоминал ли мой отец

в каком-нибудь разговоре о краже документов.

Роберт отвел Люсинду к стене, где стояли мягкие кресла, и она с облегчением опустилась в одно из них.

– Когда мы снова встретимся? – ласково спросил он.

– А надо ли нам это?

– Думаю, что да. Завтра утром я заеду к Эвелин, а вы нанесете визит Сенту.

– Что ж, хорошо... – В этот момент Люсинда почувствовала, что уже вряд ли когда-нибудь сможет ему отказать...

Глава 17

Ты твердо решила жить, и я удовлетворен!

Чудовище

(М. Шелли «Франкенштейн»)

– Черт побери, о чем, интересно, ты думал? – напустился Тристан на Роберта, как только тот оказался рядом с ним. – Надо же пойти танцевать, и с кем!

– Я думал о том, как это у меня получится и получится ли вообще...

– Да, но в какое положение ты поставил Люсинду и ее отца! – присоединилась к мужу Джорджиана.

Посмотрев по очереди на них обоих, Роберт процедил сквозь зубы:

– Разумеется, вы правы. Но Люсинда сама захотела сегодня побыть со всеми, а наутро нанести визит лично тебе, Джорджи. Правда, я во время танца попросил ее этого не делать, поскольку генерал требует от своей дочери держаться от нас на расстоянии.

– Так ты сумел убедить ее?

– Думаю, да.

Тристан угрюмо посмотрел на брата:

– Это начинает меня раздражать!

– Интересно, когда мистер Хестерфилд предложит нам

удалиться отсюда? – буркнул Брэдшоу.

– Меня еще никогда не выгоняли ни из какого дома! – забеспокоилась Джорджиана. – Но предвижу, что сегодня именно это и произойдет.

– А меня вот выгоняли! – ухмыльнулся Сент. – Поэтому я предлагаю не сопротивляться и не скандалить. Мой опыт подсказывает, что это не поможет.

У противоположной стены Джеффри снова приглашал Люсинду танцевать, а она отрицательно качала головой, видимо, отказываясь. Все же Роберт в душе пожелал ему успеха – ведь если Люсинда уже скомпрометировала себя, танцуя с предполагаемым преступником, это не могло не отразиться и на ее очередном кавалере. Танец с женщиной, запятнавшей свою репутацию подобным образом, не мог быть воспринят светом иначе нежели отрицательно...

Люсинда всем сердцем рвалась к Роберту. Ей хотелось быть рядом с ним, особенно в этот вечер, на котором Карроуэй – она это отлично понимала – чувствовал себя некомфортно.

Роберт, угадав ее состояние, тихо сказал Брэдшоу:

– Нам все же лучше уйти, пока нас не попросили!

– Что? – возмутился тот. – Уйти и тем самым дать всем этим мерзким клеветникам взять верх? Да ты с ума сошел! – Брэдшоу сложил руки на груди и обвел зал вызывающим взглядом: – Лично я не уйду отсюда до тех пор, пока не сверну кое-кому челюсть!

Роберт был поражен подобной поддержкой со стороны брата – за все время, пока тянулась вся эта гнусная история по подозрению его в воровстве и предательстве, никто из членов семьи ни словом, ни делом не пытался его защитить. Более того, его родственники сплошь и рядом прислушивались к распускаемым о Роберте мерзким слухам и сплетням, и всем своим видом каждый из них старался показать, что все случившееся с ним – это его личное дело и никак не затрагивает никого из остальных членов семьи. Единственное, что каждый из них все-таки делал, была борьба против слухов и клеветы, распространяемых по столице. И тем не менее никто из них пальцем о палец не ударил, чтобы попытаться найти настоящего преступника.

Мысль о том, что ему суждено умереть в тюремной камере, наполняла душу Роберта безысходным отчаянием. Нет уж, он ни на минуту не желает вновь оказаться за решеткой, где уже раз побывал!

Голос Джорджианы вернул его к действительности:

– Не волнуйся Роберт, мы не дадим им обвинить тебя в этом преступлении!

Роберт с трудом заставил себя улыбнуться:

– Вы несколько опоздали, дорогая! Разве вы не замечаете злобные, презрительные взгляды, устремленные уже не только на меня одного, но и на всех нас? Я лично больше не могу выносить этой очередной пытки!

– Тогда уедем отсюда поскорее! – прервал их разговор

Тристан. – Тем более что у Хестерфилда такой вид, будто он вот-вот получит инфаркт.

«Вот и прекрасно!» – с облегчением подумал Роберт. Он уже получил то, зачем приехал сюда, – увидел Люсинду и даже потанцевал с ней. А главное, она сказала ему, кто первым услышал о Шато-Паньон, и еще кое-что важное для него. Но Роберт хотел знать больше, значительно больше – он должен был вычислить настоящего преступника и тем самым оправдать себя. Конечно, даже в обычных условиях это была бы задача не из легких, а теперь решить ее казалось почти невозможным. Тем более все надо было сделать очень быстро, пока сами разносящиеся все шире слухи не стали причиной его ареста.

– Роберт, – прервал его раздумья Эндрю, – так мы едем домой?

– Разумеется, едем!

Поднявшись к себе в спальню, Роберт настежь распахнул окно, присел около него и долго смотрел в сад. Он думал о том, что какие-нибудь год или два назад ему даже в голову не могло прийти, что его неприятности могут отразиться на семье и друзьях. И вот сейчас...

Джорджиана была на восьмом месяце беременности, ей требовался идеальный покой, а потому все семейство билось в истерику каждый раз, когда Роберт куда-то пропадал. Тристан уже несколько раз предупреждал его, чтобы он не исчезал, не сказав никому ни слова.

Роберт вздохнул, выдвинул ящик стола, вытащил листок бумаги и, написав на нем несколько строк, положил листок на кровать. Это была краткая информация о том, куда и когда он намеревался направиться сегодня. Теперь домочадцы по крайней мере уже не станут беспокоиться.

В дверь постучали.

– Войдите! – не без раздражения в голосе откликнулся Роберт.

В комнату вошел Шоу и сразу же накинулся на брата:

– Черт побери, может быть, ты объяснишь наконец свое поведение?

– Ты чем-то недоволен?

– Неужели ты считаешь, что танцы на балу с Люсиндой помогут тебе выглядеть невиновным? Этим ты добился лишь того, что скомпрометировал ее! Сколько раз мы предупреждали тебя...

– Я оставил вам всем записку о своих планах на сегодня, – спокойно ответил Роберт. – А что касается Люсинды, то она сама захотела пройтись со мной в туре вальса. Кстати, я попросил бы тебя говорить потише – стены здесь тонкие, и ты можешь разбудить Эдварда.

Шоу взял записку, пробежал ее глазами и швырнул назад на кровать.

– Собрался в Хорсгардз? Ну нет, уж туда ты точно не пойдешь!

– Почему же?

– Потому что это чистое безумие!

– Просто я хочу узнать, кого еще там подозревают в сочувствии Бонапарту и поддержке его возвращения в Париж, а заодно посмотреть, насколько легко преступник смог пробраться в этот штаб.

– И ты надеешься узнать все это там, где только и думаешь, как бы тебя изобличить? Да сам приход туда и расспросы укрепят подозрения в твоей виновности и станут подтверждением справедливости широко распространившихся по городу слухов! Неужели ты этого не понимаешь?

– Но я же не могу ничего делать, сидя здесь! – в отчаянии воскликнул Роберт. – И потом, как ты думаешь, Шоу, кого все они ищут? Да никого! А почему? Потому что они уже решили обвинить во всех смертных грехах некоего Роберта Карроуэя! Они бросят меня в тюрьму и на том успокоятся, потому что кругом все будут считать, будто преступник найден и наказан – именно благодаря их героическим усилиям! И ты хочешь, чтобы я спокойно ждал этого? Ну уж нет! Я намерен бороться и прошу по крайней мере мне не мешать. Это исключительно моя проблема, и только мне под силу ее решить!

– Это не только твоя проблема, Роберт! Ты сам сказал, что речь идет о слухах и сплетнях, а значит, касается всей нашей семьи. Так что предоставь право самой конной гвардии заняться тем и другим, а сам оставайся дома и наблюдай со стороны.

– Не могу, Шоу.

– Почему, черт побери?

– Потому что я уже и так потерял слишком много времени. Надо было с самого начала заняться этими делами, а не прятаться, и тогда все давно бы уже уладилось!

Брэдшоу присел на край кровати и с укором посмотрел на брата:

– За весь год ты сказал нам только несколько слов, из которых и сейчас мало что можно понять. Мы посчитали, что ты не желаешь нашей помощи, рассчитывая справиться самостоятельно, и не винили тебя за это.

– Что ж, спасибо! – Роберт судорожно глотнул.

– Подожди! – не унимался Шоу. – Должен сказать прямо: я не намерен позволять тебе впредь подвергать себя риску в угоду каким-то мерзким слухам и оговорам! Пойми, что если ты пойдешь в штаб, то там этот приход будет однозначно воспринят как подтверждение справедливости всего того, о чем болтают сейчас в городе!

С доводами Шоу трудно было не согласиться. Тем не менее Роберту претила сама мысль о том, что кто-то другой решает его судьбу, пока сам он сидит в бездействии дома. Может быть, в недавнем прошлом он бы и не переживал так, но теперь... Теперь в его душе вновь затеплилась надежда...

Роберт поднял голову, посмотрел в глаза Брэдшоу и с горечью произнес:

– Единственное, что у меня осталось, так это доброе имя!

– У тебя еще осталась жизнь! – покачал головой Шоу.

Тяжело вздохнув, Роберт откинулся на гору лежавших у изголовья подушек и тихо произнес:

– Видишь ли, в Шато-Паньон я понял, что существует огромная разница между понятиями «существовать» и «жить». А еще за последние несколько недель я пришел к выводу, что когда дышу, смотрю, хожу, то не живу, а существую. И что это уже продолжается слишком долго.

– И что же изменилось потом?

– Шоу, прошу меня не перебивать!

– Не буду. Просто ты никогда не говорил со мной на подобные темы.

– Положим. Но сейчас я открою тебе один свой очень важный секрет. Во мне действительно произошла радикальная перемена!

– Мы все это заметили, Роберт! Но почему так случилось?

– Это случилось благодаря... Люсинде Баррет.

– Что?! Люсинда Баррет? Да ведь она давно положила глаз на Джеффри Ньюкома!

– Знаю.

– Уж не влюбился ли ты в нее? Роберта даже передернуло от подобной фразы, ибо для него отношение к Люсинде было гораздо глубже, чем просто влюбленность.

– Нет, это далеко не так, – энергично запротестовал он. – Все гораздо серьезнее! Это... Даже не знаю, как тебе объяснить. Одним словом, это нечто такое, что вселило в меня на-

жду и желание именно жить, а не просто существовать.

– Пусть так! Но какое это все имеет отношение к твоему решению рискнуть пробраться в Хорсгардз?

– Я хочу просмотреть документы, связанные с моим арестом, и до конца узнать правду. Потом я это расскажу Люсинде и генералу Баррету, то есть тем, кто пока относится ко мне с подозрением. И не только им. Пойми же, сейчас на меня смотрят с жалостью и отвращением, а я хочу снова стать самим собой, хочу, чтобы меня уважали и любили!

– Но кто тебя пустит в штаб?

– Разумеется, никто; туда надо проникнуть тайком и лучше всего ночью!

– Вот как! И ты уверен, что тебе это удастся?

– Во всяком случае, я на это надеюсь.

Брэдшоу помолчал несколько мгновений, потом посмотрел в окно и решительно сказал:

– Тогда пойдем!

– Куда?

– В Хорсгардз.

– Нет! Я сам. Я уже сказал тебе, что все это мои проблемы и только я вправе их решать.

– Другими словами, ты намерен оставить меня здесь на растерзание Тристана, который станет добиваться от меня ответа, выясняя, куда ты на сей раз исчез?

Роберт вынужден был признать, что Брэдшоу прав. Кроме того, брат, возможно, сможет в чем-то ему помочь...

Чтобы случайно не наткнуться на кого-нибудь из домо-
чадцев, они вылезли через окно, пригнувшись обошли дом
и через несколько минут уже были около конюшен.

– Разбудим конюхов? – спросил Шоу.

– Не надо, пусть спят. Выведем лошадей во двор и там
оседлаем.

Осторожно выведя из конюшни Толли и Зевса – молодого
жеребца, недавно приобретенного Брэдшоу, они быстро
оседлали коней и, стараясь не шуметь, выехали за ворота.

Около большого белого здания, где располагалась штаб-
квартира конной гвардии, Роберт сделал брату знак остано-
виться. Спешившись, они крадучись подобрались поближе к
зданию.

– Дальше, – прошептан Роберт, – нас может заметить
охрана. Давай обойдем кругом: может быть, где-нибудь есть
запасный выход – обычно там двери не запираются...

Они обошли вокруг белого здания, но запасного выхода
так и не обнаружили. Скорее всего если бы он и существовал,
то охранялся бы достаточно тщательно.

– Ну и что мы теперь будем делать?

– Попробуем попасть на второй этаж. Насколько мне из-
вестно, кабинеты расположены именно там.

– Сколько же их?

– Порядка тридцати.

– На все у нас, верно, и ночи не хватит!

– Нам надо найти тот, где хранятся оперативные докумен-

ты.

– Но как подняться на второй этаж без лестницы? Мы не захватили даже веревки.

Роберт некоторое время стоял неподвижно.

– О чем ты думаешь? – нетерпеливо спросил его Брэдшоу.

– О бессмысленности того, что мы собираемся сделать.

Это пустая трата времени. К тому же нам обоим грозит арест.

– И что же теперь?

– Видишь ли, тот, кто выкрал из штаба секретные бумаги, провел в этом здании немало времени. Даже если бы я знал, какие документы мне необходимы, то вряд ли смог бы достаточно быстро найти нужную комнату. К тому же документы непременно заперты в сейфе, а ключей от него у нас нет. Вскрывать сейф! Но ты же сам понимаешь, что это невозможно!

– И что нам остается?

– Уйти, пока нас не схватили. Делать здесь все равно больше нечего...

К счастью, никто так и не зашел в спальню Роберта, пока они с Шоу кружили вокруг здания конной гвардии.

Когда брат ушел, Роберт опустился в большое мягкое кресло, стоявшее около окна, и задумался. После пленения Бонапарта необходимость в содержании большой армии и в наборе новых резервистов значительно снизилась. Персонал Хорсгардза значительно уменьшился за счет сокращения части отделов и передачи их в ведение военного министерства

Великобритании. Некоторые из них были отданы под склады или просто пустовали.

Теперь Роберту необходимо было узнать, кто имел доступ в штаб на прошлой неделе, и с помощью этого человек найти нужную комнату, где до последнего дня существования штаба в его прежнем виде сохранялись оперативные документы. Также необходимо было выяснить, каким путем можно незаметно туда проникнуть и выйти обратно.

Легче всего это можно было бы сделать через Люсинду, разумно ей все объяснив. Это облегчалось тем, что она сама выразила желание встретиться с ним в ближайшие дни и даже намекнула на то, что может кое в чем помочь.

Роберт прибавил свет в лампе и, раскрыв книгу, попробовал читать, но очень скоро понял, что просто пробегает строчки, не запоминая их. Перед его глазами неотступно стояли Люсинда и Джеффри. Не сам ли он толкнул ее в объятия Ньюкома? И теперь дело, видимо, уже зашло достаточно далеко – в свете стали серьезно поговаривать о том, что лорд намерен просить у генерала Баррета руки его дочери. Роберт подумал, что все, возможно, развивалось бы совершенно в другом направлении, если бы он с самого начала предложил себя в ученики Люсинды, а не в консультанты при подготовке уроков для Джеффри...

Роберт подумал и о том, что, возвратись он с войны героем, с массой рассказов и сказок о сражениях, в которых принимал или якобы принимал участие, и генерал Баррет отнес-

ся бы к нему совершенно иначе.

Хотя Люсинда вселила в Роберта некоторую надежду, но после нескольких лет боли и душевных страданий эта надежда доставляла ему примерно такие же муки, какие причиняет солнечный свет узнику, проведенному долгие годы в крошечной тьме. Вместе с тем он не мог себе представить, как бы сложилась его жизнь без нее в море мерзких слухов и откровенной клеветы. Возможно, что сейчас он прятался бы где-нибудь в Шотландии в ожидании английской армии, которая непременно сумела бы его арестовать...

И тем не менее Роберт не мог не признать определенного прогресса в своих отношениях с окружающим миром. Одно время его не покидала мысль о самоубийстве, но с появлением в его жизни Люсинды он уже не думал об этом...

Глава 18

Я надеюсь увидеть мир в твоём лице, а в сердце твоём – тепло и утешение.

Элизабет Лавенца

(М. Шелли «Франкеништейн»)

– Хорошо еще, что они успели уехать прежде, чем их выдворили из дома, – раздался из кабинета генерала голос Джефффри Ньюкома.

Люсинда стояла по другую сторону двери и напряженно прислушивалась. Джефффри, должно быть, приехал сразу после завтрака, чтобы рассказать генералу новости о Карроуэях. С замиранием сердца она ждала, когда речь пойдет о ней.

Наконец из кабинета донесся голос отца:

– Конечно, они сейчас чувствуют себя не лучшим образом, но ведь пока еще никто официально не обвинен...

– Именно – «пока еще»! – парировал Джефффри. – Я не хотел бы распространять сплетни, но думаю, что серьезный разговор с Люсиндой будет полезен. Она настаивала на том, чтобы мы подошли и поздоровались с подозрительным семейством, а затем пошла танцевать с Робертом. Конечно, я понимаю ее чувства, но ведь этим поступком она никому не помогла, скорее наоборот – поставила себя в довольно дву-

смысленное положение. Я попытался ее предупредить, но Люсинда не только не прислушалась к моим словам, а даже вроде бы обиделась и была явно недовольна моим вмешательством!

Стоя по другую сторону двери, Люсинда отчетливо представляла себе хмурое выражение лица генерала и нервное постукивание пальцев по столу.

– Разумеется, упрямством она в свою мамашу, – проворчал Баррет, – но при этом достаточно логична в поступках. Уверен, что моя дочь отлично понимает вашу озабоченность. Я заметил, что она охотно извиняется, если чувствует свою неправоту...

– Скорее здесь работает обычный здравый смысл.

– А теперь, может быть, вы расскажете мне о ваших собственных чувствах, мой мальчик? – донесся до Люсинды несколько смягчившийся голос генерала.

Джеффри закашлялся, выдержал короткую паузу и произнес:

– Думаю, вам они давно известны, генерал. Ваша дочь очаровательна, и мне кажется, что я ей начинаю все больше нравиться.

– Полагаю, ваше предложение, если оно последует, будет воспринято ею очень даже благосклонно...

– Вы в этом уверены?

– Уверен.

– Тогда я бы осмелился просить у вас руки вашей дочери!

Люсинда почувствовала, что у нее подгибаются колени. Безусловно, она ожидала именно этого; но голос Джеффри прозвучал так холодно, что нельзя было не понять: он делал чисто деловое предложение, а никак не предложение руки и сердца. И обратился он не к ней, а к ее отцу, расположением которого очень дорожил опять-таки из чисто карьерных соображений.

Прежде чем ответить, генерал выдержал довольно длительную паузу.

– Думаю, в сложившихся обстоятельствах было бы не совсем уместно объявлять о вашем обручении. Придется выждать, пока уляжется весь этот скандалчик. Понимаете, на церемонии обручения и на свадьбе будут присутствовать члены семейства Карроуэй – ее самые близкие друзья, следовательно...

– Конечно-конечно! Но когда все успокоится, могу я рассчитывать на ваше согласие, естественно, при условии, что сперва получу таковое от самой Люсинды?

– Разумеется, можете, друг мой!

– А как в отношении моего назначения в Индию?

– О, об этом не беспокойтесь. Я имею немалое влияние в здешних высших кругах, и добиться вашего назначения на достаточно высокий военный пост в Дели мне будет не так уж трудно. А там уж сами договаривайтесь с Люсиндой, захочет ли она остаться здесь или поедет с вами.

– Спасибо! Огромное спасибо! «Скандалчик?» – изуми-

лась Люсинда.

Так вот как ее отец оценивает длившееся почти год издевательство над Робертом в Шато-Паньон! Ничего себе скандалчик!

– Значит, вопрос решен, сэр? – снова донесся из-за двери голос Джеффри.

– Будем считать, что решен.

– Надеюсь, сэр, ваша дочь сейчас спустится к нам?

– Думаю, через пару-другую минут она уже будет здесь.

А пока... Скажите, у вас была возможность ознакомиться со второй главой моих записок?

– Я только что прочитал ее, и мне понравилось. Вы очень точно и красочно сумели отобразить чудовищный хаос во время марша на Сьюдад-Родриго...

– Не надо лести, мой дорогой, ведь я уже согласился выдать за вас мою дочь!

– Но я говорю совершенно серьезно. Разрешите мне вернуть вам эту главу и заняться следующей?

– Ну конечно. Вот только вам придется забрать следующую главу в Хорсгардзе, где ее читает генерал Бронлин. Сегодня к вечеру он, вероятно, уже закончит знакомство с ней, если только в ходе расследования не обнаружатся какие-нибудь новые факты.

– Вы узнали что-то еще?

– Пока ничего нового. Помимо тщательного досмотра всех кораблей, отплывающих на континент, мы установили

с сегодняшнего утра строгое наблюдение за Робертом Карроуэем на случай, если он захочет передать кому-нибудь похищенные бумаги или сам отправится с ними через ЛаМанш.

При этих словах отца Люсинда побледнела. Ей даже в голову не приходило, что кто-то может следить за Робертом. О небеса! А что, если они следовали за ним по пятам уже позапрошлой ночью? Правда, генерал упомянул сегодняшнее утро, но как знать, когда в действительности было отдано подобное распоряжение...

Ей надо было срочно предупредить Роберта, но теперь сделать это стало гораздо труднее. За ним следят! Возможно, что и среди домашней челяди тоже появились шпионы, а значит, необходимо соблюдать предельную осторожность.

Люсинда выпрямилась, открыла дверь и вошла в кабинет.

– Доброе утро, па... Ах, лорд Ньюком, вы уже здесь! Я никак не ожидала увидеть вас сегодня в отцовском кабинете так рано...

Джефффри встал, держа в руках букет маргариток.

– Это вам, дорогая! – Он протянул цветы Люсинде и многозначительно улыбнулся. – Мне показалось, что роз у вас уже и так слишком много.

– Благодарю вас! – ответила Люсинда и сделала легкий реверанс.

– Хотел вас спросить: не согласились бы вы совершить вместе со мной небольшую верховую прогулку?

– Надеюсь, вы поймете меня правильно, Джеффри, но я сегодня чувствую себя не очень хорошо. Кроме того, мне надо обязательно написать письмо. Если позволите, именно этим я сейчас и займусь.

– Люсинда, – строго сказал Баррет, поднимаясь из-за стола. – Вовсе не обязательно грубить гостю!

– Разве я сказала что-то не так? О, простите меня! Я только хотела объяснить, что в последнее время лишена возможности видаться со многими своими друзьями, а потому решила извиниться перед ними через Джорджиану. Не вижу в этом ничего грубого!

– Как ты могла лишиться такой возможности, если только вчера говорила с каждым из них целый вечер?

Люсинда резко повернулась к Джеффри:

– Скажите мне, мистер Ньюком, вы собираете всякого рода рассказы обо всех или только обо мне?

– Люсинда! – повысил голос генерал.

Джеффри удивленно посмотрел на нее:

– Я свято блюду ваши интересы и никогда не позволил бы себе сказать хоть что-либо дурное о вас, и вы это отлично знаете!

– Лучше скажите, что свято блюдете лишь свои собственные интересы, – это будет по крайней мере честно. – Люсинда помолчала несколько мгновений, глубоко вздохнула и холодно прибавила: – Извините, но я действительно с утра плохо себя чувствую, поэтому мне сейчас лучше уйти к себе

и отдохнуть.

Джефффри взял Люсинду за руку и долго смотрел ей в глаза.

– Пожалуйста, скажите мне, что мы остаемся друзьями! – прошептал он.

– Конечно, остаемся, – через силу ответила она. – Но сегодняшнее утро я должна посвятить себе.

Генерал поднялся из-за стола, намереваясь проводить Джефффри, и, взглянув ему в лицо, Люсинда поняла, что ее неожиданный уход сильно расстроит отца. Да, она вела себя просто ужасно, тем более что Джефффри всего лишь рассказал Баррету то, что знали уже почти все. Ее резкая выходка была ненужной и несправедливой.

Когда Джефффри вышел из кабинета, генерал опустился в кресло за рабочим столом.

– Итак, вчера ты танцевала с Робертом Карроуэем! – тоном судебного обвинителя произнес он.

– Роберт меня об этом попросил, и я не смогла ему отказать.

– Но я ведь предупреждал...

– Извини, папа, я не так уж легко выбираю себе друзей и тем более не хочу их терять из-за каких-то глупых слухов!

Баррет строго посмотрел в глаза дочери, но она твердо выдержала его взгляд. Как долго они сидели молча, глядя в глаза друг другу, Люсинда не могла бы сказать, но вдруг дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Боллоу:

– Вам оставили записку, сэр!

– Дайте ее сюда, – не оборачиваясь, произнес генерал.

Дворецкий отдал записку и исчез, плотно закрыв за собой дверь.

Баррет пробежал глазами несколько строк, написанных на квадратном листке бумаги, и сразу сделался мрачнее тучи. У Люсинды защемило сердце.

– Что-то неприятное? – спросила она.

Генерал бросил записку на стол и привстал, упершись в него обеими руками, подобно тигру, приготовившемуся к прыжку.

– Твоего «друга» видели вчера ночью у стен Хорсгардза!

– Здесь какая-то ошибка.

– Часовые долго следили за ним и представили подробное описание внешности лазутчика. Он приехал туда вместе с сообщником верхом примерно в половине двенадцатого. Они обошли вокруг здания, что-то высматривая, и скрылись.

Мысль Люсинды бешено заработала. Нужно было без промедления дать отцу ответ, который не выглядел бы смешным.

– И конечно, часовые, а за ними и ты готовы обвинить Роберта в намерении проникнуть внутрь! – с деланной усмешкой ответила она. – А если Роберт просто хотел осмотреть здание, которого раньше не видел – ведь его построили не так уж давно?

– Или же проверить, остались ли наши охранники такими

же расхлябанными, какими показали себя на прошлой неделе? Честно говоря, я в этом не сомневаюсь! – Баррет поднялся из-за стола и раздраженно бросил: – Надеюсь, мне не надо еще раз повторять тебе о необходимости держаться подальше от этого семейства?

Люсинду так и подмывало признаться отцу в том, что Роберт уже провел ночь в ее постели, но она сдержалась и лишь утвердительно кивнула:

– Слушаюсь, папа!

– Ты куда собралась?

– К себе. Хочу немного почитать, а потом поеду к леди Сент-Обин – она пригласила меня на обед. Не беспокойся, Джорджианы там не будет!

– Когда вся эта гнусная история с похищением бумаг закончится и преступник будет наказан, ты сама поймешь, насколько важно было нам установить истину. С сегодняшнего дня все корабли, отплывающие на континент, подлежат самого тщательному досмотру. И если эти бумаги уже в пути, мы обязательно их обнаружим и схватим похитителя!

– Не сомневаюсь, что так оно и будет, – кивнула Люсинда.

– А ты пока извинись перед Джеффри. Он так старается угодить тебе, а в ответ получает подобное хамство. Нехорошо!

– Ладно уж, так и быть!

– Я хотел бы, чтобы ты поняла: Джеффри Ньюком куда более порядочный и благородный человек, нежели этот Роберт!

берт Карроузэй! Даже если не принимать в расчет уголовную историю с кражей бумаг, в чем он, возможно, и невиновен, Роберт тебе не пара. Ньюком добр, красив, пользуется успехом в обществе, и, кроме того, его ждет блестящая карьера. А Роберт – давай говорить прямо – двух слов связать не может. Насколько я понимаю, никакой мало-мальски приличной карьеры в будущем он сделать не сможет.

Люсинда с трудом сдерживала слезы.

– Спасибо, папа! Спасибо за то, что честно высказал свое мнение. Тем более что ты первым заявил о возможной виновности Роберта.

Она выскочила из кабинета и бросилась в свою спальную. Разлад с отцом, с которым они всегда жили дружно до самого последнего времени, просто убивал Люсинду. Но еще больше ее терзало сознание того, что она не может не думать о Роберте, в то время когда буквально все твердят о Джефффри Ньюкоме как об идеальном для нее муже. И уж совсем несправедливым ей представлялось мнение тех, кто вовсе не знал ни Роберта, ни его печальной и трагической судьбы.

Весь следующий час Люсинда быстрым шагом ходила по комнате из угла в угол. Затем она вызвала горничную, чтобы та помогла ей одеться к обеду.

Когда Люсинда подъехала к дому Сент-Обинов, у парадной лестницы ее встретила Эвелин.

– Люси! Хорошо, что ты застала меня, – я собираюсь поехать на Бонд-стрит, чтобы купить себе новую шляпу. Хо-

чешь, поедем вместе?

Люсинда решила, что имеет смысл воспользоваться предложением подруги и для начала обрадовать ее своим намерением приехать чуть позже вместе с Робертом, а затем остаться на обед. Услышав это, Эвелин на минуту застыла на месте.

– Серьезно?

– Совершенно серьезно!

– Видимо, для этого у тебя есть особые причины?

Люсинда посмотрела на дворецкого Дженсена, стоявшего около двери, и Эвелин перехватила этот взгляд.

– Дженсен, попроси, пожалуйста, миссис Дулей приготовить несколько сэндвичей со свежими огурцами и принести пару бутылок лимонада, – приказала она мажордому.

Когда Дженсен отправился выполнять приказание, Эвелин схватила Люсинду за руку и почти силой втащила ее в утреннюю гостиную для завтраков.

– Послушай-ка, мисс Баррет, может быть, ты все-таки объяснишь мне, что происходит? Вчера на балу ты выглядела совершенно убитой, а теперь огорошила меня заявлением о том, что собираешься приехать к нам на обед вместе с Робертом. Как все это понимать?

– Сент дома? – спросила Люсинда вместо ответа.

– В конюшне.

– Гм-м... У него сегодня тоже может быть неожиданный гость.

– У него? Да, это вполне возможно...

Вошел ливрейный слуга и поставил на стол поднос с чаем. Эвелин налила себе и Люсинде по чашке ароматного напитка и знаком пригласила подругу присесть рядом с ней.

– Люсинда, – начала она, – тебя, возможно, удивит, если я скажу, что могу хранить чужие тайны лучше всех наших знакомых...

– Серьезно? Но что это имеет общего с...

– Сейчас все объясню! Помнишь, как в самом начале года, когда я начала давать уроки Сенту, он неожиданно исчез, приведя в панику всех родственников?

– Ну, помню.

– Так вот знай: он тогда никуда не исчезал, это я его похитила!

– Что?

– То, что слышала!

– Не понимаю. Объясни, наконец!

– Как-то раз мы с ним здорово поспорили. Сент объявил, что порвет к чертовой матери проект спасения местного дома для сирот, над которым я долго работала. Тогда я заперла его в винном погребе и держала там целую неделю.

От изумления огромные глаза Люсинды округлились и сделались еще больше. Она никак не ожидала подобного поступка от своей подруги, которую они с Джорджианой всегда считали самой робкой из них троих.

– И это... подействовало? – недоверчиво спросила она.

– Еще как! К концу недели Сент принялся убеждать меня

через закрытую дверь, что передумал. Так что можешь смело положиться на меня и целиком мне доверять.

– Я...

В этот момент дверь отворилась и в гостиной появились Сент и Роберт.

– Доброе утро, Люсинда!

Сент добавил еще что-то, но Люсинда уже не слышала слов маркиза. Глаза ее были прикованы к Роберту.

– Эвелин, ты уже попросила приготовить для нас сандвичи? – спросил маркиз у жены.

– Да, разумеется.

– Когда ожидается приезд гостей?

– К обеду, я полагаю.

– Привет, Роберт! – пересилив смущение, улыбнулась Люсинда. – Извини, но я забыла предупредить заранее Сента и Эвелин о том, что мы собираемся к ним сегодня, поэтому и приехала немного раньше!

– Не важно! – заметил Сент. – Главное, что вы оба уже здесь.

Роберт кивнул и опустился на стул рядом с Люсиндой. В отличие от нее он выглядел изрядно невыспавшимся, и тем не менее в его голубых глазах можно было прочесть не только усталость. Люсинде показалось, что Роберт чем-то сильно встревожен. Ей вдруг стало не по себе. То, что она собиралась сообщить ему, могло только усилить его тревогу.

– Надеюсь, никто не следил за вами по дороге сюда? –

спросила она, понизив голос.

– Кое-кто пытался. Двое. Думаю, это были полицейские агенты.

Люсинда побледнела.

– Я тоже их заметила – они шли за мной почти до самого дома. Теперь им нетрудно догадаться, что я здесь и уже с кем-то разговариваю. С кем? Да, конечно же, с Робертом Карроуэем!

Роберт осторожно взял руку Люсинды. Она хотела отдернуть ее, но почувствовала, как искра, сбежавшая с его пальцев, воспламенила все ее тело.

– Ты ошибаешься, Люсинда. Они уверены, что я уже на Пиккадилли.

– Вряд ли после вчерашней ночи.

– Почему ты так думаешь?

– Потому что сегодня утром мой отец получил записку из Хорсгардза: в ней сообщалось, что прошлой ночью тебя видели у его стен. С тобой был еще кто-то.

– Брэдшоу! – Роберт шумно вздохнул. – Я хотел осмотреть здание, чтобы выяснить, каким образом кто-то мог туда проникнуть и выкрасть документы, а Брэдшоу увязался за мной.

– Ты не должен был туда ходить, – раздался у них над головами голос Сента, бесцеремонно подвинувшего Эвелин и опустившегося на освободившийся конец тахты.

– Я не хотел никого подвергать риску, но Брэдшоу увидел,

как я спускался в сад через окно, и мне ничего другого не оставалось, как только взять его с собой.

– Спускался через окно? – удивленно переспросил Сент. – Но зачем тебе понадобился подобный театр?

– Просто в столь позднее время я не хотел столкнуться в холле с кем-нибудь из домочадцев.

– Понятно. А теперь, коль скоро меня уже видели рядом с тобой вчера вечером и это может повредить моей репутации в обществе, я хотел бы задать тебе несколько вопросов, – тихо сказал Сент.

– Сейчас очень многие знают о моем деле больше, чем нужно, – проворчал Роберт. – Но каждый желает узнать еще что-нибудь!

– Неужели вы ждете, что...

– Это я виновата, а никак не Сент! – вмешалась в разговор Люсинда. – Если бы я не проговорила отцу о том, что Роберт рассказал мне по секрету, никто бы не заподозрил его в этом преступлении, как не заподозрили, скажем, самого Веллингтона...

Роберт, казалось, хотел что-то ответить, но вместо этого вдруг встал, подошел к окну и выглянул в сад.

– Я не должен был никому ничего рассказывать, – проговорил он, стоя спиной к своим собеседникам.

Люсинда посмотрела на Эвелин и кивком головы указала на дверь. Было ясно, что Роберт не доверяет им и говорить все равно больше ничего не станет.

Эвелин откашлялась и встала:

– Пойду проверю, как там дела с обедом. Сент, накинь мне, пожалуйста, шаль на плечи. Ты тоже идешь?

– Позволь, я останусь здесь еще ненадолго.

– Нет, не позволю!

– Хотя бы на пять минут!

– Ни на минуту!

Сент закричал и покорно поплелся вслед за женой. Когда дверь за ними закрылась, Люсинда подошла к Роберту, продолжавшему сосредоточенно смотреть в окно.

– Я очень жалею, что мы посвятили Сента в наши дела! – расстроено сказала она.

Роберт повернулся, взял Люсинду обеими ладонями за виски и так крепко поцеловал в губы, что она чуть не упала в обморок.

– Напрасно ты решила, что виновата во всем! – прошептал он. – Это далеко не так. Все дело в моем поведении, в результате которого все случившееся оказалось неизбежным. Рано или поздно нечто подобное должно было случиться!

– Но, Роберт, ты вел себя безупречно! То, что тебе пришлось пережить, любого другого убило бы...

– Зато меня не убило, как видишь!

– Да, пока. Надеюсь, не убьет и впредь!

Губы Роберта изогнулись в еле заметной улыбке.

– С каждым днем я все больше уверен, что готов во всем с тобой согласиться. Но скажи мне, прав ли я был, когда про-

шлой ночью пошел вместе с Шоу к стенам Хорсгардза? Я хотел пробраться внутрь, чтобы найти комнату, где хранятся секретные документы, и просмотреть их, однако увидел только стены здания. И все же я считаю, что должен был туда пойти, хотя бы ради успокоения! Или я снова в который раз ошибаюсь?

– Надеюсь, что не ошибаешься.

– По крайней мере я приобрел некоторый визуальный опыт и теперь отчасти знаю, как проникнуть в штаб и как выйти оттуда.

– Но ты ошибаешься, если воображаешь, что тебе дадут там что-нибудь обнаружить, тем более просмотреть секретные бумаги. Видишь ли, я много раз бывала в этом здании, где без конца спуют солдаты, офицеры, штабные работники. Ночью же, как рассказывал отец, там на каждом углу стоит вооруженный часовой. Тебе не удалось остаться незамеченным даже во время беглого осмотра здания со стороны; мало того, твои приметы были точно определены охраной, и уже наутро генерал знал о твоих ночных похождениях. Так что задуманное тобой предприятие не может окончиться ничем, кроме ареста. Разве ты этого добиваешься?

– Скажи, служащие штаба и посетители этого учреждения как-то регистрируются при входе и выходе?

– Посетители записываются в книгу, которая лежит на столе при входе.

– Это уже что-то: просмотрев ее, можно узнать, кто и ко-

гда приходил в штаб. Останется только определить возможные цели посещения. Конечно, это будет нелегко сделать, но все же возможно – надо лишь отобрать тех, кто внушает подозрение.

– Не тешь себя ложной надеждой, Роберт! Начать с того, что просмотреть книгу прихода-ухода тебе не удастся – ее постоянно сторожат двое гвардейцев и выдают посетителям только по предъявлении ими документа, удостоверяющего личность. Кроме того, предварительно надо получить разрешение от руководства на проход в штаб; список лиц, имеющих его, также находится у охраны. Но и это еще не все. Неужели ты серьезно думаешь, что по росписи в книге или адресу посетителя можно определить, стоит его подозревать или нет?

Роберт повернулся к окну и долго стоял, не говоря ни слова. Люсинда отошла к столу, на котором стояла бутылка ликера, налила себе полную рюмку и выпила до дна. Потом она снова приблизилась к Роберту и положила ладонь на его плечо:

– Я много раз пыталась убедить отца, что ты никак не замешан в деле с кражей документов, но он даже не хочет меня слушать. Я добилась только того, что он обвинил меня в некорректном поведении по отношению к лорду Джеффри, которого я будто бы обидела, а заодно попросил меня не совать нос не в свое дело...

– Ты действительно не обижала лорда Джеффри? – спро-

сил Роберт, упорно продолжая смотреть в окно.

– Я только не согласилась с его предложением держаться подальше от друзей, знакомство с которыми могло бы повредить его карьере.

– Что еще он сделал?

– На следующее утро пришел в кабинет генерала с букетом цветов, которые передал мне. Но у меня нет сомнений в том, что он ухаживает не за мной, а за Барретом и букет предназначался именно генералу!

– А что это были за цветы?

– После всего, что я рассказала, ты спрашиваешь о том, что это были за цветы?

Роберт некоторое время молча наблюдал, как Люсинда вышагивает из угла в угол, потом покачал головой и, взглянув на рюмку у нее в руках, сказал с усмешкой:

– Догадываюсь, что это были маргаритки.

– Почему ты так думаешь? – удивилась Люсинда.

– Джефффри справедливо заключил, что роз в саду генерала и без того достаточно. К тому же розы не всегда легко найти, а маргаритки продаются на каждом углу. Ну и...

– Что «и»?»

– К тому же они недорого стоят. Их можно купить всего за несколько центов.

– Интересно, а какие цветы ты бы мне подарил, если бы вдруг захотел?

– Лаванду.

Люсинда почувствовала, как сильно забилося ее сердце.

– Лаванду? – переспросила она. – Почему именно ее?

– Потому что цветы лаванды, насколько я успел заметить, относятся к твоим любимым, как, впрочем, и розы. Но к розам ты успела привыкнуть, так что остается именно лаванда.

– Когда же ты подметил, что цветок лаванды мой любимый?

– Просто я очень внимательно за тобой наблюдал все это время.

Люсинда закрыла глаза и уронила голову на грудь Роберта, и он сжал ее виски между ладонями и приник к ее губам...

– Джеффри тоже тебя целовал? – услышала она голос Роберта и тут же в двери гостиной показался Сент.

– Обед на столе! – объявил он, посмотрев на парочку с многозначительной усмешкой.

– Почему ты спросил меня об этом? – прошептала на ухо Роберту Люсинда, пока они спускались в холл.

– Потому что женщина, которая собирается выйти замуж за Ньюкома, должна как минимум привыкнуть к его поцелуям.

– Возможно, но я еще не уверена, что решусь на это... – пробормотала Люсинда.

Глава 19

Все мои будущие надежды и желания связаны с нашим долгожданным союзом.

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Роберт стоял на крыльце, прислонившись к двери, и наблюдал, как два грума чистили Толли, покрытого грязью и пеной после бешеной скачки, которую ему устроил хозяин. Роберт совершенно неожиданно решил с ветерком прокатиться перед обедом, но на самом деле целью этого выезда было проверить, не следит ли кто за ним. В последнем случае Роберт мог бы успеть запутать следы и скрыться прежде, чем будет арестован.

Люсинда, сама того не ведая, дала в руки Роберту ключ к установлению личности подлинного преступника, похитившего секретные документы из Хорсгардза. Книга регистрации посетителей! Роберт подумал о том, что даже кто-то из не работающих постоянно в Хорсгардзе может помочь ему ориентироваться внутри здания и найти ту комнату, где хранятся документы. Иметь дело с посторонними, а не со штатными служащими штаба было куда предпочтительнее, поскольку последние всегда с подозрением относятся к любому новому лицу, неведь откуда появившемуся в их ведом-

стве. Кроме того, среди посетителей, несомненно, есть и такие, кто имеет право постоянного входа в здание и, конечно, хорошо знает расположение комнат внутри его. Остается лишь хорошенько подумать, кто бы...

– Что ты здесь делаешь? – раздался рядом голос Эдварда.

– Я? Ломаю голову над одной проблемой. А ты?

– Жду Тристана: он обещал взять меня с собой на рыбалку. С утра предполагалось, что я буду заниматься с Уильямом Грейсоном, но в последний момент выяснилось, что он заболел и заниматься не сможет. Я не стал особенно горевать и решил составить компанию старшему брату. Кстати, вот и Тристан.

Действительно, Тристан уже стоял в дверях. Он бросил взгляд сначала на Эдварда, потом на Роберта... И Роберту тут же все стало ясно. Уильям отнюдь не заболел – просто родители не захотели отпускать его. Очевидно, мерзкие слухи добрались и до них...

– Эдвард, – обратился к младшему брату Тристан, – пожалуйста, помоги Джону оседлать твою лошадь.

Эдвард буркнул что-то себе под нос и с обидой посмотрел на старшего брата:

– Тебе, надеюсь, известно, что я не совсем дурак! Почему бы не сказать прямо: «Иди и помоги Джону, а я пока поговорю с Робертом»?

– Хорошо, Эдвард, иди и помоги Джону, а я пока поговорю с Робертом, – недовольно повторил Тристан.

Вздохнув, Эдвард направился к конюшням. Тристан подождал, пока он отойдет подальше, и повернулся к Роберту:

– Ну, как прошел обед у Сент-Обинов? Ведь ты вчера был у них, не так ли?

– Да, и предупредил тебя, что поеду туда. Мы ведь именно так договаривались? Как видишь, я честно выполняю твои указания. Сент и Эвелин передавали тебе привет и спрашивали, не могут ли быть чем-либо нам полезными.

– Да, они настоящие друзья!

– Ты прав. Что ж, желаю вам с Эдвардом удачной рыбалки...

– Подожди, Роберт! – Тристан приблизился к брату вплотную и тихо произнес: – Я знаю, что ты обвиняешь только себя во всем случившемся.

– Откуда тебе это известно?

– Просто я очень хорошо знаю тебя! Кроме того, у меня есть глаза, и я все вижу. Говорю тебе: не вини себя! Помни, что главное значение семьи в том и заключается, чтобы никто из ее членов не оставался один на один с постигшей его бедой.

– Спасибо, Тристан. – Роберт постарался унять охватившее его волнение.

«Они должны узнать все, – сказал он себе. – Узнать, почему я сам должен справиться со своей бедой».

– Послушай, Тристан, – добавил он вслух. – Я действительно обвиняю только себя! Три года назад я пытался сде-

лать что-нибудь, чтобы не попасть в подобную ситуацию, но все окончилось провалом...

Тристан некоторое время внимательно смотрел в лицо брата.

– Что именно ты тогда пытался сделать? – наконец спросил он.

– Покончить с собой или... или сделать так, чтобы меня убили французы! Что, в сущности, одно и то же.

Тристан побледнел.

– Но, Роберт...

– Я просто не видел другого способа вырваться из страшной реальности. У меня уже не было никаких сил оставаться в Шато-Паньон, и тогда я... Я решил заставить охрану застрелить меня. Но они, верно, плохо целились, и я не умер сразу, а был лишь тяжело ранен. Я пополз ко рву, чтобы умереть там, однако не дополз и потерял сознание. В таком состоянии меня нашли бойцы отряда испанского Сопротивления, боровшиеся против Наполеона.

– Надеюсь, ты не стал делать новой попытки...

– Нет, не стал... В этом и состоит моя главная вина. Теперь только я сам могу объяснить все и как-то оправдаться. Умоляю, не пытайся мне помочь и попроси о том же всех остальных. Ради Бога, Тристан! Через месяц ты собираешься стать отцом...

– Да. И хочу, чтобы у моего сына или дочери был дядя!

– У них будет по меньшей мере три дяди!

Роберт уже хотел уйти, но Тристан удержал его за рукав:

– Я хотел бы, чтобы все будущие родственники моего ребенка обладали здравым смыслом и чтобы среди них был ты. – С этими словами виконт отпустил Роберта, а когда тот уже подошел к дверям, добавил: – Не забывай ни обо мне, ни об остальных членах нашей семьи. Если ты действительно хочешь позаботиться о нашем общем спокойствии, тебе не следует отвергать нашу помощь, если она станет необходимой.

– Хорошо, я подумаю, но дело в том, что конная гвардия напала на мой след.

– Что?

– Они гнались за мной, потеряли меня около Пиккадилли и могут появиться здесь в любую минуту.

– Дьявол! – выругался Тристан. – Какую еще гадость ты намерен сообщить мне сегодня? Нет уж, позволь мне сначала напиться, иначе меня хватит удар!

Тристан еще раз выругался. К счастью для Роберта, ему подвели лошадь, и он, легко вскочив в седло и убедившись, что Эдвард прочно уселся в своем седле, тронул поводья и первым выехал за ворота. Эдвард последовал за ним. Следом на некотором расстоянии ехал один из грумов с удочками и сумками для пойманной рыбы.

– Желаете еще чего-нибудь, сэр? – спросил грум Джимбл, подводя оседланного Толли.

– Нет, все в порядке – скучным голосом ответил Роберта,

присаживаясь на ступеньку крыльца. Ему нужно было о многом подумать, а потому он решил отложить поездку, пойти в сад и спокойно посидеть на лавочке около клумбы.

Глядя на распутившиеся цветы, Роберт невольно сравнил Люсинду с самой красивой из роз, росших на клумбе, но это только испортило ему настроение. Несмотря на то, что Люсинда побывала в его объятиях и отдала ему свою невинность, она, похоже, не отказалась от планов выйти замуж за Джеффри Ньюкома.

Роберт очень редко думал о Джеффри, но после того, как Люсинда назвала того своим возможным женихом, его равнодушие сменилось почти неприкрытой неприязнью. Однако даже это чувство оказалось недостаточно сильным, и в душе молодого Карроуэя стала пробуждаться самая настоящая ненависть. Роберт не мог спокойно смотреть на самовлюбленного героя Ватерлоо, сознавая, что сам с каждым днем выглядит все более жалким, и вскоре стал ненавидеть лорда Ньюкома с такой страстью, которая удивляла его самого.

И что же теперь ему оставалось делать? Отдать Люсинду другому только потому, что тот выглядит более уважаемым, нежели он сам? Впрочем, кто, как не Джеффри, мог достойно претендовать на руку дочери генерала Баррета? Он – Роберт Карроуэй? Но разве мог он даже думать об этом, чувствуя на шее веревку палача? Для начала он должен доказать свою невинность, а реального пути к этому Роберт пока не видел...

– Ты что, вышел накопать червяков для рыбалки? – раздался за спиной Роберта насмешливый голос Джорджианы.

Он обернулся и рассеянно посмотрел на нее:

– Нет. Просто решил подумать на свежем воздухе.

– О чем?

– О том, как сумел похитить документы из Хорсгардза, не имея даже возможности туда попасть.

– Почему бы тебе не обратиться к кому-нибудь за помощью в разрешении столь сложной задачи?

– И вовлечь в разыгравшийся скандал непричастных к нему людей?

Джорджиана скривила губы:

– Но ведь у тебя есть семья, которая готова помочь, а также близкие друзья. Я тоже могла бы что-то сделать...

– Ты?

– Да, я. Насколько мне известно, ты ищешь один из номеров газеты, которая могла бы внести ясность в дело, и я могу попытаться ее достать.

– Слишком поздно, я уже сам этим занимаюсь... и даже успел попасть под подозрение. Теперь любая помощь может скомпрометировать и тебя...

Джорджиана улыбнулась и тронула Роберта за руку:

– Меня очень угнетает, когда я вижу близкого человека, обвиненного в преступлении, которого он никогда не совершал, так что лучше скажи, какой номер газеты тебе нужен...

Роберт поднялся со ступеньки и пытливо посмотрел на

Джорджиану:

– Это может оказаться труднее, чем ты думаешь, Джорджи. Речь идет не о газете – ее можно достать в любой библиотеке. Мне нужно просмотреть книгу посетителей Хорсгардза, которая лежит при входе на столе и выдается только охраной. Там постоянно дежурят двое вооруженных гвардейцев, и...

– Постой, ты уверен, что эта книга все еще лежит там, несмотря на продолжающееся расследование дела о воровстве из штаба?

– Видишь ли, они подозревают какого-то случайного посетителя, а не работника штаба. Этот посетитель обязательно должен был зарегистрироваться в книге!

– Ну, теперь понятно! Скажи мне, ищейки, которые преследуют тебя, постоянно сидят здесь, около дома, в кустах?

– Они вернулись сюда примерно пять минут назад.

– Хорошо. Когда весь этот цирк закончится, мы с генералом Барретом поболтаем немного. А пока ты подожди в саду и ни под каким видом не возвращайся в дом раньше, чем я уеду.

Джорджиана направилась к калитке, за которой ее уже ожидал экипаж. Через полуоткрытую дверцу Роберт увидел сидевшую там Эвелину и еще двух незнакомых ему женщин.

Кучер натянул вожжи, и экипаж покатился вниз по дороге, ведущей в город. Только тогда Роберт поднялся и вернулся в дом...

– Люсинда!

Она поднялась с заднего сиденья и осторожно спустилась по ступенькам отцовского экипажа.

– Джеффри? Откуда вы?

Ньюком резко остановил гнедого рысака и, ловко спрыгнув на землю, поспешил ей навстречу.

– Мне очень нужно с вами поговорить! – Тон его был необычно серьезен.

Люсинда бросила взгляд в сторону дома, где Боллоу, ожидавший возвращения молодой хозяйки, уже предупредительно открыл парадные двери.

– Я только что с обеда! – солгала она, слегка покраснев.

Конечно, Люсинда не могла признаться, что всего двадцать минут назад страстно целовалась с Робертом Карроуэем.

Джеффри взял ее под руку. Первым чувством Люсинды при этом прикосновении стало раздражение, тем более что в эти минуты ей было совсем не до лорда Ньюкома. Она пыталась придумать, как получить полный список сотрудников Хорсгардза и не вызвать при этом тревоги у своего отца.

– Вы не могли бы подождать меня несколько минут в гостиной? – улыбнулась она.

Однако Джеффри отрицательно покачал головой:

– Прошу вас, давайте немного пройдемся и поговорим там, где нам никто не сможет помешать. Это очень срочно...

Люсинда еще никогда не видела, чтобы лорд Ньюком так

волновался. Почувствовав некоторую тревогу, она утвердительно кивнула в сторону розария и стоявшей там каменной скамейки:

– Хорошо, пройдемте туда.

Около клумбы Джеффри жестом пригласил Люсинду сесть, а сам остался стоять.

– Так вы объясните мне, наконец, что происходит? – слегка раздраженно спросила она.

Вместо ответа Джеффри принялся быстрым шагом ходить взад-вперед перед скамейкой, и Люсинде скоро это надоело.

– В конце концов, что случилось? Может быть, вы все-таки расскажете мне?

Неожиданно Джеффри остановился прямо перед ней и произнес инквизиторским тоном:

– Я следил за вами, Люсинда!

– Что?

– Повторяю: все это время я неотступно следовал за вами!

Люсинда недоверчиво посмотрела на Ньюкома, который продолжал ей выговаривать:

– Я не слепой и отлично видел, какими глазами вы смотрели на этого... Роберта Карроуэя! Поскольку мы с вами в последний раз несколько повздорили, то я подумал... подумал, что вы могли пойти к нему. Вот почему пошел за вами и следил до самого дома Сент-Обинов.

У Люсинды было такое ощущение, будто сердце сейчас выпрыгнет из ее груди. О Боже! Если отец узнает, что она

что-то делает за его спиной, то он никогда ее не простит!

– Откуда я знала, что там будет Роберт? – попыталась она защититься от обвинений Джеффри.

– Это не имеет значения. Вы женщина, и у вас доброе сердце. Вы всегда, несомненно, стараетесь вылечить раненых птиц или помочь бродячим собакам...

Джеффри наконец перестал маячить перед глазами Люсинды и сел на скамейку рядом с ней. Но разговор далеко еще не был закончен. Джеффри снова схватил руку Люсинды и так крепко сжал ее, что она чуть не закричала от боли. Все это время он продолжал говорить, а вернее – проповедовать:

– Я обещал вашему отцу подождать, пока не уляжется весь этот скандал с кражей документов, но сейчас понимаю, что не принадлежу к числу терпеливых пациентов.

Люсинду так и подмывало вскочить и убежать в дом, но Джеффри был ее учеником, которого она сама же взялась обучать джентльменским манерам. Поэтому она принялась твердить себе:

«Спокойнее! Спокойнее! Держи себя в руках!»

Джеффри продолжал крепко держать одной рукой ее ладонь, а вторую протянул к ее подбородку и провел по нему кончиками пальцев. Потом он наклонился и дотронулся губами до ее губ, но тут же отпрянул и с самоуверенной улыбкой заявил:

– Теперь вы сами видите, что мы созданы друг для друга!

Люсинда некоторое время внимательно изучала его лицо, затем перевела взгляд на сильные прямые плечи. Ей показалось немного странным, что она получала куда большее удовольствие от чтения записок отца и составления своих замечаний к ним, нежели от поцелуя импозантного и даже красивого лорда Джеффри Ньюкома.

Неожиданно Ньюком соскользнул с каменной скамейки и встал перед Люсиндой на колени:

– Возьмите меня с собой в будущее или обвините в нарушении приличий, но мне необходимо точно знать, станете ли вы моей женой!

– Джеффри, разве могу я дать вам ответ сейчас, когда мои друзья попали в беду? – серьезно спросила Люсинда. – Не стоит пытаться заставить меня забыть об этом в угоду чему бы то ни было! Мы можем вернуться к этому разговору только тогда, когда несчастья будут позади и все уладится! Хотя я и тогда не обещаю вам непременно положительного ответа...

– Нам вовсе не обязательно вступать в брак завтра. Мне только хотелось бы знать, могу ли я надеяться на эту честь в будущем.

Люсинде было бы довольно сказать «да», чтобы сделать счастливым отца, обеспечить себе комфортное будущее, а Джеффри – чин майора британской экспедиционной армии в Индии. Тогда она могла бы поехать с ним, забрав с собой и престарелого отца. И все же не в ее силах было отогнать от

себя постоянные воспоминания о других бездонных глазах, горящих любовью, переходящей в обожание. Она не могла забыть мягкий, задушевный голос и прикосновение нежных, теплых рук.

– Я пока не уверена, что смогу стать вам достойной женой, Джеффри. – Люсинда потупилась. – Кроме того, сейчас все мои мысли и чувства – здесь...

Ньюком долго смотрел ей в глаза, а затем с горечью произнес:

– Дорогая, ведь я просил у вас согласия стать моей женой, а вы ответили, что слишком заняты даже для того, чтобы обдумать мое предложение.

– Нет, совсем нет! Я имела в виду, что мы с вами можем обсудить это завтра, через неделю, через месяц – одним словом, в обозримом будущем. А Роберту Карроуэю помощь нужна именно сегодня, сейчас!

Джеффри выпрямился:

– Я должен признать, что восхищаюсь вашей преданностью друзьям, но надеюсь, вы хотя бы из осторожности не исключаете возможности того, что Роберт Карроуэй вам лжет?

– Нет, он не...

– И еще, – перебил ее Ньюком. – Вы дочь генерала Баррета, человека, пользующегося всеобщим доверием и неоспоримым авторитетом. Возможно, Роберту очень даже выгодно сделать вас союзницей...

– Не смейте так говорить! – вспыхнула Люсинда.

И все же она подумала, что в данном случае Джеффри, пожалуй, в какой-то степени прав. Виновен Роберт или нет, она, как дочь влиятельного генерала, сейчас осталась его последней надеждой на возможность как-то выбраться из ситуации, в которой он очутился.

– Я задал вам вопрос. – Джеффри тяжело вздохнул. – Теперь ваше право обдумать его и дать ответ. Но каким бы ни был этот ответ, я никогда не оставлю вас!

– Спасибо, Джеффри. Мне действительно надо теперь очень серьезно подумать.

Что с ней? Ей предложили все, чего она так хотела, и о чем тут еще думать? Тем более что все кругом считают Роберта безумным...

Люсинда глубоко вздохнула. По крайней мере у нее пока есть какое-то время в запасе...

Парадная дверь дома Карроуэв открылась, а когда из библиотеки выскочил Роберт, Брэдшоу и Эндрю стояли уже в холле, передавая шляпы Доукинсу.

– Проклятие! – выругался Роберт.

– Позволь и тебя поприветствовать точно таким же образом! – хмыкнул Брэдшоу.

– Ради Бога, извините! Я ждал Джорджи, а она, как всегда, опаздывает, вот вы и попали под горячую руку...

– Ладно уж, извиняем. – Шоу усмехнулся. – А теперь скажи, ты, случайно, не знаешь двух подозрительных субъектов, которые прячутся в кустах возле самого дома?

– Нет, я их даже не видел, но догадываюсь, что это агенты тайной полиции, охотящиеся за мной.

– Может, их прогнать отсюда?

– Не стоит. Пусть убедятся, что я дома.

– Отчего-то очень хочется сегодня кого-нибудь избить! – буркнул Шоу и, вздохнув, посмотрел на Эндрю: – Может, стоняем партию в бильярд?

– Что ж, я не против...

Доукинс подошел к Брэдшоу и вручил ему большую пачку писем. Тот взвесил ее на ладони и усмехнулся:

– Вот так подарочек! У меня, оказывается, до сих пор есть немало друзей, которые понятия не имеют о том, что сейчас происходит в столице, и пишут, и пишут... Неужели придется каждому ответить? Ну ладно! А сейчас наступил час бильярда! Пойдем, Эндрю!

Роберт тоже был не прочь сыграть партию-другую и пошел вслед за братьями.

– Давай сначала сыграем с тобой, – предложил Брэдшоу Роберту, и тот охотно согласился.

Оба противника заняли места около стола. Шоу первым взял кий и, ударив по шару, разбил треугольник из остальных шаров. Затем Роберт, как следует прицелившись, точным ударом загнал шар в лунку.

Шоу обошел вокруг стола и тоже начал прицеливаться, но ему помешал Эндрю, громко провозгласивший:

– А, вот и они!

С порога донеслось негромкое женское хихиканье. Роберт обернулся и увидел входящих в комнату Джорджиану и Эвелин. Обе были, видимо, чем-то очень довольны.

– Привет! – улыбнулся им Брэдшоу. – Позвольте спросить, что вас сюда привело?

– Это секрет, – ответила Джорджиана, – но очень скоро он раскроется.

При этом она многозначительно посмотрела на Роберта.

– Можете смело говорить при Шоу и Эндрю – они оба в курсе дела. Итак, вам удалось их достать?

– О чем речь? – недоуменно спросил Эндрю.

– Выдержки из книги посетителей Хорсгардза.

– Но зачем они тебе понадобились? – удивленно спросил Шоу.

– Эти странички, возможно, помогут нам вычислить реального похитителя секретных документов.

– Вот! – торжествующе воскликнула Джорджиана и помачала в воздухе пачкой довольно аккуратно вырванных листов. – Пока я отвлекала внимание охраны расспросами о том, где можно сейчас разыскать генерала Баррета, Эвелин незаметно пролистала книгу, лежавшую на столе, и выдра-ла из нее несколько очень важных страниц. Просто удивляюсь тому, как ей это удалось, а заодно и беспечности охраны. Похоже, эти люди в военной форме готовы заниматься чем угодно, кроме выполнения своих прямых обязанностей. Впрочем, тут еще сыграло роль имя генерала Баррета: как

только я сказала, что мы родственники и хотели бы немедленно его видеть, ни о каком недоверии к нам охранников просто не могло быть и речи. Они долго объясняли мне, что генерала сейчас нет в штабе, спорили между собой, куда он мог уехать, и дружно старались убедить меня немного подождать на втором этаже, где есть мягкие кресла. Заметив, что они с тревогой посматривают на мой огромный живот, я притворилась, будто у меня начинаются схватки, и один из охранников тут же предложил позвать штабного хирурга. Я, конечно, отказалась, сказав, что хочу поскорее вернуться домой, где мне будет оказана самая квалифицированная помощь. Тогда они усадили нас обоих в экипаж, отдали честь и...

– ...И вот эти странички! – прервала подругу Эвелин.

Роберт взял листки и принялся их внимательно читать, в то время как Брэдшоу заглядывал ему через плечо.

– Ну, что там?

– Личные подписи посетителей, побывавших в Хорсгардзе за последнюю неделю.

Да, Люсинда была права: многие десятки посетителей побывали в Хорсгардзе за эти дни; они приходили днем и вечером, оставались долго и не очень. Большинство имен были знакомы Роберту, но часть подписей ничего ему не говорила.

– Итак, – произнес Шоу, продолжая рассматривать список через плечо Роберта, – всех этих людей ты подозреваешь? Пятьдесят имен или даже больше – великолепная кол-

лекция! Вот только у меня возникло предчувствие, что рано или поздно кто-нибудь хватится исчезнувших из книги страниц и как бы нашим дамам не пришлось за это отвечать!

Роберт все еще молчал. Его внимание привлекла одна подпись, вполне разборчивая. За три дня она повторялась несколько раз, напротив нее значился военный ранг и даже жалованье, которое получал этот посетитель.

«Капитан лорд Джеффри Ньюком». Прочитав это имя, Роберт пробормотал:

– Очень даже интересно... – а потом надолго задумался.

Глава 20

*Смею ли я своим бегством сделать их всех
беззащитными от дьявола, которого сам же и
оставил им?*

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Люсинда сидела у себя в спальне и смотрела в окно. Трудно было точно сказать, что интересовало ее в тот момент больше: собственное отражение в оконном стекле или что-то происходившее внизу в конюшне. Но скорее всего она просто думала обо всем, что случилось в последнее время.

Она не согласилась на предложение Джеффри, но у нее были веские причины так поступить. Их встречи, по сути, ограничились двумя уроками джентльменских манер, но не это было главным. Люсинда отлично понимала, что не дала согласие на предложение Ньюкома вовсе не из-за того, что мало знала его. Настоящей причиной стал Роберт Карроуэй. Когда Люсинда вечерами сидела у камина и следила за пляской огненных языков на поленьях, в ушах ее звучал голос Роберта... Когда она чувствовала нежное прикосновение теплых пальцев, это были его пальцы...

Но все же какого-то продолжения их отношения не могли иметь – ведь генерал не одобрял ее выбора и никогда не согласился бы с ним. Сам Роберт не просил ее стать его женой

и вряд ли попросит – до тех пор пока не будет найден настоящий похититель документов из Хорсгардза, Роберт просто не станет говорить на подобные темы.

Люсинда часто представляла себе Роберта закованным в кандалы в сырой тесной камере, в которой нет ни одного окна, и в подобные минуты ее начинало мучить удушье. Но все же Люсинда ни на минуту не могла поверить, что с ним могут так поступить наяву. Если кто-то из властей предержавших хоть на минуту задумается о том, кто такой Роберт Карроуэй, что это за человек, то – Люсинда была в этом глубоко уверена – он сразу же поймет, что Роберт меньше кого-либо еще в Лондоне, да и во всей Англии, хочет новой войны, ибо принадлежит к тем, кто испытал на себе все ее ужасы. И уж конечно, он никогда не станет помогать освобождать Бонапарта!

Но кто же тогда? Кто же на самом деле выкрал секретные документы из Хорсгардза?

За окном раздался чей-то стук, и Люсинда схватилась за сердце. Неужели снова Роберт?

Стук повторился. Присмотревшись внимательно, Люсинда увидела два горящих глаза, наблюдающих за ней через оконное стекло. Ее пульс участился, перед глазами поплыли темные круги. Она бросилась к окну и, открыв его, увидела Роберта. К подоконнику со стороны сада была приставлена лестница – именно по ней он и поднялся на второй этаж.

– Тсс! – прошептал Роберт, приставив палец к ее губам.

Люсинда сделала шаг назад, давая ему возможность прыгнуть в комнату, а потом бросилась к окну и закрыла его.

– Ты что, с ума сошел? – прошептала она. – Ведь тебе отлично известно, что ты не должен здесь появляться! Если мой отец...

– Но его нет сейчас!

– А твои преследователи?

– Они все еще сидят в кустах около моего дома.

– Ты должен был предупредить меня запиской или через Эвелин. Трудно даже представить, что случится, если тебя здесь поймают!

Люсинде очень хотелось, чтобы Роберт ее поцеловал, но он не проявлял никакого желания это сделать, возможно, стараясь выглядеть до конца джентльменом. Помолчав немного, он сказал то, что, видимо, сейчас считал самым главным:

– У меня на руках список лиц, посетивших Хорсгардз за последнюю неделю.

– Ого! Как тебе удалось его достать?

– С помощью кое-кого из друзей.

– И что же тебе стало известно?

– В первую очередь то, что мне и впрямь следует держаться подальше от тебя. Это куда важнее, нежели тот факт, что ты практически помолвлена, а потому я просто не смею находиться в твоей спальне.

– Держаться подальше от меня? – изумленно переспросила Люсинда. – Так ты думаешь, это я выкрала бумаги из штаба?

– Нет, конечно, но все же я прошу тебя быть как можно осторожнее в ближайшие дни.

– Объясни, наконец, что ты имеешь в виду?

– Пока я не уверен. Надеюсь, что ничего страшного не произойдет, но надо быть предельно осторожными. Возможно, мне не следовало сегодня сюда приходить, однако я посчитал необходимым тебя предупредить.

Роберт повернулся, собираясь уйти тем же путем, каким и пришел, но Люсинда схватила его за рукав:

– Подожди. Ты мне еще не все рассказал!

– Да, не все, потому что не хотел тебя волновать.

– Говори!

– Видишь ли, просматривая эти списки, я узнал много знакомых имен, но ни одно не произвело на меня особого впечатления. Исключением стало лишь имя...

Роберт замолчал и внимательно посмотрел в глаза Люсинде.

– Чье же?

– Люсинда, ответь мне, пожалуйста: что мог делать в Хорстгардзе лорд Джеффри Ньюком? Только на прошлой неделе он изволил побывать там четыре раза!

– Что?!

– Да-да, ты не ослышалась: лорд Джеффри Ньюком дей-

ствительно на прошлой неделе четыре раза посетил Хорсгардз. Вот его подписи. Может быть, ты об этом знала?

Роберт протянул Люсинде список посетителей за истекшую неделю, в котором красным карандашом в четырех местах была подчеркнута фамилия Роберта.

– Нет, конечно, не знала... Но он мог работать там над рукописями моего отца или просто встречаться с ним.

– Однако в списке напротив его фамилии значится и цель визита: «отобрать вырезки из газет». Если человек с подобной целью по четыре раза на неделе ходит в военную организацию и выносит оттуда какие-то газетные публикации, это покажется более чем подозрительным кому угодно!

– Дай мне весь список! – потребовала Люсинда.

Роберт протянул ей листки, и Люсинда пробежала их глазами так быстро, что, конечно, ничего не могла запомнить. Тем не менее когда она протянула листки обратно Роберту, то очень уверенно заявила:

– Это не Джеффри. Он думает, что уже достиг того, чего желал. Женившись на мне, он получит чин майора британской экспедиционной армии в Индии. Зачем бы он стал красть какие-то секретные документы, рискуя попасть за решетку и опорочить свое имя? И для чего ему пытаться спровоцировать новую войну с Францией, в которой легко можно сложить голову?

– Вот уж не знаю! Скажи, насколько искренне он предложил тебе свою руку?

Люсинда покраснела.

– Какое это имеет отношение ко всему происходящему?

Теперь Роберт уже не сомневался, что между Люсиндой и лордом Ньюкомом что-то произошло.

– Пойми, – горячо заговорил он, – женитьба станет для него фундаментом для построения высокой карьерной пирамиды – без этого он просто не сможет жить! Другими словами, его честность имеет непосредственное отношение ко всему остальному.

Люсинда нахмурилась:

– Мне не нравится этот разговор, Роберт. Неужели ты считаешь справедливым, еще не освободившись от подозрений в предательстве, начать обвинять в этом Джеффри?

– Может быть, я действую слишком решительно, – тихо произнес Роберт. – Но ведь ты сказала, что веришь мне. Вот я и захотел узнать твое мнение.

Люсинда долго пыталась поймать взгляд Роберта, но, не преуспев в этом, горестно вздохнула и сказала:

– Я верю тебе. Но я также не вижу никаких оснований подозревать Джеффри.

Их разговор был нарушен стуком двери кабинета генерала Баррета, расположенного этажом ниже.

– Боже мой, это отец! – в ужасе воскликнула Люсинда. – Срочно спрячься где-нибудь!

Роберт в два прыжка очутился за углом и прижался к стенке. Между тем шаги генерала, поднимавшегося по лестнице,

приближались. В следующий момент раздался его голос, в котором звучало раздражение:

– Я уже спрашивал тебя, Люсинда: что ты постоянно делаешь за конюшнями?

– А я уже отвечала, что дышу свежим воздухом! И черт побери, когда кончатся эти вечные допросы?

Роберт не стал слушать продолжение пикировки между отцом и дочерью – он скользнул вниз по лестнице и вышел на улицу.

Он дошел до своего дома и уже поднялся по ступенькам парадного крыльца, когда чья-то рука легла на его плечо. Роберт обернулся и увидел Тристана.

– Наконец-то ты вернулся!

– Да, как видишь. И сейчас поднимусь к себе.

Роберт с трудом сдерживал раздражение. Сейчас Тристан начнет задавать вопросы, на каждый из которых получит один и тот же ответ:

– «С кем ты был сегодня?»

– «С Люсиндой!»

– «Куда собираешься завтра?»

– «К Люсинде!»

– «Где намерен проводить время на следующей неделе?»

– «У Люсинды».

И так далее...

Но на этот раз он услышал нечто совершенно другое. Тристан не стал интересоваться, с кем проводит время его брат,

а просто сказал:

– Не забывай: в эти тревожные дни ты можешь всецело рассчитывать на нашу помощь, на помощь нашей семьи. Стоит тебе только попросить, и...

Роберт, не дослушав, кивнул. Поднявшись к себе, он присел на край кровати и задумался. Ему предстояло наконец решить эту ужасную проблему, причем решить как можно скорее. Один сделать это он вряд ли сумеет, а значит, ему придется забыть про гордость и попросить помощи. Помощи у своей семьи...

Люсинде отчаянно хотелось вырвать у себя все волосы, но вместо этого она села на стул в отцовском кабинете и смиренно опустила руки на колени. Генерал быстрыми шагами ходил из угла в угол и с важным видом рассуждал о ее самых близких друзьях, причем кое в чем был очень даже недалек от истины.

– В донесении лейтенанта Стэнли говорится, что из книги регистрации посетителей Хорсгардза исчезли несколько страниц. Ты хочешь, чтобы я поверил в простое совпадение?

Люсинда отлично знала, что это не было совпадением – она ведь своими глазами видела исчезнувшие страницы! Теперь ей оставалось только упорно молчать, тем более что в данный момент ее занимало только одно: на вырванных страницах были подписи многих посетителей штаба, но Роберт обратил внимание лишь на одно имя – имя лорда Джеффри Ньюкома. Только оно одно вызвало его подозрение! Была это

безумная ревность или...

Люсинда почувствовала, как тело покрывается гусиной кожей, и тут же ее начал бить озноб.

– У меня нет никаких сомнений, – продолжал греметь генерал, – что семейство Карроуэй также вовлечено в эти гнусные игры. Откровенно говоря, глупо было бы предположить, что ты самостоятельно вырвала страницы из книги посетителей. Тебе помогли, и я знаю, кто были эти люди! Надеюсь, что Сент-Обин окажется достаточно здравомыслящим человеком...

Люсинда подумала о том, что, по сути дела, у следствия нет прямых улик ни против Роберта, ни против Джеффри. Особенно против последнего. Генерал привлек его к редактированию главы о Саламанке в своей книге воспоминаний о войне и остался очень доволен его работой. Правда, с тех пор прошел целый месяц, работа над книгой давно была закончена – и все же... Все же Джеффри с тех пор четыре раза навещал генерала Баррета, причем не дома, а в Хорсгардзе... Что это – простое совпадение или... А тот факт, что Роберт Карроуэй появился в Лондоне как раз в те дни, когда стали распространяться слухи о краже из штаба неких секретных документов?

Люсинда столь глубоко задумалась, что слова отца доносились до нее как сквозь сон. Он же продолжал с не меньшей энергией:

– Пойми, у меня больше нет выбора. Ради тебя я предо-

ставил ему отсрочку от ареста, в результате мы оказались перед фактом новой кражи, на этот раз уже среди бела дня, причем подозрение опять падает на Карроуэя! Какие еще тебе нужны доказательства?

Люсинда часто заморгала:

– Но, папа, в здании штаба побывало в тот день действительно много посетителей. Не могли же все они оказаться родственниками семьи Карроуэй или друзьями самого Роберта!

– В числе этих посетителей числятся Эвелин и Джорджана. Опять совпадение? Неужели ты серьезно полагаешь, что я могу в это поверить?

– Ты знаешь Джорджиану и Эвелин не хуже, чем меня. Согласись, преступницами они никогда не были...

– Я же не говорю, что они сделали это для себя. Джорджиана и Эвелин решили подыграть своему двоюродному братцу Роберту, черт бы его побрал! – Баррет подошел к столу, выдвинул средний ящик и вынул оттуда чистый лист бумаги. – Сейчас для него наступило время ответить на кое-какие вопросы, причем официально!

– Так ты хочешь его арестовать?

Люсинда поблагодарила небо за то, что в данный момент сидела за столом, иначе непременно упала бы в обморок.

– Для начала я предложу ему мои вопросы, а если он откажется, арестую его!

– Нет! – воскликнула Люсинда, вскакивая со стула и вы-

рываю перо из рук отца.

– Дочь, ты в своем уме? Отдай немедленно перо!

Вот уж нет! Она не откажет в помощи Роберту! Ему потребуется еще совсем немного времени, чтобы прекратить весь этот скандал или же скрыться где-нибудь в Шотландии, а может быть, даже уехать на континент...

По щекам Люсинды покатались слезы. Она вовсе не хотела, чтобы Роберт куда-то уезжал. Он был нужен ей рядом, здесь, в Англии!

– Предоставь ему день! – произнесла она умоляющим голосом. – Всего лишь один день! Предупреждаю, что если ты этого не сделаешь, то...

– То что?

– То я никогда больше не буду с тобой разговаривать!

– Ты это серьезно?

– Да, совершенно серьезно!

Генерал опустил голову, а когда снова поднял ее, Люсинда увидела перед собой такого усталого и старого человека, каким никогда не могла бы представить себе собственного отца.

– Несколько лет назад, – очень тихо произнес Баррет, – при подобных обстоятельствах я бы без малейшего колебания бросил его в тюрьму, где он бы немедленно во всем сознался! Но сейчас я вижу, что увлечение дочери способно разрушить мою карьеру и заставить забыть мой долг перед родиной!

– Папа!

– Сегодня у нас среда. Я даю вам время до полудня пятницы. Пошли записку и предупреди его о том, что это последний срок. И имей в виду – все это время он будет находиться под наблюдением, так что пусть не вздумает брать с собой те газеты! Если мы не найдем их в Лондоне, то устроим настоящую охоту на этого Карроуэя и непременно поймаем его с поличным. Наверное, тебе не надо объяснять, что за этим последует...

– Спасибо, папа! – прошептала Люсинда, поднимаясь со стула.

– Подожди минутку. Скажи Роберту, что в сложившейся ситуации для него было бы лучше покинуть Англию. Здесь ему спокойной жизни все равно не будет!

Некоторое время Люсинда напряженно смотрела на отца. Похоже, Баррет догадался, что ее и Роберта связывают не одни только дружеские чувства, потому и советовал сплавить подальше возможного соперника одобренного им женой. Он ведь уже дал принципиальное согласие Джеффри через какое-то время выдать за него дочь!

Разумеется, генерал был уверен, что это решение сделает Люсинду счастливой, но, увы, на этот раз он ошибся...

Единственное, что Баррет услышал от дочери в конце разговора, было твердое:

– Роберт невиновен.

Люсинда же подумала, что, если Роберту действительно

придется бежать из страны, он сделает это не один...

Глава 21

Сердце мое бешено забилося. Это был момент испытания, от которого зависели мои надежды.

Чудовище

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Роберт был уже в прихожей, когда снаружи раздался звонок. Не дожидаясь Доукинса, он сам открыл дверь и увидел на пороге слугу Баррета. Тот молча вручил конверт и, повернувшись, быстро ушел.

Роберт подумал, что, если Люсинда послала это письмо ему со слугой, значит, Баррет осведомлен об их переписке. Его сердце учащенно забилося. Что еще может знать ее отец? И если генерал узнал об их отношениях, то...

Почерк Люсинды был, как и всегда, красивым и аккуратным. Слегка улыбнувшись, он открыл конверт и прочитал:

«Роберт, мой отец знает о вырванных из книги для посетителей страницах. Он уже убедил себя, что именно ты виновен в обеих кражах, и настаивает на встрече с тобой в Хорсгардзе для допроса».

– Ого! Почему-то ты вовсе не выглядишь счастливым! – донесся голос Брэдшоу, спускавшегося по лестнице.

– Не мешай, видишь, я занят, – буркнул в ответ Роберт и снова погрузился в чтение.

«Я спросила его, что будет дальше. Отец подтвердил, что до полудня пятницы ты можешь спокойно приводить в порядок свои дела. После этого часа, если ты еще останешься в Лондоне, он намерен послать солдат, которые доставят тебя в штаб. Напоминаю, что все это время ты будешь находиться под наблюдением».

– От кого это? – осторожно поинтересовался Брэдшоу.

– От Люсинды.

Брэдшоу круто повернулся на каблуках и скрылся в гостиной. Кода же через пару мгновений он появился вновь, из-за его спины выглядывал Тристан.

– Брат, что ты... – начал он, но Роберт тут же его оборвал:

– Дайте же мне, наконец, дочитать письмо! – Он вновь уткнулся в текст послания Люсинды.

«Прошу тебя, будь максимально осторожным! И знай – четыре недели тому назад я даже и не думала, что Джефффри мог за чем-то посещать Хорсгардз.

Твоя Люсинда».

Роберт сложил письмо и передал его братьям, которые тут же принялись спорить о том, лишился ли генерал Баррет рас-судка или нет. Роберт же думал только о подписи Люсинды под письмом, перед которой она поставила слово «твоя». Значит ли это, что сердце Люсинды теперь действительно принадлежит ему, или же это просто дань вежливости?

Тем временем спор братьев продолжался.

– Почему в письме упомянуты Джефффри Нькжом и Хорс-

гардз? – не унимался Эндрю, пытаясь вырвать письмо из руки размахивавшего им в воздухе Тристана.

– Неужели ты не понял, что она дает нам ключ? – наконец подал реплику Роберт.

– Ключ? К чему? – подозрительно спросил появившийся откуда-то Эдвард.

– Я думаю, она хочет помочь тебе. – Тристан серьезно посмотрел на Роберта.

– Кто хочет помочь? – Эдвард, видимо, окончательно запутался.

Роберт пожал плечами:

– Она женщина, и кто знает...

– Ладно. Положим, генерал ограничился тем, что дал тебе полтора дня на раздумья, – включился в обсуждение Шоу. – Он что, действительно верит, будто ты успеешь за это время во всем разобраться?

– Думаю, он просто ждет, чтобы я покинул Англию, – тихо ответил Роберт.

– Но ты же не сможешь это сделать! – запротестовал Эдвард. – Не сможешь, потому что, как мне сегодня кто-то сказал, к нам идет сам дьявол. В такой момент нельзя бросать свою страну!

– Эдвард! – в один голос оборвали его старшие братья.

– Да? – Эдвард усмехнулся. – Чем я не прав? На улице только и слышно: «Дьявол, дьявол, дьявол!» Конечно, ерунда все это, но вы все-таки объясните мне, что происходит.

Роберт схватил Эдварда за руку и, поставив перед собой, шепнул ему в самое ухо:

– У меня некоторые неприятности, Эдвард, и мы хотели бы убрать кое-какие нагромождения, чтоб ситуация не сделалась еще хуже.

– Это ты о том, что так тревожило тебя совсем недавно?

– Да, но теперь это меня тревожит в еще большей степени!

– Я ведь хочу тебе помочь...

Роберт улыбнулся и ласково погладил Эдварда по голове:

– Ты помогаешь мне уже тем, что являешься моим братом.

Эдвард схватил Роберта за плечи и крепко обнял:

– Прошу тебя, не уезжай!

– Не уеду!

– Обещай мне!

– Обещаю!

С каждым мгновением Роберт все больше понимал, как много потеряет, если все же уедет.

– Итак, что мы теперь намерены делать? – сказал Эндрю, выступив вперед, в то время как Джорджиана присоединилась к братьям и внимательно читала послание Люсинды.

– Во-первых, мне нужно, чтобы кто-то поговорил с Джефффри, не вызывая у него подозрений.

– Вряд ли кто-нибудь из нас сможет это сделать, – пожал плечами Шоу. – Разве что Сент?

– Ты прав, Сент, наверное, тот, кто нам нужен, – согласился Роберт.

– Боюсь, само его появление может вызвать подозрение у Ньюкома.

– С Джеффри может встретиться Эвелин, – вмешалась в спор Джорджиана, – это вряд ли кому-нибудь покажется подозрительным. Я попрошу ее послать записку Люсинде. Кстати, Эвелин и Сент могут присоединиться к нам за ужином. Ты не возражаешь, Роберт?

Роберт утвердительно кивнул, и Джорджиана, подзвав к себе Доукинса, шепнула ему на ухо несколько слов. Слуга тут же направился на кухню, дабы предупредить, что к ужину хозяева ждут еще одну пару.

– Я не понимаю: мы что, теперь будем шпионить за Джеффри? – спросил Эдвард у Шоу, садясь на покрытый паласом пол.

– А я не понимаю, Эдвард, – строго посмотрел на него Тристан, – почему ты считаешь для себя не обязательным переодеваться к ужину.

– Потому что нахожусь у себя дома, в своей семье. К тому же я хочу знать, что происходит.

– Существуют вещи, которые ты действительно должен будешь узнать, – тихо произнес Роберт. – Но только когда станешь чуть старше.

Глаза Эдварда наполнились слезами.

– Я тоже хочу чем-нибудь помочь, – захныкал он.

Роберту стало бесконечно жаль младшего брата. Он снова погладил его по голове и ласково сказал:

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Мы решили шпионить за лордом Джеффри Ньюкомом, потому что подозреваем его в краже секретных документов. Вину за кражу он хочет свалить на меня...

– Почему именно на тебя?

В холле повисло молчание. Все потупились.

Наконец Роберт посмотрел прямо в лицо Эдварду и сказал твердым голосом:

– Видишь ли, Эдвард, я имел неосторожность рассказать одному человеку о моем пребывании в... Шато-Паньон.

– Этим человеком была Люсинда Баррет? – усмехнулся Эдвард. – Тогда понятно! Она могла передать все лорду Джеффри. Ведь они собираются пожениться, не так ли?

– Нет, не так! – поспешил ответить Роберт, пока этого за него не сделал кто-то из братьев. – Люсинда рассказала об этом совсем другому человеку, а именно генералу Баррету, своему отцу.

– Ну да, а генерал Баррет передал это Джеффри, – не сдавался Эдвард.

Все снова замолчали. В первый момент Роберту захотелось честно признаться в своих подозрениях о том, что это генерал первым распустил слухи о его виновности, но некоторая симпатия, которую он чувствовал к отцу Люсинды, теперь удержала его.

– Генерал доложил свои подозрения одному из командующих конной гвардией, – пояснил он, – так как считал

это своим долгом перед отечеством, а тот, вероятнее всего, распустил сплетни по всему городу. Что же касается лорда Джеффри, то генерал действительно мог передать будущему зятю рассказ Люсинды. Это логично – ведь Джеффри должен знать о том, что его невеста против собственной воли оказалась втянутой в дело о шпионаже. К сожалению, мы не можем получить тому подтверждение от самого генерала.

– Возможно, мы действительно не можем, – возразила Джорджиана. – Но это вполне под силу Люсинде.

– Нет! – резко парировал Роберт. – Я никогда себе не позволю просить ее следить за родным отцом!

– Бог с ним, с генералом! Завтра в Таттерсоллзе будет происходить аукцион, куда многие собираются поехать. Вот если бы Люсинда помогла нам затащить туда Джеффри, это было бы очень неплохо...

Эндрю с сомнением покачал головой:

– Не думаю, что нам вообще стоит вмешивать Люсинду во все эти дела, раз ее отец спит и видит, как бы посадить Роберта в тюрьму.

Тут все принялись шумно спорить, привлекать или не привлекать Люсинду, пока наконец Тристан, подняв руку, не призвал присутствующих к молчанию.

– Весь этот базар нас никуда не приведет, – заявил он с раздражением. – Баррет предоставил Роберту отсрочку на полтора дня. Я терпеть не могу ультиматумов, особенно тех, которые предъявляются в условиях массового распростране-

ния грязных слухов и клеветы, – а это как раз наш случай, – но поймите, ведь сегодня этот чертов генерал может делать все, что только ему в голову взбредет!

– Значит, нам лучше всего найти лорда Джеффри и потрясти из него признание! – мрачно предложил Брэдшоу.

– Это не поможет, – возразила Джорджиана самым серьезным тоном. – Нам нужны доказательства и данные о мотивах преступления, а не признания, от которых потом можно отказаться. Пока у нас нет ни того ни другого.

– Мы добудем их! – уверенно заявил Роберт. – Должны добыть, поскольку я не собираюсь покидать Англию. Иначе мне понадобится не менее четырех лет, чтобы вернуться назад.

Дверь неожиданно открылась, и в гостиную вошла леди Сент-Обин, а вслед за ней и Сент.

– Что-нибудь произошло? – спросила Эвелин, обращаясь сразу ко всем, кто был в комнате.

Джорджиана молча вручила ей письмо Люсинды. Маркиз перегнулся через плечо жены и тоже стал читать, а прочитав, перевел взгляд на Роберта:

– Насколько я понимаю, от нас требуется помощь, или, вернее, дальнейшая помощь, коль скоро моя супруга уже сделала в этом направлении первый шаг, сыграв роль вора-взломщика.

– Это был шаг во благо, – энергично запротестовала Джорджиана, – так что совершенно не к месту говорить здесь о

каком-то воре-взломщике!

– Но разве я возражаю? – Сент ухмыльнулся. – Эвелин все подробно рассказала. Мне особенно понравилось то место, где она спрятала добытые улики.

– Ну же, довольно! – прервала его Эвелин, порядком покраснев. – Все это очень серьезно!

Сент кивнул, усадил жену в свободное кресло, а сам расположился рядом на старинном стуле.

– Насколько я понял, мы собрались для того, чтобы обсудить твой отъезд из Англии, Роберт, не так ли? – спросил он. – Или же речь пойдет о лорде Джеффри Ньюкоме?

– О лорде Джеффри, – ответил за Роберта Эдвард.

– Вообще-то дело в том, что все замыкается на Люсинде. – Роберт вздохнул.

– Почему именно на ней? – поинтересовался Сент.

– Видишь ли, нам бы хотелось, чтобы она уговорила Джеффри поехать с ней завтра на аукцион в Таттерсоллз, куда мы попросим приехать и тебя с Эвелин. На аукционе вы встретитесь, а дальше все зависит от способностей каждого из вас. Главная цель – максимально задержать Ньюкома на площади, пока мы обыщем его дом в поисках украденных Джеффри из Хорсгардза секретных документов. Что их выкрал именно Джеффри, уже мало кто сомневается, но чтобы он ничего не заподозрил, следует постараться для начала убедить его купить себе нового коня. Такое предложение будет выглядеть вполне логичным, коль скоро лорд едет на яр-

марку с целью присмотреть коня для генерала Баррета. Подобный совет не должен вызвать у него никаких подозрений, мы же выиграем на этих переговорах дополнительное время для обыска его дома. Кроме того, решение Джеффри относительно дорогой покупки даст нам возможность выяснить его финансовое положение и определить, насколько он заинтересован в деньгах.

– А это еще зачем? – поинтересовался Эдвард.

– Чтобы удостовериться в том, что кража документов имела для него прежде всего материальное значение: французы за эти бумаги готовы заплатить огромные деньги. Без этого будущее Джеффри выглядит довольно убогим. Единственное, на что он пока может рассчитывать, так это на брак с Люсиндой, на который уже получил принципиальное согласие ее отца. Генерал Баррет также обещал ему высокий армейский пост, но проблема для Джеффри заключается в том, что Люсинда еще не дала окончательного согласия. Так что нашему дорогому лорду обязательно надо подстраховаться!

– Так ты думаешь, Джеффри делает ставку на Люсинду? – удивился Сент.

– Несомненно. У меня есть основания считать, что Ньюком очень нервничает в ожидании ответа Люсинды, а она даст его только после окончания следствия по делу о воровстве секретных документов.

– Тогда понятно, – мрачно проговорил Сент. – А теперь скажи мне: ты что сам намерен делать?

– Сначала покрутиться около вас до тех пор, пока не удостоверюсь, что мы на правильном пути. Потом я нанесу визит в дом Джеффри Ньюкома, но сделаю это лишь в крайнем случае.

– А какая роль отводится нам?

– Думаю, кое-кому из вас придется присоединиться ко мне – у нас не много времени для обыска дома, где могут быть спрятаны исчезнувшие бумаги, и мне хотелось бы иметь рядом хоть кого-то, кто мог бы подтвердить, что их прятал не я.

– Было бы предпочтительнее, если бы этим свидетелем не стал член нашей семьи, – возразил Брэдшоу.

– Я постараюсь позаботиться об этом, – сказал Тристан, прокашлявшись. – Например, можно привлечь близкого друга Роберта герцога Уиклиффа...

– Но риск! – возразил Роберт, подумав при этом, что в готовящемся предприятии нет места случайным людям.

Слишком уж много срывов было за время всей этой истории, в центре которой он оказался.

– Вам троим предстоит занять Ньюкома, пока мы будем искать в его доме документы, – тихо сказал он Сенту.

– Видимо, делать это надо крайне осторожно, не так ли?

– Несомненно! Джеффри имеет свободный доступ в дом генерала Баррета и Люсинды, а потому мы особенно заинтересованы в том, чтобы он ничего не заподозрил.

Сент кивнул, хотя в глазах его мелькнула тревога.

– А если ты ничего не найдешь? – спросил он Роберта.

– Постараюсь найти. Я вовсе не собираюсь в тюрьму и к тому же обещал вам всем не покидать Англию.

Появившийся в дверях Доукинс пригласил присутствующих к столу, и все потянулись в столовую, однако Джорджиана задержала Роберта в гостиной:

– У меня есть к тебе несколько вопросов.

– Слушаю.

– Во-первых, что ты намерен делать с документами, если найдешь их в доме Джеффри?

– Разумеется, немедленно вернуть!

– Возвратить... генералу Баррету?

Роберт почувствовал, как по его спине пробежала дрожь. Он покосился на Джорджиану, но, к счастью, она ничего не заметила.

– Ну да, Баррету – ведь это он возглавляет следственную комиссию.

– А тебе не кажется, что есть еще один момент, который надо непременно иметь в виду? Всем известно, что генерал состоит в дружеских отношениях с Джеффри Ньюкомом и не очень жалуется тебе.

– В принципе эта неприязнь у нас взаимна, тем не менее я вполне могу вести дела с генералом. И какой твой второй вопрос?

– Откуда тебе известно, что Люсинда не приняла предложение Ньюкома?

– Она сама мне об этом сказала.

– Видимо, она очень тебе доверяет?

– Просто я умею слушать.

Зеленые глаза Джорджианы неотрывно смотрели на Роберта.

– Ты обладаешь и другими, куда более тонкими качествами, Роберт Сильвестр Карроуэй! – Она рассмеялась. – Я надеюсь, тебе все удастся.

– Что ж, время покажет.

«Покажет, и, возможно, очень даже скоро», – подумал Роберт, направляясь вслед за остальными.

– Ты уже собираешься ложиться спать? – спросил генерал Баррет, приоткрыв дверь спальни Люсинды.

– Да, я очень устала и хотела бы отдохнуть.

– Может быть, попросить Элен принести тебе чего-нибудь поесть?

– Спасибо, я не голодна.

– Послушай, Люсинда...

– Да, папа?

– Имей в виду: Роберт Карроуэй на сегодняшний день первый кандидат в преступники. Почти полностью доказано, что именно он похитил секретные документы и передал их французам, так что будь готова к самому худшему.

Люсинда почувствовала резкий приступ слабости. Наверное, это была просто паника, охватившая ее при безжалостных словах отца. В последнее время так случалось каждый

раз, когда кто-то при ней пророчил Роберту тюрьму или что-то еще более страшное. Особенно ее огорчало то, что теперь эти страшные слова произносил родной отец, которому она привыкла во всем доверять.

Она перегнулась через перила балкона и посмотрела вниз. Отец тоже стоял на балконе, но этажом ниже.

– Почему именно Роберт первый кандидат в преступники? Только потому, что его мучили в тюрьме, а он все-таки выжил? Что, если бы я не передала тебе наш с ним разговор? Кого бы тогда ты назвал первым кандидатом?

– Факт остается фактом: я знаю об этом, что значительно облегчает нам расследование дела.

– А ты, часом, не знаешь, кто разнес такие сведения по всему Лондону?

– Люсинда, я уже говорил тебе, это не имеет никакого значения...

– Имеет, папа! Скажи, можешь ты вспомнить кого-нибудь из тех, кому ты рассказал все подробности дела, кто был бы заинтересован в новой войне или в деньгах, которые можно получить за кражу секретных документов? То и другое вряд ли прельстило бы Роберта Карроуэя, и ты это отлично знаешь! – Люсинда глубоко вздохнула и задала свой главный вопрос: – Скажи, папа, ты никогда случайно не упоминал в разговоре с Джеффри о том, что Роберт содержался в тюрьме Шато-Паньон?

Баррет изумленно посмотрел на дочь:

– Ты что, подозреваешь Джеффри?

Люсинда некоторое время молчала, а затем отступила к лестнице. Она поняла, что если будет настаивать на своей версии, то больше никогда не вытрясет необходимую информацию, а ей это нужно позарез. Ну кто еще, кроме нее, мог ее добыть?

– Н-нет, я просто подумала, что в начале нашей дружбы Джеффри ревновал меня к Роберту и вполне мог распусть слух, порочащий его. Но прямо оговорить его он бы не посмел!

– Послушай, Люсинда, это же просто смешно! В конце концов, если Роберт Карроуэй действительно невиновен, то для него не возникнет никаких проблем. Чем скорее мы арестуем его и допросим, тем быстрее закончатся недоразумения. Он расскажет нам правду и тотчас же будет освобожден, причем мы даже принесем ему извинения! Что касается Джеффри, то я уверен, он бы никогда никому ничего не сказал. Этот парень очень хорошо знает, как хранить секреты! А теперь спокойной ночи, дочка!

– Спокойной ночи, папа!

Люсинда буквально скатилась вниз по лестнице. Теперь сомнений у нее не было – отец обо всем рассказал Джеффри, и, значит, тот целиком в курсе дела! Утром она напишет письмо Роберту и все ему расскажет!

Глава 22

Я клянусь своей жизнью и смертью, что его уничтожу!

Виктор Франкенштейн

(М. Шелли «Франкенштейн»)

Люсинда спала недолго, но и во сне ее рассудок не переставал работать, решая непростую задачу: действовал ли Джеффри из ревности или из каких-нибудь куда более низких соображений?

Она проснулась одновременно с восходом солнца и сразу же бросилась к столу писать письмо Роберту. Половина письма была уже готова, и она думала, как передать послание, когда пришла записка от Эвелин.

«Люсинда, – писала подруга, – мы с Сентом были бы очень рады, если бы вы и лорд Джеффри завтра утром поехали с нами на конную ярмарку в Таттерсоллз. Было бы лучше, если бы вы сами связались с Джеффри и сказали ему, что жаждете побывать на этой ярмарке вместе с ним».

Дописав письмо Роберту, Люсинда задумалась над тем, как составить послание Джеффри и убедить его поехать с ней.

В этот момент раздался стук в дверь и из коридора до нее донесся голос Баррета:

– Можно к тебе?

– Конечно,ходи, папа! Что-то случилось?

Генерал бросил взгляд на стол, где осталось еще не высохшее перо, на взволнованное лицо дочери и, нахмурившись, сообщил:

– Сегодня утром у меня назначена важная встреча, но прежде, чем уйти, я хотел бы удостовериться, что во время моего отсутствия не случится ничего экстраординарного.

– Экстраординарного? – Люсинда скривилась. – Так ты боишься, как бы я не сбежала с торговцем рыбой или еще с кем-нибудь? Если так, то будь спокоен: ничего подобного не произойдет. Ах, ты смотришь на перо! Что ж, я только что написала письмо Джефффри с просьбой разрешить мне сопровождать его сегодня в Таттерсоллз на конный аукцион. Он собрался туда, чтобы присмотреть для себя хорошую спортивную лошадь. Кроме того, я хотела бы слегка загладить свою вчерашнюю резкость.

– Какую именно?

– Видишь ли, вчера Джефффри предложил мне выйти за него замуж...

Брови генерала полезли на лоб.

– Ах даже так! Ну, и что же ты ему ответила?

– Сказала, что предпочитаю подождать, пока не закончится весь этот скандал с похищением секретных документов. Думаю, он воспринял мой ответ как отказ, но я хочу сказать ему, что это не совсем так.

– Я не буду к тебе придирататься за твою преданность или жалость кое к кому, хотя могу пожелать большей серьезности и здравомыслия в выборе друзей. Ну а теперь мне пора идти. Ты же передай мой привет Джефффри и спроси, закончил ли он просмотр очередной главы моей книги.

– Конечно, папа!

Роберт и Брэдшоу приехали в Таттерсоллз на несколько минут раньше Сента и Эвелин. К счастью, площадь была заполнена народом, а потому затеряться среди толпы и остаться незамеченными не составило особого труда.

– Где прикажешь им расположиться? – спросил Сент у Роберта.

– Забирайся как можно выше. Ты должен удостовериться в том, что Джефффри не собирается уйти отсюда, и рассчитать так, чтобы добраться до вон того домика раньше, чем это сделает он.

– До того домика? А что в нем?

– Этот дом принадлежит Джефффри, и я уверен, что именно там он припрятал украденные бумаги. В любом случае старайся держаться возможно ближе к нему. Когда Джефффри тебя заметит, завяжи с ним разговор, а как только он скажет что-нибудь подозрительное, подай мне знак. Тогда мы проникнем в дом и перероем там все на совершенно законных основаниях. Я, возможно, не люблю Джефффри, но еще больше мне ненавистна мысль, что меня могут арестовать. Думаю, ты меня понял.

– Еще как!

– Тогда начали.

– Подожди-ка! Где ты достал этот наряд?

– В дальнем углу конюшни. Так меня вряд ли кто-нибудь узнает.

– Думаю, тебе нет нужды об этом беспокоиться. Посмотри на себя – за последние недели ты не просто исхудал, а высох. Вместо лица – маска. Ну куда это годится!

Роберт довольно улыбнулся. Сейчас он больше всего хотел бы походить на какого-нибудь из тех крестьян в широкополых шляпах с загорелыми лицами, которые продавали кукурузу и жареный горошек и чьи повозки виднелись повсюду. Одним словом, он хотел слиться с толпой, и, судя по словам Шоу, это ему в значительной степени удалось. Поэтому он смело бродил по площади, заходил в павильоны, подолгу стоял, любуясь красотой выставленных на продажу лошадей.

Внезапно что-то заставило Роберта обернуться, и он увидел пробиравшихся через толпу Сента и Эвелин. Откровенно говоря, он даже не надеялся, что они могут приехать, но оба, оказывается, были здесь, и Роберт поспешил им навстречу.

– Доброе утро, милорд и миледи! – обратился он к Сент-Обинам и галантно снял шляпу.

Супруги некоторое время в недоумении смотрели на него, пока наконец Эвелин не всплеснула руками:

– Боже мой, ты меня перепугал до смерти!

Сент разразился хохотом, заключил Роберта в объятия и дружески похлопал по спине.

– Не забывай, что нас здесь нет! – напомнила Роберту Эвелин. – И еще Люсинда сообщила в письме, что намерена сопровождать лорда Джеффри на «Таттерсоллз». Думаю, так она и сделала!

Итак, Люсинда решила им помочь. Вернее – помочь ему. При этой мысли Роберт постарался сдержать идиотскую улыбку, готовую появиться на его лице. Но, снова смешавшись с толпой, он уже не только улыбался – ему хотелось петь, танцевать, дурачиться и делать всяческие глупости. Люсинда приняла решение! Конечно, на самом деле это означало лишь то, что она перестала во всем доверять Джеффри Ньюкому, и все-таки это была хоть небольшая, но победа!

Все же подозревая Джеффри в предательстве, Люсинда одновременно выставляла себя достаточно глупой в глазах его окружения, и в этом он прежде всего винил себя. У него есть возможность прекратить весь развертывавшийся вокруг него спектакль, даже если для этого ему пришлось бы исчезнуть из Англии. В любом случае он не может допустить, чтобы пострадала Люсинда!

Роберт почувствовал появление Люсинды на площади еще до того, как услышал шаги. Он обернулся и увидел ее...

Люсинда шла под руку с Джеффри, и Роберт услышал часть разговора:

– ...купить в качестве подарка генералу к его дню рождения. Но вы же знаете, как Баррет придирчив!

– Независимо от того, купим ли мы сегодня нового коня для генерала или нет, всегда полезно знать тех, кто выставляет на продажу породистых лошадей! – отвечал ей Джеффри.

Тут к ним протолкался Сент, тоже слышавший часть разговора Люсинды и Джеффри. Он пожал руку Ньюкому, слегка поклонился Люсинде и со знанием дела произнес:

– Видите ли, одна великолепная лошадь, выставленная заводчиком на продажу, вовсе не означает, что остальные животные равны ей по качеству. Поэтому, если вам лошадь понравилась – покупайте ее, не надеясь, что у хозяина сможете купить нечто лучшее. Последнее вовсе не обязательно! К тому же вы всегда сможете ее продать, если отцу животное не понравится, не так ли, лорд Джеффри?

– Называйте меня просто Джеффри! Так вот. При серьезных покупках я бываю в высшей степени придирчив и практичен. Это в полной мере относится к приобретению лошадей.

– И вы правы, Джеффри! Кстати, вы четвертый сын в семье, верно? Я не очень хорошо знаю Фенли, но слышал, что он... Как бы это получше сказать...

– Понимаю вас. Так оно и есть. Отец был всегда убежден, что «нежданный» сын всегда сам пробивает себе дорогу.

– Но это довольно жестоко! – возразила Люсинда, бросив на Джеффри внимательный взгляд. – Я не сомневаюсь, что

он гордится тем, как вы делаете карьеру!

Роберту очень хотелось поцеловать Люсинду за тот тон, с которым были произнесены эти слова, и их скрытый смысл. Для нее уже не было секрета в том, что Ньюком рассчитывает сделать карьеру, женившись на Люсинде – дочери генерала Баррета. Этим он не только достигал желанного положения в армии, получив чин майора, но и мог свалить вину за украденные документы на кого-то еще, а точнее – на Роберта, которого, как отлично знал Ньюком, генерал не очень жаловал.

– Отец будет еще более гордиться мною, когда я достигну практического успеха в карьере, – не без самодовольства произнес Джеффри, беря руку Люсинды и целуя кончики ее пальцев.

– Это будет военная карьера? – спросил Сент. – Ведь, если я не ошибаюсь, вы все еще служите в армии?

– Да. И там у меня очень хорошие возможности. Я думаю непременно воспользоваться одной из них, ибо твердо решил сделать Люсинду своей женой.

«Ублюдок!»

Роберт подумал, что если бы не был обвинен в предательстве, то непременно нашел бы способ убрать Ньюкома со своего пути.

Он подошел совсем близко, надвинув на глаза шляпу и прячась за колесо большого экипажа.

– Готов держать пари, что вся семья Карроуэй не хотела

бы, чтобы Роберт посвятил себя военной карьере, – усмехнулся Сент.

– Замолчи! – Эвелин густо покраснела. – То, что ты сказал, ужасно! И не забывай, что Джорджиана моя подруга...

– Ты права, – согласился Сент.

– Признаюсь, – прошептала Люсинда, – что вся эта история создает больше всего проблем для генерала Баррета. Да, Роберт мой друг, и я ни на минуту этого не забываю. Однако было бы бессмысленно утверждать, будто и все остальные в восторге от того, что произошло.

Роберт повернулся и, пробираясь сквозь толпу, направился вниз по узкой улочке к проглядывавшему сквозь зелень окружающих его деревьев и пышных кустов дому. Пройдя с полсотни шагов, он обернулся и невольно улыбнулся: Люсинда и Эвелин следовали за ним!

Эвелин на несколько минут задержалась около торговца питьевой водой, и это дало возможность Люсинде первой подбежать к ожидавшемуся ее Роберту. Он обнял ее за плечи, крепко прижал к себе и поцеловал.

– Осторожно! – прошептала Люсинда. – Увидят...

– Я уже увидела! – Эвелин, остановившись неподалеку, глядела на обоих ставшими огромными от изумления глазами. – И давно это у вас? – наконец спросила она.

– Сейчас не время рассказывать, – отозвалась Люсинда, не сводя взгляда с Роберта.

– Мне очень жаль, что я впутал тебя эту грязную исто-

рию, – прошептал Роберт ей на ухо – Я знал, что ты не хотела этого...

– С тех пор я передумала. Ты такой... интересный, необычный человек...

– Извините, – сказала с улыбкой Эвелин. – Я здесь, верно, лишняя. Подожду-ка я вас вон там, у коновязи.

– Спасибо, Эвелин! – благодарно улыбнулся ей Роберт. – Мы подойдем через несколько минут...

Дождавшись, пока Эвелин отойдет подальше, Люсинда посмотрела в глаза Роберту и спросила полусшепотом:

– Что ты хочешь узнать?

– Только благодаря тебе я получил еще один день отсрочки. А что касается генерала Баррета, то мне важно понять, откуда пошли все эти мерзкие слухи обо мне. Если бы ты могла спросить его об этом, я был бы очень благодарен.

– Говори прямо: ты хочешь знать, какую роль во всем этом скандале играет Джеффри Ньюком?

– Да.

– Отец рассказал Джеффри о тебе и Шато-Паньон – это случилось за день до того, когда он присутствовал на одном из своих регулярных собраний, и до того, как я передала ему то, что ты мне рассказал по секрету. Сейчас мне ясно, что отец уже тогда знал все или почти все и, видимо, поделился этим с Джеффри.

Роберт вздрогнул. Итак, Джеффри! Конечно, Джеффри разболтал все!

– А теперь нам надо идти, – шепнула Люсинда, – Эвелин, наверное, уже заждалась.

– Иди, а я тем временем попытаюсь кое-что сделать. Ты сумеешь занять Ньюкома ненадолго? Я же постараюсь управиться побыстрее – ведь этот домишко совсем крошечный.

– Сделаю все, чтобы задержать его, но ты будь осторожен. И еще: если ты поймешь, что должен покинуть Англию, – уезжай! Только сразу же сообщи, где тебя можно найти или куда написать!

– Обещаю.

Роберт отпустил Люсинду, повернулся и пошел к дому...

Глава 23

Когда я с удивлением обнаружил огромную силу своих рук, то долгое время не мог решить, как ее использовать.

*Виктор Франкенштейн
(М. Шелли «Франкенштейн»)*

– Брось молоть вздор! – воскликнул Роберт. – Я не желаю оставлять там Люсинду и заставлять ее следить за этим мерзавцем.

– Но она же не одна, – возразил Тристан, бросив взгляд в сторону утопающего в зелени деревьев маленького домика. – Насколько я понимаю, с ней Сент и Эвелин, которые не дадут ее в обиду. Понимаешь, мне очень не хочется, чтобы кто-нибудь видел, как я вламываюсь в чужой дом.

– Джеффри там все равно нет! – горячился Роберт. – И кроме того – вот! – Он ткнул пальцем в маску леопарда, которую держал в руке Тристан. – У каждого из нас есть подобная маска, так что вперед! Я лично отправляюсь туда сейчас же, а вы все можете спорить хоть до скончания века!

Продолжая ворчать, Роберт нацепил маску тигра и пошел через улицу к дому. Прошло меньше минуты, и он услышал топот ног Уиклиффа с Тристаном, устремившихся вслед за ним. Роберт резко ускорил шаг, стараясь при этом не хромать, чтобы его не узнали, но Тристан с Уиклиффом все же

догнали его.

– Вы готовы? – спросил он, берясь за деревянный дверной молоток, висевший на косяке. – Итак, первым делом – кабинет, затем – библиотека. Спальня – в последнюю очередь. Если же мы ничего там не найдем, то перевернем вверх дном весь дом!

Тристан и Уиклифф утвердительно кивнули, и Роберт постучал. Дверь открыл ливрейный слуга Ньюкома.

– Хозяина нет дома, милорд! – воскликнул он, узнав неожиданного гостя и отступив на шаг.

– Знаю! – Оттолкнув слугу в сторону, Роберт решительно переступил порог.

Слуга, схватив прислоненную к стене прогулочную трость, попытался ударить ею Роберта по голове, но тот рукой отвел удар и вырвал трость.

– Входите! – бросил он через плечо друзьям.

Слуга попытался протестовать, но сразу смирился, заметив, как сжались огромные кулаки неожиданного гостя. Однако тут же в дверях возникло еще двое слуг. Тристан и Уиклифф бросились на них, сбили с ног и затолкали в темный чулан в прихожей, после чего повернули торчавший в двери ключ. Некоторое время пленники громко стучали и звали на помощь, но дом стоял в некотором отдалении от оживленной улицы и самой ярмарки, а потому их никто не услышал. Прошла минута, другая... и шум в чулане затих.

– Не будем терять времени и начнем поиски! – скомандо-

вал Роберт.

– Посмотрите, какой прекрасный жеребец! – Джеффри наклонился так близко к Люсинде, что она почувствовала тепло его гладко выбритой щеки.

– Действительно, он очень красив, – согласилась Люсинда. – Мне довелось видеть его на скачках. Тогда он произвел большое впечатление на зрителей; но папе такой конь, возможно, покажется слишком горячим.

Стоя рядом, Сент и Шоу внимательно следили за каждым движением Джеффри, поэтому Люсинда чувствовала себя в безопасности; и все же, украдкой поглядывая на Ньюкома, она с содроганием думала о том, что этот человек, став за-всегдаем в ее доме, врал бог знает что отцу, целовал ее и даже предлагал ей стать его женой.

К тому же он, возможно, украл секретные документы и передал их французам, а это означало шаг к возвращению Наполеона с острова Святой Елены и неперемненное начало новой войны. Подобного поворота событий Люсинда ни в коем случае не хотела бы! Кроме того, Ньюком распространял мерзкие слухи о другом человеке, обвиняя его в преступлении, которое совершил сам.

Ее мысли прервал голос Эвелин:

– Скажите, лорд Джеффри, правда ли, что вы собираетесь занять высокий военный пост в Индии?

– Да, это так.

– А ваша супруга присоединится к вам?

Джеффри посмотрел на Люсинду своими красивыми зелеными глазами:

– Я уверен, что она с радостью поедет со мной.

Люсинда встретила его взгляд молча. Хотя подобный разговор вызывал у нее раздражение, она понимала, что должна продолжать играть свою роль в общей игре, о которой Джеффри и не подозревал.

В конце концов заставив себя улыбнуться, она небрежно произнесла:

– Я слышала столько захватывающих рассказов об Индии, о ее природе, людях, замечательной и оригинальной музыке... Как чудесно увидеть все это своими глазами! Уверена, что генерал также получит огромное удовольствие от этой страны...

– Генерал Баррет? – удивленно выгнул бровь Джеффри. – Конечно, я был бы рад, если бы генерал поехал с нами, но не думаю, что это путешествие его очень заинтересует. Кроме того, там не будет никого из его близких друзей, с кем бы он мог делиться своими воспоминаниями...

– Но зато там будем мы с вами!

– Да, разумеется, и присутствие в доме уважаемого человека было бы для нас весьма престижным, но не забывайте, Люсинда, что генерал Баррет уже очень стар. Не кажется ли вам, что он будет гораздо лучше чувствовать себя, оставаясь здесь? Кроме того, неизвестно, как он перенесет плавание

через бурный океан...

– Боже мой! – театрально всплеснула руками Люсинда. – Вы говорите, что путешествие через океан будет очень трудным? А как же я? Мне тоже будет нелегко перенести это, если я вообще останусь жива!

Лицо Джефффри неожиданно помрачнело.

– Думаю, сейчас не время и не место для этого разговора, лучше мы вернемся к нему как-нибудь в другой раз.

– Я только хотела более подробно узнать о ваших планах, вы ведь почти ничего мне не рассказываете. Если вы действительно хотите на мне жениться, то я по меньшей мере должна знать, где буду жить после того, как это произойдет.

– Будучи дочерью генерала, вы, как мне представляется, должны были уже давно привыкнуть к походной жизни!

– Видите ли, когда отец воевал на континенте, я была еще совсем маленьким ребенком и оставалась здесь с родной тетей до окончания школы. Отец не хотел, чтобы я путешествовала с армией и жила в военных лагерях.

Джефффри холодно посмотрел на Люсинду:

– Значит, отсрочка вашего ответа на мое предложение диктовалась не желанием защитить Карроуэя, вы вообще не собираетесь выходить за меня замуж?

Черт побери! Эта внезапная холодность привела Люсинду в еще большую ярость, которая возрастала с каждым новым словом Джефффри. Однако она тут же поняла, что зашла слишком далеко, и поспешила отступить:

– Я совсем не то имела в виду! Просто хочу сначала получить от вас более подробную информацию...

– Посмотрите-ка, – попыталась направить разговор в прежнее мирное русло Эвелин, – какая гордая осанка у этого жеребца!

Но Джефффри пропустил ее слова мимо ушей и с негодованием посмотрел на Люсинду.

– Интересно, зачем вы выбрали для подобного разговора именно это место? – процедил он сквозь зубы. – Ответьте мне!

Джефффри так сильно стиснул руку Люсинды, что она чуть не закричала.

– И еще скажите, согласны вы выйти за меня замуж, когда вся эта скандальная история с вашим дружкой закончится, или же предпочтете на потеху всем водить меня за нос и заставлять понапрасну тратить свое время...

Он не закончил фразу, круто повернулся и направился в сторону дома, где орудовал Роберт.

– Джефффри, вы куда? – взвизгнула Люсинда, поняв, что еще минута – и случится непоправимое.

Она поискала Брэдшоу, но его нигде не было видно: наверное, он сразу бросился предупредить Роберта об опасности.

– И что нам теперь делать? – простонала Люсинда.

– Где генерал? – спросил Сент.

– У него как раз на этот час была назначена встреча в Хор-

сгардзе.

– Тогда мы срочно едем туда. Если Роберт нашел документы, он, наверное, уже на месте – здесь ведь пять минут езды верхом! А выйти из дома он мог через заднюю дверь.

– А если он все еще в доме?

– Не может быть! Брэдшоу побежал предупредить его четверть часа назад. Верно, никого из них там уже не осталось!

– В кабинете ничего нет! – крикнул Роберт своим друзьям, обыскивающим другие комнаты.

У него создалось впечатление, что там, где он находился, никто никогда не работал. Книги стояли на полках в таком идеальном порядке, что было очевидно: к ним уже давно никто не прикасался.

– Здесь тоже ничего нет! – донесся из библиотеки голос Тристана.

– И я пока ничего не нашел, – откликнулся Уиклифф.

– Но где-то же эти документы должны быть! – убежденно возразил Роберт. – Надо искать!

– Здесь еще очень много уголков, куда их можно было засунуть, – заметил Тристан.

Роберт задумчиво прошелся несколько раз по комнате, и вдруг его взгляд просветлел.

– Её военная форма – где она? Очень часто важные бумаги и документы прячут во внутренних карманах. Надо её срочно найти!

Роберт выскочил из кабинета и взлетел по лестнице на

второй этаж. Тристан и Уиклифф последовали за ним. На втором этаже располагалась одна комната, очевидно спальня. Роберт распахнул платяной шкаф, но в нем не было абсолютно ничего. Вспомнив, что в походе офицеры всегда хранят одежду в сундучке, который неизменно стоит под кроватью, он нагнулся и заглянул туда. Под кроватью действительно стоял средней величины сундук.

Роберт вытащил его на середину комнаты, и все трое, окружив находку, озадаченно посмотрели друг на друга. Сундук оказался запертым, а ключ, вероятнее всего, Джефффри носил с собой.

Неожиданно снизу донесся стук в двери, и Роберт, одним движением руки задвинув сундук под кровать, вскочил на ноги.

Ступеньки лестницы заскрипели под тяжелыми шагами, и все находившиеся в комнате застыли, не зная, что теперь делать. Это мог быть только Джефффри Ньюком.

– Взломщики еще не разбежались? – раздался громкий голос Брэдшоу.

Воздух огласил дружный вздох облегчения.

– Нельзя же так пугать своих! – рассмеялся Роберт. – Где Джефффри?

– Он только что покинул ярмарку.

– А Люсинда?

– Осталась там. Он не взял ее с собой. Похоже, они поссорились. Во всяком случае, я видел, как Ньюком дошел до

коновязи, вскочил в седло и ускакал, даже не оглянувшись. Возможно, он захочет забрать свой экипаж и тогда вот-вот появится здесь. Я опередил его на каких-нибудь пять минут.

– Что ж, поспешим!

Роберт снова выдвинул из-под кровати сундучок.

– Но он же заперт! – воскликнул Уиклифф. – И вряд ли нам удастся его открыть.

– Удастся! – хмуро возразил Роберт.

Он запустил руку в глубокий внутренний карман своей куртки и вытащил оттуда сначала молоток, а затем стамеску.

– Вот так мастер! – воскликнул Уиклифф.

– Просто я предусмотрел подобную возможность. – Роберт усмехнулся и тут же принялся за работу.

Взломать крышку сундука было делом двух минут. Когда крышка открылась, сверху обнаружился совершенно новый мундир капитана. Роберт вынул его и, перевернув воротником вниз, сильно встряхнул...

И тут же на пол посыпался ворох бумаг. Роберт нагнулся и принялся быстро их разбирать.

– Здесь карты острова Святой Елены... Помечены все расстояния и наиболее удобные выходы к морю... А это... – Он поднял с пола какой-то сверток и развернул его. – А это самое главное! Вот они – те самые документы. – Он протянул Тристану несколько аккуратно сложенных листков.

– Какой-то список... – Тристан, недоуменно просмотрев первую страницу, пожал плечами.

– Неужели не понимаешь? Взгляни, что написано под списком на третьей странице!

– «Перечень фамилий англичан, симпатизирующих императору Наполеону и готовых содействовать его возвращению на французский престол», – прочел Тристан вслух.

На несколько мгновений все буквально онемели. Затем Тристан быстро свернул бумаги и засунул их во внутренний карман своей куртки.

– Нам надо срочно убираться отсюда, – скороговоркой проговорил Брэдшоу. – Ньюком может появиться каждую минуту! Я, конечно, не прочь стать героем, но отнюдь не арестантом!

...Их лошади были привязаны за углом, и Тристан первым бросился к ним, но Роберт схватил его за руку:

– Мне нужны эти бумаги!

– Не беспокойся, я отвезу их в Хорсгардз, – ответил виконт, нахмурившись. – Пойми, я не хочу, чтобы ты в очередной раз подвергал себя опасности.

– Но они ни в коем случае не должны попасть в штаб!

– Это еще почему? – удивился Уиклифф, слышавший их спор. – Мне кажется, там им самое место!

– Джеффри достал эти документы через генерала Баррета. Если мы сейчас пойдем в штаб и объявим, что его будущий зять – изменник и предатель, которого разыскивает полиция, карьера отца Люсинды будет безвозвратно загублена!

– Гм-м... А у меня сложилось впечатление, что ты не

очень-то любишь генерала Баррета.

– Это действительно так, – ответил Роберт, принимая бумаги от Тристана и засовывая их за пазуху, – но я люблю его дочь. Нанеся вред генералу, я заставлю страдать и Люсинду.

– Значит, сейчас мы направляемся домой к Баррету?

– К генералу пойду я один, а вы поезжайте к Карроуэям и, если туда нагрянет полиция, скажите, что я уехал в Америку, а также сообщите, что в доме Ньюкома мы обнаружили исчезнувшие из Хорсгардза секретные документы.

Тристан с беспокойством посмотрел на Роберта:

– Только прошу тебя, будь крайне осторожен!

– Обещаю!

Глава 24

История, которую мне довелось записать, была бы неполной без описания этой потрясающей катастрофы.

Роберт Уолтон

(М. Шелли «Франкенштейн»)

По скучному выражению на лицах часовых, стоявших при входе, Люсинда поняла, что они не были особенно осчастливлены визитом в Хорсгардз Эвелин, пусть даже в сопровождении дочери генерала Баррета. На ее вопрос, можно ли им видеть господина Баррета, старший караульный ответил, что генерал уехал. Куда и надолго ли – этого он не знает.

– Скорее всего он уже дома, – предположила Люсинда. – И это даже лучше. Мы сможем откровенно поговорить с ним, чтобы Баррет понял все должным образом. Наверное, сначала мне лучше войти к нему одной, поскольку, если мы все разом набросимся на бедного генерала, он начнет обороняться и тогда ничего путного у нас не получится!

– Да, так будет действительно лучше, но постарайся при этом не спорить с ним, – посоветовала подруге Эвелин.

– Главное, чтобы генерал был открыт для разговора, – Люсинда вздохнула, – а это бывает далеко не всегда.

– Имей в виду, ты очень рискуешь, – предостерег ее Сент. – Обвинив Джеффри, ты уже не сможешь отступить.

Подумай, стоит ли того твой Роберт?

– Мисс Баррет знает, что делает! – оборвала мужа Эвелин.

Люсинда с благодарностью посмотрела на подругу. Она понимала, на какой шаг решилась, и в этот момент поддержка Эвелин была для нее как нельзя кстати.

– Тогда – с Богом! – чуть ли не торжественно провозгласил Сент...

Люсинда толкнула дверь, но она не открылась, поскольку, видимо, была заперта изнутри. В том, что Баррет сидит за столом в кабинете, Люсинда почему-то не сомневалась, и поэтому решила постучаться.

Из-за двери тут же донеслись шаркающие шаги, загремел ключ в замке, и дверь открылась. Люсинда поспешно вошла в кабинет, чтобы не дать отцу возможности снова запереть ее.

– Папа, мне надо очень серьезно с тобой поговорить! – твердым голосом заявила она.

– Как и мне с тобой! – в тон ей ответил генерал. – Но сперва я выслушаю тебя.

– А что случилось?

И тут у нее перехватило дыхание. Только сейчас она заметила стоявшего у окна Джеффри Ньюкома, который не отрываясь смотрел на нее.

Чтобы выиграть время, Люсинда сделала удивленные глаза и небрежно спросила:

– Джеффри, почему вы бросили меня на ярмарке? И как

очутились здесь? Папа, может быть, ты объяснишь мне, что все это значит?

– Я уже уйду! – ровным голосом ответил Джеффри и направился к двери.

Проходя мимо Люсинды, он лишь слегка кивнул ей.

Первое, о чем подумала в тот момент Люсинда, относилось не к Джеффри, а к Роберту. Если Джеффри прямо с ярмарки поехал сюда, значит, у Роберта и его друзей остаюсь больше времени для поиска бумаг в доме Ньюкома!

– Джеффри, – сказала она ему вслед, – разве в моих словах было что-то обидное?

– Я разочарован, поскольку был о вас лучшего мнения! – процедил он в ответ.

Нахмурившись, Люсинда долго смотрела ему вслед и, только когда входная дверь внизу громко хлопнула, повернулась лицом к отцу; но тот угрюмо уставился куда-то в сторону.

– Ты очень активно поработала у меня за спиной! – прорычал генерал. – Попросив меня немного потерпеть, ты использовала это время, чтобы поиздеваться над человеком, которого я считаю своим другом, человека, с которым, как мне казалось, тебя могли бы связать, возможно на всю жизнь, серьезные отношения...

– Что, черт побери, он тебе здесь наговорил? – не выдержала Люсинда.

Она подумала, что Джеффри, вероятно, не мог знать все-

го – иначе, вместо того чтобы тратить время на разговоры с ее отцом, он первым делом бросился бы домой. От этой мысли сердце Люсинды сковало холод. Джеффри, несомненно, не поехал бы домой только в случае, если бы украденных документов там не было или он уже успел надежно их спрятать.

– Ты спрашиваешь, что он мне наговорил? – с недоброй усмешкой переспросил Баррет. – Джеффри сказал, что ты вступила в заговор со своими так называемыми друзьями, чтобы попытаться отвести от Роберта Карроуэя обвинения в краже секретных документов из Хорсгардза, а всю вину взвалить на Ньюкома, превратив его в козла отпущения!

– Я?! Вступила в заговор?

– Помолчи! Джеффри также сказал мне, что Карроуэй планировал состряпать обвинение против него, коль скоро сам по сей день не смог оправдаться.

– Папа, во всем этом так много лжи, что ты даже не можешь себе представить! – в отчаянии воскликнула Люсинда.

– Это я не могу себе представить? – вспыхнул генерал. – Ты, верно, забыла, что я уже тридцать лет служу в вооруженных силах ее величества, а в последние три года являюсь одним из главных командиров конной гвардии? Думаешь, с подобным опытом я не сумею разобраться в затеянных вами детских играх?

– Сэр, но вас приказано не пускать в этот дом! – раздался за дверью возмущенный голос Боллоу.

Люсинда быстро обернулась... и увидела Роберта, которого Боллоу безуспешно пытался удержать. Неужели ему так и не удалось найти бумаги в домике около ярмарки? В противном случае он бы прямо проехал в Хорсгардз...

– Что ты здесь делаешь? – воскликнула она. – Ты не должен...

– Прости, Люсинда, – оборвал ее Роберт, – но мне необходимо поговорить с генералом Барретом.

– А я хочу, чтобы ты немедленно ушел из моего дома, гнусный повеса! – заорал на Роберта генерал. – Хватит испытывать мое терпение!

– Люси, – обратился Роберт к Люсинде, впервые называя ее уменьшительным именем, – ты не могла бы подождать нас в библиотеке?

Люсинда утвердительно кивнула и направилась к двери. Проходя мимо Роберта, она тронула его за рукав и прошептала:

– Все в порядке?

– Надеюсь!

Роберт подождал, пока Люсинда выйдет из кабинета, а затем снова обратился к генералу:

– Вы не будете против, если мы поговорили здесь, в вашем кабинете, где никто не сможет нам помешать?

– Я вообще нигде и ни о чем с тобой говорить не собираюсь! – продолжал бушевать Баррет. – Так что лучше уйди добровольно!

– Я действительно уйду через несколько минут, – спокойно ответил Роберт.

– Даю тебе две минуты, не больше!

– Пусть так, сэр. А теперь прошу вас сесть!

Баррет наконец уселся за стол и исподлобья посмотрел на Роберта:

– Имей в виду: ничто не заставит меня поверить, что ты не предатель! Если только ты убьешь меня... Но ты и этого не сделаешь – в доме слишком много свидетелей. Так что повторяю: убирайся вон из моего дома, а еще лучше – вообще из страны! В последнем я могу тебе помочь ради дочери! А сейчас – говори!

– В апреле 1814 года, – начал Роберт, – вы были командиром одного из армейских соединений, окружавших Байонну.

– Я действительно был там, и тебе вовсе не нужно мне об этом напоминать!

– Возможно. Итак, с Бонапартом к тому времени было уже покончено, и обе воюющие стороны объявили о прекращении огня.

– Знаю!

– Вы, верно, знали и то, что генерал Тувено продолжал удерживать свои позиции и не давал нашим войскам продвигаться дальше. Кроме того, вы получили сведения от французских дезертиров о том, что Тувено намеревается нас атаковать.

– Это была ненадежная информация.

– Ага! Именно поэтому вы среди ночи и послали разведывательный отряд, чтобы изучить линию французских окопных укреплений.

– Да, так действительно было!

– Не помните ли вы, кто тогда командовал этим разведывательным отрядом?

– Нет, не помню.

– Им командовал я. Все мои люди погибли во время операции – нас было всего пятнадцать, а противостоял нам французский корпус, насчитывавший более тысячи солдат. Я был тяжело ранен, и французы доставили меня в бессознательном состоянии в свое расположение, а когда я пришел в себя, избили чуть ли не до смерти. Я снова потерял сознание, и через какое-то время на меня вылили ведро холодной воды. Тогда я очнулся. Потом мне рассказали, что меня не велено было убивать, поскольку французам нужен был британский офицер, из которого они смогли бы вытрясти сведения о дислокации наших войск.

Злобное выражение исчезло с лица Баррета. Теперь он очень внимательно слушал рассказ Роберта и как будто даже сочувствовал ему.

– Утром нам донесли, что разведывательный отряд погиб целиком, – задумчиво сказал генерал.

– Да, почти так и было. Почти – потому что один человек все же уцелел. Им оказался я. Уже в тюрьме я узнал, что вы разбили Тувено. А еще через двадцать дней пришло сооб-

щение о том, что Бонапарт капитулировал и война окончилась. Об этом нам всем – пленникам, содержащимся в Шато-Паньон, – торжественно объявил комендант замка. Итак, война окончилась для всех, но не для меня. Шато-Паньон не сдавался, да и сами британские войска не пытались взять этот замок, превращенный в ужасную тюрьму. Гарнизон его продолжал сопротивляться, но не на поле сражения – он стал своеобразным центром созданной на прилегающих территориях разветвленной сети подпольных сторонников Бонапарта, готовых содействовать его новому освобождению и возвращению на французский трон... Тем временем меня продолжали допрашивать и избивать. Коль скоро французскому командованию было известно, что я служил под вашим начальством, палачи все время пытались получить от меня самые подробные сведения о вас, вашей семье и знакомых. Насколько я понял, их целью было уничтожение или шантаж британских командиров высокого ранга. Я не сказал ни слова, генерал. Они продолжали мучить меня на протяжении еще семи месяцев. Будучи уже не в силах все это выносить, я напал на коменданта, чтобы вынудить их расправиться со мной. Тогда на меня посыпался град пуль. Я упал. Меня сочли мертвым и выбросили в ров за пределами стен замка. Но я все-таки остался жив. Пролежав два дня во рву, я на третий день выбрался и отполз подальше от крепостных стен. Вскоре меня нашли солдаты из отряда испанского Сопротивления... – Роберт выдержал длинную паузу, а потом заговорил

о главном: – Теперь я попросил бы вас выслушать меня особенно внимательно, и не столько ради вас самих, сколько ради вашей дочери. Прошу, не прерывайте меня и не пытайтесь спорить со мной или читать мне нотации.

– Видимо, мне придется подчиниться этому диктату! – съязвил генерал. – Ибо другого способа поскорее отделаться от вас я не вижу!

– Что ж, пожалуй, вы не ошибаетесь! Мне придется задать вам несколько вопросов...

– Я слушаю.

– Итак. Во-первых, сколько времени прошло с момента исчезновения известных вам бумаг из Хорсгардза и началом распространения соответствующих слухов?

– Один день.

– А как скоро тайное стало явным после того, как вы сказали лорду Ньюкому о том, что я сидел в тюрьме Шато-Паньон?

Генерал задумался.

– Отвечайте же!

– Двенадцать часов или немного меньше. Боже мой, неужели ты думаешь, что это сделал Джеффри?

– Я не думаю, а точно знаю, что это его рук дело! – Роберт вытащил из внутреннего кармана пачку аккуратно сложенных бумаг и положил ее на стол перед генералом: – Я нашел это двадцать минут назад в доме Джеффри около конной ярмарки – бумаги были спрятаны в деревянном сундуке вме-

сте с его капитанской формой. Эту информацию подтвердит герцог Уиклифф, присутствовавший при обыске...

– Что мне Уиклифф! Ты сам подложил их туда! Джеффри предупредил меня, что таким образом ты, возможно, попытаешься переложить свою вину за кражу документов на него.

– Вот как? И зачем бы я стал это делать? Ради чего? И вообще, зачем мне было нужно воровать документы из Хорсгардза?

– Э, ну... – Баррет так и не нашелся что ответить.

Однако тут же опомнился и задал встречный вопрос:

– Ну а Джеффри зачем это было нужно?

– Джеффри Ньюком спит и видит себя командиром высокого ранга в британской армии, расквартированной в Индии. Сейчас он бедный армейский офицер, но когда женится на вашей дочери, то тут же получит солидное повышение и уедет с ней в Индию, если, конечно, Люсинда согласится на подобный брак. Кроме того, ему необходимо материально подстраховать себя, а французы заплатят за эти бумаги очень большие деньги. Между прочим, новая война с Бонапартом, которой как раз и добиваются те, чьи фамилии упомянуты в лежащем перед вами списке, тоже сулит Джеффри немалые дивиденды, тем более что в благодарность за подобную услугу французы уж никак не пошлют его умирать на переднем крае нового фронта!

– А твое участие в этом деле?

– Во всяком случае, мне ничто не угрожает. Во-первых,

преступник не я, а некто другой – закон не сможет привлечь меня к ответу, когда это будет доказано и за мной перестанут охотиться. Во-вторых, документы, лежащие перед вами, сами за себя говорят. К тому же я не очень популярен и мало кто может мне позавидовать. А теперь скажите, каково ваше участие во всем этом мерзком деле?

– Ты обвиняешь меня в...

– Вовсе нет! Но ведь именно благодаря знакомству с вами Ньюком сумел проникнуть в Хорсгардз и выкрасть документы. Полагаю, это может вам сильно повредить.

– Джеффри сказал мне, что моя дочь и ее друзья организовали заговор с целью защиты твоей репутации, и это привело меня в бешенство. Но в то же время я не забыл, что подруги Люсинды повыходили замуж за... гм-м... как бы это помягче сказать... Избрали себе в мужья весьма любопытных мужчин. К примеру, тот же Дэр или Сент. Я придерживаюсь не лучшего мнения о них обоих и уверен, что от них можно всего ожидать. Если говорить откровенно, они одного поля ягоды с Джеффри, поэтому мне кажется совершенно непонятным, почему оба так невзлюбили этого человека и даже готовы погубить его. И уж совсем странным представляется мне отношение к Ньюкому моей дочери. Ведь он нравится Люсинде... или нравился совсем недавно.

– Да, недавно все действительно так и обстояло! – кивнул Роберт, вставая со стула. – Но довольно об этом! Полагаю, вы внимательно изучите все лежащие на столе документы и

продумаете то, что я вам только что изложил, после чего сможете оценить степень серьезности моих обвинений против Джеффри Ньюкома. Подумайте также о вашей собственной репутации. С вашего позволения я подожду в библиотеке, пока вы не придете и не объявите свое решение.

– Чтобы затем продолжить губить Джеффри и наконец почувствовать себя победителем, так?

– Вовсе нет! Я никогда не позволю себе огорчить Люсинду и подчинюсь любому вашему решению, каким бы оно ни было! Единственное, о чем я прошу, если вы решите обвинить меня во всем, – пощадите мою семью. Мои родные абсолютно ни в чем не виноваты ни перед вами, ни перед Англией!

Роберт вышел из кабинета и спустился в библиотеку, где его ждала Люсинда.

– Что случилось? – воскликнула она, бросаясь ему навстречу. – Я уже начала не на шутку волноваться. К тому же я так ничего и не знаю: ты нашел бумаги? Я слышала, как Джеффри поливал тебя грязью, обвинял в государственной измене и...

Не дав Люсинде договорить, Роберт закрыв ей рот долгим поцелуем.

– Я обнаружил документы в доме Ньюкома, – сказал он, слегка отстранившись.

– Слава тебе Господи! – воскликнула Люсинда, дрожа всем телом. – Я так боялась за тебя, потому что думала... Извини, я просто не знала, что подумать!

Роберт долго смотрел в лицо Люсинды, размышляя о том, какой серой и будничной была его жизнь до встречи с ней и как все вокруг расцвело с ее появлением. Он любовался ее роскошными волосами, бездонными глазами, хрупкой и изящной фигурой. И сколько же силы было в этом создании, сколько смелости и самоотверженности!

– Что ты сказал ему? – спросила она.

– Извини, это был мужской разговор – разговор двух солдат, если угодно, и я не вправе его передавать даже тебе...

За спиной Роберта неожиданно раздался чей-то кашель. Он обернулся и увидел генерала Баррета с пачкой документов в руках.

– Люсинда, – обратился генерал к дочери, – нам с этим молодым человеком надо срочно кое-куда съездить.

У нее замерло сердце. Неужели отец не поверил Роберту? Неужели по-прежнему подозревает его и хочет передать в руки полиции?

– Куда ты хочешь его отвезти? – в ужасе спросила она.

– В Хорсгардз.

– Отец, умоляю, Роберт невиновен! Он не совершал этого преступления!

– Верно, не совершал. Теперь я это точно знаю. – Генерал посмотрел сначала на Роберта, потом на дочь: – Люсинда, пока нас не будет, съезди, пожалуйста, в дом семейства Карроуэй – насколько мне известно, остальные участники вашего небольшого заговора сейчас находятся именно там.

Так вот, попроси их немедленно установить местопребывание Джеффри Ньюкома. От них требуется только найти его, но не говорить с ним и ни в коем случае не предпринимать никаких действий. Мы с Робертом тоже очень скоро к вам присоединимся. Тебе все понятно?

– Понятно! А что будет дальше?

– Это уже не твое дело. Я же сказал, что считаю Роберта невиновным, разве этого недостаточно?

Люсинда с благодарностью посмотрела на отца, и тот усмехнулся:

– А что касается Джеффри, то я как минимум не дам ему куда-либо уехать.

Такого Роберт не ожидал. Он наблюдал за генералом Барретом уже несколько лет и привык считать его грубым и крайне жестоким человеком. В последнем его убедило решение Баррета послать разведывательный отряд на верную гибель, чего генерал не мог не понимать. Кроме того, Роберт не сомневался в его упрямстве и эгоизме. И вот теперь он должен был признать, что подобное мнение, мягко говоря, не соответствовало действительности. Карроуэй проглядел в этом человеке одну важную черту – стремление к справедливости и готовность исправить допущенные прежде ошибки. Да, похоже, Роберт слишком строго и несправедливо судил об отце своей избранницы.

Люсинда тем временем надела свою самую кокетливую шляпку и подошла к двери, но на самом пороге обернулась.

– Мы воспользуемся экипажем Элен и сразу же начнем поиски Ньюкома! – крикнула она отцу и скрылась за дверью.

...К Хорсгардзу генерал Баррет и Роберт подъехали верхом. Генерал попросил своего спутника подождать у входа, а сам вошел внутрь. Роберт с облегчением вздохнул – около своего верного Толли он чувствовал себя в большей безопасности: мало ли что еще могло произойти... В любом случае он успеет вскочить в седло, а догнать Толли не сможет ни одна лошадь в Лондоне. Впрочем, зачем эти беспокойные мысли – все ведь идет прекрасно. Сейчас генерал уладит дело в штабе, после чего они вместе решат, как поступить с Джеффри!

Глава 25

*Я бы умер, чтобы только сделать ее
счастливой!*

Виктор Франкентейн

(М. Шелли «Франкентейн»)

– Роберт добровольно поехал в Хорсгардз? – с тревогой спросил Тристан.

Люсинда только что вбежала в гостиную и еще не успела перевести дыхание.

– Он поехал вместе с моим отцом, – сказала она, отдышавшись. – Отец пообещал, что они пробудут там недолго и затем присоединятся к нам. А пока просил выяснить, где сейчас находится Джефффри Ньюком. Я предлагаю разбиться по парам, чтобы в случае его обнаружения один из пары мог срочно сообщить нам об этом, а другой – продолжить наблюдение...

– Прекрасная мысль! – Тристан утвердительно кивнул. – Итак, разбиваемся на пары: Уиклифф и я, Эндрю и Шоу, Сент и...

– Не забудьте про меня, – напомнила Люсинда. – Я знаю кое-какие места, где он частенько появляется.

– Хорошо: тогда третья пара – Люсинда и Сент.

– Я тоже пойду! – обиженно воскликнул Эдвард.

– Ладно, пойдешь. Но с кем?

– Разрешите мне поучаствовать в поисках, – обратился к Тристану дворецкий Доукинс.

– Согласен. Пойдете с Эдвардом.

– Нам надо поторопиться, – заметил Уиклифф. – Как только Джеффри доберется до дома, он тут же обнаружит пропажу бумаг и через час-другой будет уже в Бристоле, а там рукой подать до ближайшей пристани! Корабли отплывают на континент несколько раз в день: как бы нам его не упустить!

– Думаю, что он не собирается так быстро покидать Англию, – возразила Люсинда. – Джеффри явно уверен, что смог переложить подозрение в предательстве на Роберта. Если же он убежит, то тем самым изобличит себя! Кроме того, не сомневаюсь, что Джеффри вынашивает планы еще больше навредить Роберту, представив его перед властями предателем, которого необходимо казнить!

– Возможно, все обстоит именно так, – кивнул Тристан. – Но все же нам надо поспешить. Сперва мы должны определить, куда направится каждая пара, а затем верхом подняться по главной улице до пригорка. Там мы спешимся, после чего каждая пара пешком двинется по своему маршруту в сторону дома Джеффри. Таким образом мы незаметно окружим этот дом так, что никто не сможет войти и выйти из него незамеченным.

Распределить зоны было делом двух минут, после чего все

бросились к конюшням. Перед тем как отправиться в путь, Тристан еще раз очень серьезно предупредил всех:

– Имейте в виду: нам надо соблюдать максимальную осторожность – Ньюком без колебаний пристрелит каждого из нас, если поймет, что мы намерены помешать ему скрыться. Да и генерал Баррет просил только выяснить его местонахождение, не более того.

– Скрыться! – ухмыльнулась Люсинда. – Так мы ему и позволили! Она слезла с лошади и сделала знак Сенту, который, согласно диспозиции, должен был идти в паре с ней.

– Но я тоже не хочу сидеть сложа руки, – взмолилась Джорджиана. – Поэтому я присоединяюсь к Сенту с Люсиндой! Тристан, ты не можешь мне в этом отказать!

– Еще как могу! Посмотри на свой живот!

– Но, Тристан! – Джорджиана слегка покраснела.

– Ладно уж! – сдался тот. – Но ты пойдешь не с ними, а с Эвелин, которую будешь держать под руку.

Поняв, что большего ей все равно не добиться, Джорджиана кивнула.

Люсинда вдруг, словно что-то вспомнив, обратилась к остальным:

– Я видела, что Ньюком выехал от Баррета на сером жеребце, так что нам надо обращать внимание на лошадей, привязанных вдоль улицы и особенно в переулках вблизи его дома. По ним можно определить местонахождение хозяина.

Все дружно закивали и стали расходиться по ранее опре-

деленным маршрутам. На улице остались Люсинда с Сентом и Эвелин, которую Джорджиана крепко держала под руку.

Люсинда посмотрела вдоль улицы и вдруг увидела человека в очень знакомой серой куртке, входящего в одну из лавок.

– Смотрите, вот он! – воскликнула она.

Все трое тут же нырнули в соседнюю аллею, откуда было видно лавку.

– Ты уверена? – нервно спросила Джорджиана.

– О да!

Эвелин тоже утвердительно кивнула:

– В этом нет никаких сомнений! Надо срочно предупредить остальных. Конечно, Джорджиана бежать не сможет, поэтому вы двое будете ждать здесь и наблюдать за лавкой, а я быстро расскажу все Доукинсу и тут же вернусь!

Стараясь успокоиться, Люсинда глубоко вздохнула. То, что она здесь не одна, ее не слишком радовало. Джорджиане осталось несколько недель до родов, и неминуемое нервное потрясение, связанное с наблюдением за лавкой и возможным появлением в дверях Джеффри Ньюкома, могло сильно навредить ей.

– Почему бы вам с Джорджи не подождать здесь? А я тем временем пойду вслед за Ньюкомом, когда он появится, и буду следить за ним, – предложила она Эвелин.

– Давай пойдем вместе, – не согласилась та.

– Может быть, нам имеет смысл прогуляться вчетвером? –

раздался из-за соседнего куста насмешливый голос Джефффри.

Каким-то образом он все же сумел выйти из лавки незамеченным и теперь не без ехидства рассматривал смешавшихся от неожиданности женщин.

«О нет, нет!» – Люсинда испугалась не за себя, а за Джорджиану.

– Джефффри, – сказала она спокойным голосом, – Джорджиане очень плохо. Надеюсь, вы окажете нам помощь, несмотря на то негодование, которое я вызвала у вас своим присутствием...

Джефффри подошел ближе и утвердительно кивнул:

– Конечно, я вам помогу! Но где, скажите, ваша подруга леди Сент-Обин?

– Она побежала за Тристаном. Тристан приехал в экипаже, и нам было бы гораздо проще отвезти на нем домой нашу бедную Джорджи.

– Неплохая мысль. Но почему бы нам не пойти вон в то кафе? Вы могли бы посидеть и отдохнуть там, пока не подоспеет Тристан.

Люсинде не понравился тон, каким это было сказано, но она подумала, что на улице слишком много народу, чтобы Джефффри осмелился на какую-нибудь мерзость. Вряд ли он ей поверил, но уж раз притворился, будто бы попался на ее удочку, то, конечно, будет пытаться срочно выдумать ответную ложь. Это займет какое-то время, а выигрыш во времени

был сейчас для них самым главным. Конечно, еще все зависело от того, как разворачиваются события в Хорсгардзе...

Внезапно Люсинда с ужасом представила, как Роберта заковывают в кандалы и тащат в темную подвальную камеру, но тут же успокоила себя. Судя по виду Баррета, генерал поверил ему. Правда, ее отец все же не был главным в штабе...

«Пусть у Роберта будет все в порядке!» – сказала себе Люсинда, при этом ни на миг не отрывая глаз от Джеффри.

Тем временем лорд Ньюком привел Люсинду и Джорджиану в кафе, усадил за столик, а сам сел между ними. Для окружающих они выглядели, по замыслу Ньюкома, как влюбленная пара и сопровождающая весьма солидная дама.

Когда Джеффри придвинул свой стул поближе к стулу Люсинды, она с трудом удержалась, чтобы не отодвинуться от него – такое поведение пахло бы скандалом и, несомненно, вызвало бы нездоровый интерес у сидевших за соседними столиками посетителей кафе.

Неожиданно что-то твердое больно уперлось Люсинде в бок, а когда она посмотрела вниз, то увидела рукоятку пистолета, торчавшую из кармана Джеффри.

– Сидите спокойно, Люси! – процедил сквозь зубы Ньюком. – Для всех здесь мы близкие друзья.

– Что все это значит? – прошептала Люсинда, заметив, как широко раскрылись глаза Джорджианы.

– Это значит, что я хотел бы увидеть, кто придет сюда, чтобы вас от меня избавить. Мужчина ведь обязан охранять

доверившихся ему слабым женщинам, не так ли?

– С помощью пистолета?

Не вынимая из кармана руки, державшей пистолет, Ньюком жестом другой руки позвал официанта:

– Принесите нам три чашки чая и несколько бисквитов!

– Сию минуту, сэр!

Люсинда бросила на Джеффри презрительный взгляд:

– Послушайте, это становится смешным! Только вчера мы обсуждали вопросы, связанные с нашей возможной свадьбой. Так что произошло за эти несколько часов?

– Серьезно говорил о нашей возможной свадьбе только я, а вы просто забавлялись. Забавы продолжались и чуть позже в Таттерсоллзе: пока мы осматривали лошадей и говорили на разные темы, мой дом был ограблен, и вам это отлично известно!

– Неужели? Я ничего не слышала! Боже мой, вы, надеюсь, заявили обо всем властям и в полицию?

– Разумеется! Слава Богу, мои слуги смогли дать очень подробное описание одного из участников ограбления. – Джеффри повернулся и торжествующе посмотрел на Джорджиану: – Должен с сожалением сообщить, что им оказался ваш шурин. Роберт, совершенно очевидно, полностью потерял рассудок, и я надеюсь только на то, что его хотя бы смогут без скандала доставить в суд для допроса. В противном случае стражам порядка останется только одно: пристрелить его, как бешеную собаку!

Весь страх Люсинды мгновенно улетучился. Ей безумно захотелось здесь и сейчас ударить этого человека прямо в его самодовольное лицо, размазав по нему ту самую загадочную улыбку, за которой, как оказалось, скрывались всего лишь мерзость и предательство.

– Если вы посмеете тронуть его хоть пальцем, – угрожающе проговорила она неожиданно низким голосом, – то не доживете даже до тюрьмы!

– Дорогая моя, – ухмыльнулся Ньюком, – такие люди, как я, в тюрьмах не сидят, напротив, принц-регент благодарит нас за честное и самоотверженное выполнение нашего долга перед страной. Мы заслуженно получаем повышения по службе, честным трудом создаем себе состояния...

В этот момент раздался топот копыт и из-за угла вылетел, уверенно сидя в седле, генерал Баррет в сопровождении Тристана и Брэдшоу.

«Но где же Роберт? – молнией пронеслось в голове Люсинды. – С ним что-то случилось?»

– Кажется, я не вижу обещанного экипажа для леди Джорджианы... – ухмыльнулся Джеффри. – Неужели ей снова придется идти пешком – и это в ее-то положении!

Однако никто не улыбнулся в ответ на его шутку.

Генерал остановил коня, легко спрыгнул на землю и подошел к столу, за которым сидели Джеффри и его пленницы.

– Капитан! – скомандовал Баррет, презрительно глядя на Ньюкома. – Освободите стол и убирайтесь вон из кафе!

– Генерал Баррет! – без тени смущения ответил Джефффри, выгнув дугой бровь. – Объясните, ради Бога, что случилось, но прежде постарайтесь успокоиться. Мы тут немного поболтали с вашей дочерью, причем, уверяю вас, все было в пределах приличий!

Люсинда не отрываясь смотрела на отца, стараясь взглядом подсказать ему, что Джефффри вооружен, в то время как Тристан не сводил глаз со своей супруги, лицо которой сделалось белее снега.

Баррет громко откашлялся.

– А ну, Ньюком, сбавь тон! Ложь тебе больше не поможет. Лучше поедем к нам и там спокойно поговорим.

– Я и здесь себя неплохо чувствую, генерал! А где ваш взбалмошный братец, Тристан? Он что-то скверное говорил обо мне, не так ли?

– По твоей милости он сейчас сидит под арестом в Хорсгардзе. Кто-то обвинил его в том, что он будто бы вломился в твой дом. Неплохо бы тебе поехать вместе со мной в штаб и опровергнуть весь этот вздор!

– Но он действительно вломился в мой дом! Не сомневаюсь, что Роберт сделал это в попытке подбросить документы, украденные им в Хорсгардзе для передачи французам, и обвинить в краже вашего покорного слугу.

– Кто украл документы, в этом мы еще разберемся, а пока, Джефффри, сдай оружие! – потребовал генерал.

В это время Ньюком выхватил из кармана пистолет и при-

ставил его дуло к боку Люсинды.

– По крайней мере отпустите Джорджиану! – в отчаянии прошептала она.

– Зачем? Мне очень нравится сидеть между двумя красивыми женщинами! – Джеффри злобно усмехнулся.

– Сейчас же уберите эту гадость! – крикнула Джорджиана. – Имейте в виду: если вы причините нам какой-либо вред, то умрете раньше, чем вам объявят смертный приговор!

– Жаль, что вы утратили свою обычную вежливость, мисс Джорджиана! – продолжал издеваться Ньюком. – А ведь сегодняшний день так хорошо начинался!

– И остаток его станет еще лучше! – прогремел над их головами знакомый голос.

Люсинда вздрогнула и, подняв голову, увидела, что Роберт приставил дуло своего пистолета к затылку Джеффри. Однако пистолет Ньюкома все еще упирался ей в бок.

– Эй, потише, иначе я убью ее! – выкрикнул негодяй.

В ответ прозвучал спокойный, полный холодной ярости голос Роберта:

– Либо ты пойдешь в тюрьму, либо я сам пристрелю тебя на месте. Выбирай!

Неожиданно Люсинда почувствовала, что ей больше ничто не угрожает. Ньюком медленно опустил оружие и Люсинда тут же схватила Джорджиану за локоть:

– Идем отсюда, скорее!

Они дружно поднялись и, повернувшись, сделали несколько шагов к выходу.

В тот же момент Тристан одним прыжком оказался за их спинами и закрыл их от прогремевшего выстрела.

Баррет схватил Люсинду за плечо:

– Дорогая, ты не ранена?

Однако Люсинде некогда было думать о себе. Она обернулась и посмотрела сначала на Роберта, потом на Джеффри. Оба оставались в тех же позах, что и несколько секунд назад, только рука Ньюкома, в которой он держал оружие, была приподнята, а из ствола еще струился дым.

– Остановись, Роберт! – закричала Люсинда, видя, как напрыгся его палец, лежавший на спусковом крючке приставленного к затылку Ньюкома пистолета.

– Брось свой проклятый пистолет! – процедил Роберт сквозь зубы.

Джеффри неохотно подчинился. Пистолет стукнулся об пол и отлетел в угол.

– Что ж, ты выиграл! – со вздохом произнес Джеффри. – А теперь нам пора вновь сделаться джентльменами по отношению друг к другу.

– Боюсь, что это уже не получится, – насмешливо произнес Роберт, пряча свой пистолет.

Дверь кафе открылась, впустив двоих полицейских. Баррет молча указал им взглядом на Ньюкома, и полицейские, схватив Джеффри под руки, выволокли его на улицу.

– Черт бы побрал эту полицию – они опять опоздали! Если бы они следовали прямо за нами, как было условленно, то обошлось бы без стрельбы.

– Не нервничай, папа! – поспешила успокоить отца Люсинда. – Слава Богу, все закончилось благополучно! – Она обернулась к Роберту и обвила его шею руками.

Кругом толпились посетители кафе, но им до всего этого уже не было никакого дела...

– Я всегда мечтал быть таким, каким ты хотела бы меня видеть! – прошептал Роберт.

– Тебе вовсе не надо об этом думать, дорогой, потому что ты уже стал таким!

– Неужели ты согласилась бы выйти за меня замуж? Остаться со мной навсегда?

– Я обязательно стану твоей женой, Роберт! И еще я пойду за тобой хоть на край света, потому что просто не смогу нигде быть счастливой без тебя!